ВСЕГДА НАЧЕКУ!

ВСЕГДА НАЧЕКУ

Саратов
Приволжское
книжное издательство
1989

ББК 67.99(2)116.31
В84

Рецензент полковник милиции *П. Н. Водополов.*

В84 **Всегда** начеку: [Сб. очерков]. — Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1989. — 152 с.
ISBN 5—7633—0052—0

Сборник очерков, написанных на документальной основе, посвящен саратовской милиции. Читатель узнает о расследовании «кражи века» — ограбления Патриаршей ризницы в Москве в 1918 году, об успешно завершенном розыске преступников, похитивших в 1938 году из сейфа станции Саратов-II более 90 тысяч рублей, о деятельности правоохранительных органов в наши дни.

Рассчитана на широкий круг читателей.

В $\frac{1203020200—43}{153(01)—89}$ 14—89

ББК 67.99(2)116.31

ISBN 5—7633—0052—0

© Приволжское книжное издательство, 1989 г.

Владимир Азанов

КРАЖА ВЕКА

В феврале 1918 года, смешавшись с толпой беженцев, непрерывным потоком прибывавших из оккупированной немцами Украины, в Саратове появился спортивного вида мужчина средних лет с приятным открытым лицом и не менее приятными, обходительными манерами.

Кто бы мог поверить, глядя на него, что у этого человека такое громкое прошлое! А ведь это был не кто иной, как сам Эдуард Грубер, за которым в воровской среде закрепилась кличка «Профессор». Вероятно, потому, что, будучи еще скромным коммивояжером, он водил дружбу с жандармскими офицерами; жадно у них выпытав, а затем артистично усвоив конспиративные приемы профессиональных революционеров, легко уходил от преследования: едва полиция нападала на след, как он моментально изменял внешность, обзаводился новым паспортом и переезжал в другой город.

А возможно, «Профессором» его стали называть после того, как он совершил во главе вооруженных сообщников бандитский рейд по городам Европы. Газеты Парижа, Лондона и Берлина сообщили тогда о дерзких налетах на банки, магазины, железнодорожные кассы...

Грубером всерьез занялись уголовные полиции многих европейских стран, но каким-то чудом ему удалось уйти от преследования. Удача не раз сопутствовала Груберу и в последующие годы. Однако на то он и был «Профессором», что умел тщательно взвешивать и подготавливать свой каждый новый шаг. Сразу после Февральской революции, наблюдая, как красногвардейцы ловят убегающих иногда даже по крышам городовых, Грубер не без иронии подумал: а кто же теперь будет ловить их, то есть преступников? И тут его осенила

ошеломляюще дерзкая идея — выкрасть регистрационные карточки на себя и своих сообщников из картотек тех городов, где таковые имелись.

В дальнейшем Профессор не раз продумывал свою идею, стараясь предусмотреть все до мельчайших деталей. Свой расчет он строил на том, что в новые органы порядка на первых порах приходили люди хоть и горячо преданные революции, но имевшие зачастую весьма приблизительное представление о специфике розыскного дела.

Вряд ли они представляют, размышлял Грубер, какую власть над преступным миром дадут им эти картотеки, хранящие память обо всех тех бесчисленных мелких и крупных преступниках, кто когда-либо осуждался или просто попадал в поле зрения полиции.

И надо сказать, Грубер в своих размышлениях был недалек от истины. В уголовно-розыскной милиции было тогда немало «архиреволюционных» сотрудников, которые, ничтоже сумняшеся, провозглашали: что́ от царской охранки и полиции — пролетариату не подходит. Все это должно быть отброшено и забыто. Поэтому картотеки во многих городах если и хранились, то кое-как: сбрасывались где-нибудь в одну кучу, а то и попросту уничтожались.

В этой обстановке опытному вору-профессионалу, каким и был Грубер, не составило особого труда выкрасть свое «Дело» сначала в картотеке Петрограда, а затем и Москвы.

Теперь путь его лежал в Саратов, где, как знал Профессор, хранились наиболее «красноречивые» данные о некоторых его бывших делах, связанных с этим «развеселым городком», как пелось в одной из запомнившихся ему волжских песенок.

...Прямо с вокзала Грубер отправился по некоторым старым своим заветным адресам, чтобы с ходу разведать подступы к заветной картотеке.

Вскоре через некоего Носкова, работника Саратовской уголовно-розыскной милиции (о котором Грубер знал, что тот в недавнем прошлом был анархистом, а в чуть более отдаленном — содержателем притона в Глебучевом овраге, где посетителей потчевали **ханжой** — ядовитым варевом из денатурата, получившим большое распространение в Саратове после введения в 1914 году, с началом войны, сухого закона), стало известно не-

что такое, что повергло в крайнее изумление даже видавшего виды Профессора.

— А вы ничего не напутали, сэр? — Профессор считал себя чем-то вроде аристократа в своем деле, а посему любил прибегать в речи к щеголеватым оборотам. — Между прочим, в моем ведомстве за неточную информацию головой расплачиваются...

— Обижаете, господин хороший, — лениво осклабился Носков, на которого угроза Профессора не произвела, похоже, никакого впечатления. — Сам видел, как энту бухгалтерию скидывали в подвал...

— Это не бухгалтерия, мой милый сэр, — мягко прервал его Грубер, легким движением ладони коснувшись широкого плеча своего собеседника. — В этих бумажках наши души заключены — живые и мертвые... — И вдруг, будто остерегаясь сболтнуть что-то важное, Профессор быстро перешел на свой привычный саркастический тон: — С сочинениями господина Гоголя знаком? Что, и «Мертвые души» не читал? Ну что же это вы, сэр? Подобное невежество не пристало отпрыску благородного рода...

«Кастрацию картотеки» (как не без юмора назвал Профессор предстоящую акцию) решено было произвести немедленно. Чувствуя, что вновь поймал удачу за хвост, Профессор той же ночью тщательно отработал план действий, главная роль в котором отводилась оперативнику Носкову.

Наутро, когда все уже было готово, в тесную пыльную каморку, которую Грубер снимал на Цыганской улице, неожиданно явился запыхавшийся Носков. Он принес новое известие, показавшееся Профессору настолько важным, что план захвата картотеки как-то незаметно отодвинулся у него на второе место.

...Эта кража взбудоражила тогда всю страну. Еще бы! Преступники проникли в самое сердце Кремля — так называемую Патриаршую ризницу, выкрав находившиеся там несметные сокровища, поистине хранившие на себе пыль веков.

Ризница располагалась на втором этаже Патриаршего дворца, выстроенного в середине XVIII века патриархом Никоном — главным виновником раскола русской церкви, повлекшего за собой тяжкие и смутные

времена дворцовых заговоров, крестьянских бунтов и жестоких гонений раскольников.

И вот вековая тишина Патриаршей ризницы вновь была взбудоражена дерзким ночным налетом. По водосточной трубе грабители достигли второго этажа, подпилили толстую железную решетку, закрывающую окно, выставили стекло и проникли внутрь ризницы...

Нельзя сказать, чтобы Патриарший дворец был в это время совершенно без присмотра. В начале января здесь побывала специальная комиссия, производившая осмотр и учет всех сооружений Кремля. Тогда все было на месте.

Но вот новый осмотр — 30 января 1918 года — вскрыл страшную картину недавнего налета: шкафы взломаны, витрины выбиты, ценности исчезли...

По разным подсчетам, стоимость похищенного составляла от восемнадцати до тридцати миллионов рублей!

Сокровища Патриаршей ризницы накапливались веками из вкладов русских царей и великих князей, которые совершались по особо торжественным случаям — венчание на престол, отправление в военный поход, а также в честь многих достославных побед, кои одерживались когда-либо русским оружием.

Дело, таким образом, заключалось не только в тех астрономических цифрах, которыми исчислялась стоимость украденного золота и драгоценностей. Все эти серебряные потиры (церковные чаши для причастия XII века), иконы, украшенные бриллиантами и турмалинами (драгоценные камни красного цвета), золотые ковши (один из них весом в 34 фунта!), большие серебряные блюда, евангелия в золотых окладах, покрытые жемчугами и изумрудами, поистине не имели цены, так как являлись невосполнимой принадлежностью отечественной истории и культуры, чудесным творением многих поколений известных и безызвестных русских мастеров.

1 февраля, на второй день после кражи, Президиум Московского Совета на заседании, специально созванном по этому вопросу, принял решение обратиться ко **всем** гражданам Советской Республики с призывом содействовать поимке преступников и возвращению ценностей.

К розыску, который велся днем и ночью, были подключены все губернские «чрезвычкомы», в том числе и

Саратовская уголовно-розыскная милиция, подчинявшаяся в то время губчека.

Обо всем этом Носков и рассказал тем утром Груберу.

— Для поимки московских воров в чека создана особая опергруппа, — заключил Носков таким тоном, будто составлял милицейский протокол. — Во главе назначен Митюшин — это наш замначальника по политической части. Ну и окромя него — Иванов, моряк балтийского экипажа, Александр Ранский, фронтовой разведчик, Прошин[1] — командир конно-боевой дружины...

— Даже кавалерию подключили? — иронически переспросил Грубер, который слушал Носкова очень внимательно, почти не перебивая. — Ну а профессионалы есть, я имею в виду легавых?..

— Есть два старых волка — Свитнев и Борноволоков, — сразу помрачнел Носков.

— Ого! — многозначительно причмокнул губами Грубер. — Могу сказать заранее, что появление на горизонте этих господ не сулит нашим московским коллегам ничего хорошего... Впрочем, почему московским? — сложив руки на груди, он подошел к окну, сквозь запыленные стекла которого едва пробивался мутный желтоватый рассвет. — А вдруг Патриаршую ризницу обчистил кто-то из саратовских прокуратов, как тут у вас говорят... или наш брат заезжий гастролер, который может объявиться где угодно...

За этими размышлениями Профессора скрывалось далеко не праздное любопытство. Дело в том, что Грубер относился к категории «чистых воров», под которыми воровской жаргон подразумевает тех, кто отбирает награбленное у своего же брата уголовника.

Словно матерый волчище, позарившийся на добычу, принесенную другими, оказавшимися более удачливыми серыми хищниками, Профессор загорелся идеей прибрать к своим рукам «кремлевское золотишко». Ведь в случае удачи его ожидал такой куш, по сравнению с которым все его предыдущие кражи казались чем-то вроде жалкой добычи щипача-карманника!

---

[1] Александр Захарович Прошин пал геройской смертью в мае 1918 года, защищая от мятежников здание исполкома во время контрреволюционного мятежа.

— Ну, вот что, уважаемый сэр! — медовая улыбочка Профессора приоткрыла мертвенно блеснувший металлический зуб. Сейчас он весь был заряжен действием, как туго взведенный курок пистолета. — Ты должен обязательно войти в оперативную группу... как это его там, Митюшина, что ли? Я должен знать о каждом его шаге. Ты оперативник молодой, пролетарского происхождения, тебя примут...

Носков с изумлением наблюдал за преображавшимся на его глазах Профессором. Даже движения его стали вкрадчивыми, рассчитанными, как у барса, изготовившегося для решительного броска.

Надо сказать, что, хотя имена Свитнева и Борноволокова Грубер всегда произносил с почтением, зная их как специалистов высочайшего класса, таких же «профессоров» в своем деле, как и он сам в **своем**, все же в глубине души он мало верил, что опергруппа Саратовской ЧК, составленная, как он видел, из столь разношерстной публики, способна что-либо отыскать. Больше всего он надеялся на себя, свой опыт международного вора, свои могущественные связи в тайном преступном мире, наконец, просто на госпожу Удачу, которая была так благосклонна к Профессору в последние годы.

Но, как видно, на этот раз фортуна отвернулась от него. В один из оттепельных мартовских дней, насыщенных влажным плотным туманом, в котором уже угадывалось тепло подступающей весны, Носков сообщил Профессору, что опергруппа ЧК напала на след московских грабителей.

Самолюбие Грубера было несколько покороблено. Но, несмотря ни на что, это была для него очень приятная неожиданность.

— Как же это им удалось? — чувствуя себя так, будто только что проиграл крупную ставку в игорном доме, спросил Профессор.

Носков вытянулся, как при докладе начальнику.

— Значитца, согласно донесения, в ресторане «Товарищество», бывшем «Европа», задержаны два спекулянта, что, значитца, пытались сбыть золото в слитках...

— Откуда слитки? — подался к нему Грубер, напрягшись, как стальная пружина.

— На допросе, значитца, задержанные показали, — как-то вяло, будто его нисколько не интересовал пред-

мет разговора, продолжал Носков, — что слитки переданы им неким Самариным...

— Самариным?! — чуть не подпрыгнул на стуле Грубер. Но тут же громадным усилием воли совладал с собой.

— Ну, вот что, уважаемый сэр! — снимая с гвоздя свой щегольской, хотя и несколько потертый макинтош, властно приказал Грубер. — Сейчас же идем в картотеку. Там ты находишь карточку этого Самарина, он же Константин Полежаев, он же Израиль Хугельман... и приносишь ее мне.

— А как же ваша карточка? — робко спросил Носков.

— Я сказал: Самарина! — и никого более! Это сейчас для нас вопрос жизни и смерти... А я пока сам попытаюсь разыскать этого любителя московского антиквариата.

К тихому особняку на круто спускавшейся к Волге улице, где снимал квартиру Самарин, они подъехали на извозчике.

Дверь открыл сам Самарин — представительный, смахивающий по внешности на родовитого барина мужчина, который странно переменился в лице, увидев сразу столько ночных гостей. Но когда Свитнев представил ему мандат, Самарин несколько успокоился и сам провел чекистов в гостиную, где им навстречу поднялась из уютного кресла его жена — редкой красоты молодая женщина лет двадцати пяти с книгой в руках («на немецком языке», — зарубил для себя в памяти эту любопытную деталь Борноволоков, краем глаза уловив выписанное готическим шрифтом заглавие на красивом сафьяновом переплете).

За Борноволоковым, едва не запутавшись в мягких бархатных портьерах, в гостиную протиснулся Носков, который буквально остолбенел, увидев Самарину. «Вот это баба!» — смятенно пронеслось у него в голове.

— Ну, чего стал, как столб? Проходи! — недовольно пробурчал шедший за ним Иванов. — Чего ты уставился на эту контру... Баб не видел, что ли, ясное море...

Но Самарина уже успела перехватить восхищенный взгляд Носкова. Глаза ее зажглись странным стеклян-

ным блеском, что совсем лишило бедного Носкова рассудка. Залитая красноватым светом гостиная закружилась, поплыла перед глазами. И все дальнейшее он воспринимал уже довольно тупо, бессмысленно переводил глаза со Свитнева на Борноволокова и все время чувствовал спиной это лицо в тонком светящемся ореоле волос, от которых так трудно было отвести взгляд...

Между тем Свитнев стал осторожно простукивать стены металлической тростью, внимательно вслушиваясь натренированным ухом в доносившийся стук. Обыск шел утомительно долго — под напряженным беспокойным взглядом Самарина, неотрывно следившего за каждым движением чекистов.

— Иван Александрович! — неожиданно позвал Свитнева Борноволоков. — Ну-ка, простучи вот здесь...— и он указал на совершенно новые обои, в искристую полоску, которыми была аккуратно заклеена часть стены. При первом же ударе трость издала глухой металлический скрежет. Два старых сыщика быстро переглянулись, не скрывая своего удовлетворения.

Обои легко отошли от стены: видно, наклеены были недавно и клей не успел еще подсохнуть. Под ними оказался округлый черный бок металлической высокой печки — голландки. На ее поверхности Свитнев очертил концом своей трости квадрат и распорядился осторожно выбрать из него кирпичи.

Когда дыра была готова, Свитнев заглянул через нее вовнутрь голландки и даже присвистнул от удивления: узкое каменное чрево печи было битком набито узлами и коробками...

И вот на круглый стол в красноватом свете подвешенной к потолку лампы чекисты вывалили целую груду сокровищ: желтые золотые слитки, благородно отсвечивающие всеми цветами радуги драгоценные камни, увитые затейливыми узорами золотые и серебряные изделия...

Даже старые сыщики Свитнев и Борноволоков словно бы остолбенели от волнения, и не мудрено: все это напоминало ожившую сказку из «Тысячи и одной ночи».

— Вот гад, ясное море, сколько зацапал! — прохрипел балтийский матрос Иванов, метнув на Самарина тяжелый от ненависти взгляд.

— Один вряд ли бы управился... — не отрывая взгляда от разложенных на столе драгоценностей, за-

думчиво произнес Свитнев. — Тут целая шайка-лейка работала, не иначе... Однако же, надо торопиться, товарищи! А то как бы еще не объявились охотники за кремлевскими камешками...

Иван Александрович еще не знал, насколько он близок к истине. Как ни странно, наиболее остро воспринял эти слова Самарин. Холеное лицо его передернулось.

— Э-э, почтеннейший, ради бога, умоляю вас, не оставляйте здесь мою жену! — как-то по-собачьи заглядывая в глаза Свитневу, пробормотал он. — Мы уже несколько ночей не спим. Вскакиваем от каждого стука... Я и вас поначалу принял за налетчиков!

— Еще бы! Сидели, можно сказать, на груде золота. Запросто могли укокошить, ясное море! — поправляя кобуру маузера на бедре, спокойно резюмировал Иванов.

Драгоценный груз бережно уложили опять в коробки и узлы, которые снесли на поджидавшую чекистов телегу.

Чуть вдалеке, на улице Рождественской, маячили в зыбком весеннем тумане всадники в полной боевой экипировке с шашками и винтовками. Это был 4-й отряд конно-боевой дружины под командованием Л. З. Прошина.

У здания бывшего дворянского собрания на Московской улице, несколько в стороне от небольшого скопления зевак, глазевших на необычную процессию, стоял мужчина с мощными плечами атлета, заложив руки в карманы щегольского, хотя и несколько потертого макинтоша.

Увидев его, Самарин как-то испуганно съежился и отвернулся в сторону, пряча в воротник посеревшее от страха лицо.

— Черт... что еще такое? — прохрипел ехавший с ним в одной пролетке Иванов. — Кто такой? Ясное море... Эй, дядя! — угрожающе приказал он незнакомцу, положил руку на кобуру маузера. — А ну-ка, сыпь сюда! Документы есть?

Однако незнакомец чуть двинул борцовскими плечами и исчез за спинами субъектов анархистского вида, которые начали было угрожающе приближаться к пролетке, где сидели все так же не поднимавший головы Самарин и настороженно оглядывавшийся вокруг Ива-

нов, но тут в дело вступили бойцы конно-боевого отряда Прошина и оттеснили толпу крупами лошадей.

— «Так громче музыка играй победу, мы победили — враг бежит, бежит, бежит...» — угрюмо прокомментировал это строкой популярного марша Грубер, который, как, вероятно, уже догадался читатель, и был главным виновником инцидента. Укрывшись за толстой театральной тумбой, он внимательно наблюдал за происходящим. Грубер понял, что опоздал к Самарину и ценности перехвачены чекистами.

Но не таков был Грубер, чтобы после этого окончательно распроститься с мыслью о сказочной добыче, которая, казалось, была у него в руках (в том, что ему удастся «экспроприировать» ценности у Самарина, Профессор нисколько не сомневался!).

Грубер почти был уверен, что чекистами изъята лишь часть похищенного. Такой опытный вор, как Самарин, конечно, не станет все прятать в одном месте. Наверняка у него где-то есть другой тайник, а может, и не один... Но где?

И тут у Грубера возникла дерзкая идея проникнуть в тюрьму и вытряхнуть из Самарина сведения о других его кладах, пока этого еще не сделали чекисты.

Свой план Профессор решил осуществить с помощью того же Носкова, которого он, к своей радости, заметил среди чекистов, сопровождавших золото Патриаршей ризницы...

Как выяснилось впоследствии, Грубер был весьма недалек от истины в своих предположениях относительно того, что у Самарина может быть не один тайник. Но и то, что было изъято в особняке на Рождественской, трудно укладывалось в сознание: только чистого золота в слитках в самаринском тайнике оказалось на сумму в двадцать миллионов рублей!

Кропотливый поиск саратовских чекистов увенчался ошеломляющей удачей. Впрочем, единоборство с преступниками — это такая сфера, где обстановка может поменять полюса за каких-нибудь несколько минут.

Не успели в Саратовской уголовно-розыскной милиции остыть от радостного возбуждения, связанного с поимкой Самарина со всеми его награбленными сокровищами, как, будто гром среди ясного неба, грянула

новая весть: Самарин повесился в тюрьме. Эта смерть была самым худшим из всего, что можно было придумать в сложившейся ситуации. Вместе с ней почти напрочь отсекалась возможность выявить сообщников Самарина. На первом допросе Самарин показал, что совершил кражу в одиночку. Но вряд ли кто из саратовских чекистов сомневался, что в Патриаршей ризнице он был не один.

Несмотря на поздний ночной час, в губернскую тюрьму прибыл заместитель председателя губчека Макс Дейч и устроил страшный разгон всей охране, подперчивая картавые английские ругательства, вывезенные им из американских штатов, крепкими русскими словечками. В еще большую ярость его привело сообщение Борноволокова о том, что во время проверки постов в тюрьме он застал арестованную Самарину в объятиях оперативника Носкова, приставленного к ней для охраны.

— Из органов милиции уволить немедленно, да заодно проверить, что за птица, откуда к нам пришел, — решительно приказал Дейч и, помолчав, добавил: — А с этой Самариной не спускать глаз ни днем, ни ночью... О'кей? Вот и ладненько! Есть подозрение, что вовсе она никакая не Самарина, а известная русская шпионка княжна Екатерина Николаевна Кудрявцева. Во время войны служила в разведке русской армии в Польше, участвовала в боевых операциях. Но после Февраля из Варшавы куда-то исчезла. Если это действительно она, то очень бы хотелось узнать: зачем это ее светлость пожаловала в Саратов и явно подбиралась к самаринским миллионам? Сейчас среди беженцев белых лазутчиков не меньше, чем бандитов-гастролеров. Кстати, что говорил Самарин на допросе о сообщниках? Что? Совершил кражу один? Какая чушь! Немедленно проверить его связи в картотеке по старым учетам...

Борноволоков тактично опустил глаза. Он не решился сказать Дейчу о том жалком существовании, в котором ныне пребывала саратовская картотека. Для него достаточно было осознать, что Дейч относится к ней совсем не так, как некоторые архиреволюционные его начальники. В том, что картотека когда-никогда понадобится новой власти, Борноволоков нисколько не сомневался. Как не сомневался в том и его давний коллега по сыскному делу Иван Александрович Свитнев. Первое же обращение к картотеке принесло ошеломляющий ре-

зультат. У Самарина, оказывается, был брат Дмитрий, живущий в Подмосковье. Свитневу пришло время ехать в Москву. Вместе с сотрудниками Московской уголовно-розыскной милиции ему удалось выследить второго кремлевского грабителя и задержать его в поселке Красково. Здесь была изъята вторая значительная часть патриарших ценностей.

Но это будет потом, а в ту ночь, проверив еще раз посты, Макс Дейч покинул тюрьму уже несколько успокоенный, хотя в мозгу саднящей занозой сидела мысль об этом неожиданном и непростительном для всех самоубийстве Самарина. Стараясь отвлечься от нее, Дейч под натужное повизгивание мотора небольшого «бенц-мерседеса» стал думать о том, кого из известных саратовских ювелиров пригласить завтра для описи кремлевских ценностей.

Было уже далеко за полночь. «Бенц-мерседес» юрко петлял по знакомым улицам и переулкам, наполненным тяжелой сонной тишиной. Вконец успокоившись, Дейч задремал на заднем сиденье. Но, как оказалось, предутренняя тишина была обманчивой. И эта сумасшедшая мартовская ночь приготовила саратовским чекистам еще один кровавый сюрприз.

Взбешенный провалом Носкова, Грубер решился на отчаянную вылазку. Под утро кучка отпетых громил после яростной перестрелки с охраной ворвалась в губернскую тюрьму. С тяжелым «Смитом и Вессоном» в руке, Грубер ринулся к камере Самарина. Однако кованная железом дверь оказалась незапертой. Камера была пуста... Решив, что Самарина перевели в какое-то другое место, разочарованный Профессор спешно покинул территорию тюрьмы в окружении своей свиты. За ними прорвалось из камер еще около сотни ликующих рецидивистов.

...На дерзкий выпад воровской «малины» Саратовская ЧК ответила молниеносным и хорошо организованным контрударом.

Поднятая по тревоге конно-боевая дружина Б. И. Залетова «заперла» город на крепкие засовы, установив конное и пешее патрулирование. Другие ее отряды блокировали подступы к важнейшим объектам.

А когда небо над Саратовом уже заметно посветлело, опережая первые лучи солнца, в губчека пришла радостная весть: транспортная опергруппа чекистов во

главе со старым большевиком Александром Сперанским задержала в астраханском поезде почти всех налетчиков и бежавших с ними уголовников.

Груберу удалось уйти от облавы, так как чутье опытного вора-профессионала подсказало ему, что садиться на поезд в Саратове ни в коем случае не следует. Примкнув к пьяно горланящей группе матросов-анархистов, он на щегольской пролетке с хрипящим патефоном лихо докатил до Разбойщины, а оттуда на мужицких санях, подвязав щеку большим белым платком, якобы от зубной боли, Профессор добрался до ближайшей большой станции — Татищево. Здесь он с трудом втиснулся в душную вонючую теплушку одного из поездов, следовавшего в сторону Москвы.

«Совершить кражу века и так бездарно отдать ее чекистам!» — болезненно морща щеку, будто у него в самом деле болел зуб, с досадой думал Грубер о Самарине. Глядя в проплывающие мимо чахлые перелески и печальные от темного мартовского снега поля, международный вор-профессионал зябко кутался в щегольской макинтош. Путь его лежал в Харьков, где тоже была отменная картотека.

В стуке колес внезапно послышалась мелодия бравурного марша: «Так громче музыка играй победу...». Грубер досадливо мотнул головой, словно отгоняя наваждение. Время маршей для него, похоже, прошло. А впереди была смутная и зыбкая, как это предрассветное зимнее небо, неопределенность...

Владимир Гольдман

СЕЙФ ИЗ ФРАНЦИИ И ТУФЛИ ФАБРИКИ «СКОРОХОД»

Рабочий день в паровозном депо станции Саратов II только начинался, когда в кабинет к главному бухгалтеру вбежал кассир К. И. Мачихин. Не отдышавшись, заглатывая воздух, с порога выпалил:

— Девяносто две тысячи!

— Выиграл? — невозмутимо спросил бухгалтер.

— Украли!

Помещение кассы находилось неподалеку, в пристройке к двухэтажному кирпичному зданию, где размещались мастерские железнодорожной школы. Кассир и бухгалтер поспешили через переплетения рельсов вприпрыжку, не выбирая, где посуше, — ночью прошла гроза, — к месту происшествия.

Мачихин торопливо открыл первую дверь в тамбур (она была на английском замке-гирьке), затем — вторую, безошибочно, не глядя, беря нужный ключ из толстой связки.

Крохотную комнатушку кассы почти без остатка занимали массивный стол с пузатыми ножками, венский стул с гнутой спинкой и высокий, в рост человека, темно-зеленый сейф с вензелями — один из двух закупленных во Франции еще до Октябрьской революции правлением Рязано-Уральской (теперь — Приволжской) железной дороги. Над столом — окошечко, через которое выдавались деньги.

Кассир открыл с двух поворотов-щелчков толстую дверь сейфа и следом, внутри его, дверцу ящичка-отсека, предварительно нажав секретную кнопочку, без чего хитрый ящичек ключу не поддался бы.

— Вот, — выдохнул Мачихин и развел руками, будто ему не верили, что ящичек действительно пуст, — везде прошарил, весь сейф. Хотя, кроме как здесь, им

негде быть, вы же понимаете. Вчера замкнул и проверил. Без этого порог не перешагну.

Бухгалтер и кассир молча и скорбно, словно перед гробом, смотрели на непривычно распахнутую настежь дверь сейфа. Наконец бухгалтер опустился на стул, а кассир запер сейф и, как всегда, попробовал его ручку.

Не дожидаясь вопросов, Мачихин рассказал, что накануне, как известно, была выдана работникам депо заработная плата. Из банка получили 240 тысяч, осталось перед закрытием кассы 92 тысячи.

— Ключи, — закончил кассир, — все время при мне. Всегда. Сами понимаете.

— Вызывайте милицию, — сокрушенно махнул рукой бухгалтер.

Линейный отдел милиции на станции Саратов II находился поблизости. Дежурный и оперативный уполномоченный уголовного розыска прибежали мигом. Однако в ожидании начальства действий никаких не предпринимали. Через минут сорок приехали на машине-«линейке» начальник научно-технического отдела областного управления НКВД А. Ф. Громинский, дактилоскопист и инспектор со служебно-розыскной собакой. Чуть позже прибыли начальник дорожного отдела милиции И. М. Запорожец и его подчиненные: начальник уголовного розыска И. В. Лушников и старший оперативный уполномоченный угрозыска М. С. Николаев. Добирались они попутным транспортом: ни автомашины, ни конной пролетки в дорожном отделе не было. Сотрудники милиции тихо совещались. Наконец Запорожец кивнул собаководу. Собака взяла след, затрусила к зданию депо, вернулась к помещению кассы и, срываясь с поводка, облаяла кассира и бухгалтера.

Осмотр места происшествия проводил Громинский. В его заключении утверждалось, что «насилия» над замками не было, их открыли ключами. Изготовление ключей к дверным замкам для специалиста дело несложное. Но к сейфу! Ключ от него был мудреный, с четырнадцатью бороздками. И замок соответственно четырнадцатирезорный. Без образца, чертежа или хотя бы слепка изготовить к нему ключ не смог бы даже слесарь высочайшей квалификации.

Дактилоскопист снял и «прочитал» в тот же день

несколько отпечатков пальцев: они принадлежали Мачихину.

Первый допрос бухгалтера, а затем, отдельно от него, кассира проводил И. В. Лушников в присутствии И. М. Запорожца. На вопрос о том, находились ли в сейфе какие-либо другие деньги, кроме похищенных, Мачихин, помедлив, ответил:

— Еще две тысячи четыреста было. Внизу сейфа под бумагами. Их не нашли, не взяли. Это мои.

Бледное лицо кассира стало сероватым. Сатиновым нарукавником он провел по лбу, не скрывая волнения, расстегнул запонку на белом воротничке рубашки, оттянул резинку, держащую галстук, потер ладонью под пиджаком у сердца и... выложил на стол завернутую в носовой платок пухлую пачку денег — две тысячи четыреста рублей.

Работники милиции оживились: кажется, кассир «раскололся». Посыпались новые вопросы. Мачихин объяснил, что выиграл эти деньги по облигациям и всю сумму получил в сберкассе, находившейся на углу Советской и Пугачевской. Деньги держал в сейфе, собираясь со дня на день выслать их своему сыну, живущему с семьей во Владивостоке.

Утверждение Мачихина о происхождении двух тысяч четырехсот рублей оказалось ложным. На очередном допросе кассир не стал настаивать на своих прежних показаниях и заявил, что теперь скажет правду: деньги он получил на хранение от своего приятеля Петра Набоги.

— Так почему же ты раньше не сказал об этом? — разъярился Лушников.

— О деньгах никто, кроме Набоги и меня, не знал. Он их таил от своей старухи. Да вот беда, — Мачихин опустил голову, — Набога-то умер. Значит, не свидетель. Вот я и придумал на ходу про облигации. Ну, а деньги, сами понимаете, по существу, теперь ничьи стали. А у моего сына четверо детей. В своего деда пошел — у него шестеро было. Вот я и думал да гадал: старухе деньги отдать или сыну отправить. Старый дуралей, сами понимаете...

В один из ближайших дней начальник доротдела милиции вызвал к себе в кабинет Лушникова и Николаева.

— Что-то вы тянете волынку с Мачихиным, цацкае-

тесь долго, — лицо Запорожца было недовольным и усталым.

Первым встал младший по должности — Николаев. Его соображения сводились к следующему. Мачихин работает в депо кассиром 29 лет, с 1910 года. Многие годы, будучи кассиром-давальщиком (была тогда такая должность), он выдавал деньги не только в кассе депо, но и выезжал с этой целью на станции и разъезды отделения дороги. Возможностей для хищений у него было хоть отбавляй. Но ничего предосудительного биографию кассира не чернило. Под следствием и судом не был. Беспартийный, правда, но в оппозициях не состоял и к ним не примыкал. Человек педантичный. В голове никак не укладывается, чтобы такой пошел на тяжкое преступление или стал сообщником «медвежатников». Не видно и мотива преступления. Деньги сыну и внукам? Так у него и без того лежали две тысячи четыреста рублей.

— И кто же тогда, по-твоему? — поморщился Запорожец.

— Надо искать, товарищ начальник.

Лушников придерживался иного мнения. Он нажимал на то, что Мачихин нуждался в деньгах для сына и не скрывал, что собирался на пенсию. А на пенсию жить — не разбежишься. Так что мотив преступления все-таки был. И еще. Подделка посторонним человеком ключей маловероятна. Отмычкой такой сейф не откроешь — таково единодушное мнение специалистов по сейфам из городского отделения Госбанка и опытнейшего слесаря из управления дороги. Вдвоем они бились у этого «шкафа», но без ключа открыть его им оказалось не по силам. Но кассир утверждает, что ключи и днем и ночью при нем, в чужие руки попасть никак не могли. Кто же другой мог открыть сейф? А что насчет честности, так это видно по мачихинским побасенкам о происхождении двух тысяч четырехсот рублей.

Запорожец присоединился к мнению Лушникова и подвел черту:

— Так что выходит — Мачихин. Больше некому.

Здесь самое время сказать, что любое нераскрытое преступление всегда проблемное дело. Разночтение фактов, их разная оценка, столкновение мнений вполне естественны. При этом, само собой разумеется, ни эмоции, ни интуиция, ни наступающие на пятки процессуальные

сроки не должны заслонять закон, рассудок и справедливость.

Николаев хорошо знал эти прописные истины и стремился руководствоваться ими. Но теперь он был лишен права проверять свои и чужие гипотезы. Командный метод руководства, не терпящий возражений, был весьма широко распространен в милиции.

Хищений из сейфов путем подбора ключей советский Саратов не знал. Был, правда, случай в 1925 году, когда преступники напали на служащих промышленного банка, находившегося на площади Революции, и захватили 105 тысяч рублей. В другой раз бандиты похитили сейф с крупной суммой денег. Бывало, нападению подвергались инкассаторы и кассиры. А тут — крупная кража из неприступного, иностранного сейфа! Действительно, сенсационное дело! Раскрытие такого преступления дало бы профессиональную известность тем, кто оказался на острие событий. Успешно раскрытое, прошедшее через суд дело о краже из французского сейфа, изготовленного во второй половине XIX века, не забудется, оно останется яркой строкой в истории саратовской милиции. А путь к установлению преступника казался многим сотрудникам дорожного отдела милиции прямым и открытым. По этим соображениям Запорожец решил не оставлять дело о краже из сейфа в линейном отделе милиции на станции Саратов II и принял его, как говорят юристы, к своему производству. Факт в практике железнодорожной милиции беспрецедентный.

Первым делом Запорожец подготовил и санкционировал у прокурора постановление об аресте Мачихина. В ближайшую же ночь кассир был поднят с постели и отправлен в тюрьму.

Михаил Семенович Николаев служил в милиции РУЖД со дня ее создания летом 1937 года. Первый начальник дорожного отдела милиции А. П. Эглит и вскоре сменивший его А. А. Капустин ценили Николаева за оперативное чутье, инициативу и порядочность. Однако оба они возглавляли доротдел недолго. Эглит неожиданно был арестован, а Капустин пошел на повышение по службе. Начальником доротдела стал И. М. Запорожец, и с этого времени служба у Николаева, как говорится, забуксовала. Не раз Запорожец отклонял или

существенно корректировал без объяснения предлагаемые Николаевым планы оперативных мероприятий, не стесняясь при этом грубых выражений. Теперь же и вовсе отстранил Николаева от расследования.

Нынешним ветеранам милиции, как и их предшественникам в тридцатые годы, хорошо известно, что без неприятностей, увы, многолетняя служба никогда не проходит, а неудачи и промашки в милицейской работе тоже бывают, и нередко. Все это известно было и Николаеву, но от этого легче ему не становилось.

Когда бы ни заканчивался рабочий день: будь то в официально установленное время — 2 часа ночи — или позже, Николаев шел домой, на кабинетном дерматиновом диване ночевать не оставался. Так было и тогда, в трудные для него дни октября 1939 года. В тишине пустынных, будто вымерших, улиц спадало нервное напряжение, стихали обиды, отдыхала голова, проветривались легкие.

Стояла сухая медная осень. Под ногами шуршали опавшие листья.

Раскрыть кражу из сейфа по горячим следам не удалось. Надежда на быстрый успех не оправдалась, время уходило, что само по себе затрудняло установление преступников. Серьезной промашкой являлось также то, что Запорожец и Лушников пытались непременно прийти к наперед заданному результату. Поэтому некоторые существенные факты группировались и истолковывались ими вопреки логике, а домыслы выдавались за доказательства. И все же версия, что кражу совершил Мачихин, «не дотягивала». Добиться от кассира собственного признания в преступлении не удалось. Дело зашло в тупик. В конце концов обвинение Мачихина в краже отпало и из-под стражи его освободили. Без извинений. Уголовное дело, однако, прекращено не было: виновность Мачихина, бухгалтера Онипко и начальника депо Редковича в преступной халатности не вызывала сомнений. Нельзя было, согласно инструкции, оставлять деньги в неохраняемой кассе. Следовало в тот же день возвратить их в банк или выставить охрану. Ни то, ни другое сделано не было. Выяснилось, что аналогичные отступления от инструкции допускались и раньше. Обойдется и на этот раз — не сомневался Мачихин. Бухгал-

тер же и начальник депо, надеясь на профессиональную добросовестность кассира, порядок хранения денег не контролировали.

Преступление в кассе паровозного депо получило в городе широкую огласку. Сумма похищенного, по слухам, выросла до 192 тысяч.

Суд над кассиром, бухгалтером и начальником паровозного депо провели в просторном зале клуба железнодорожников имени Карла Либкнехта. Подсудимые были признаны виновными, и суд вынес им обвинительный приговор, не связанный с лишением свободы.

К этому времени в дорожном отделе милиции произошли существенные перемены. Начальник отдела Запорожец за злоупотребление служебным положением был снят с должности и понес строгое партийное взыскание.

Новый начальник дорожного отдела милиции Б. В. Копылов перевел Николаева с повышением на должность начальника линейного отдела милиции на станции Саратов II и передал дело о краже из сейфа для расследования в этот отдел. Окрыленный Николаев включился в поиски воров.

Заметим, что в линейном отделе кража из французского сейфа не была единственным нераскрытым тяжким преступлением. «Висели» два факта хищения женской модельной обуви, поступившей с ленинградской фабрики «Скороход» на саратовскую базу «Росглавобувь».

Фабрика пользовалась славой знаменитого предприятия. Первенец обувной индустрии страны, «Скороход» давал продукцию высокого качества. Широко был известен любопытный факт: летом 1934 года группа скороходовцев совершила пеший переход от Московских ворот Ленинграда до столицы и обратно. Не ради туристского интереса. Была проверена и подтверждена прочность и надежность продукции скороходовской марки. Обувь переход выдержала! Недостатка покупателей скороходовской обуви не было.

Осенью 1939 года фабрика «Скороход» с месячным интервалом отгрузила в Саратов два вагона обуви. На базе каждый раз деревянные ящики с обувью взвешивали — их вес и количество соответствовали докумен-

там. Затем ящики один за другим вскрывали и проверяли количество коробок с обувью — недостач не оказывалось. Однако когда ящики попадали в магазины, то там обнаруживалось, что в некоторых коробках вместо женских модельных туфель вложены деревянные чурки.

При предшественнике Николаева работники ОБХСС линейного отдела безуспешно пытались установить, чьими руками кожаная обувь в пятидесяти двух коробках подменена деревяшками. Теперь Николаеву предстояло форсировать раскрытие этого преступления. Ознакомившись с материалами дела о чудесах с обувью, он дал задания сотрудникам ОБХСС. Один из них был направлен в отдел сбыта фабрики «Скороход», другой — на станцию Ленинград. Первому удалось под видом экспедитора участвовать в погрузке обуви на машины, а затем при перегрузке их на железнодорожной станции в вагоны, а второму — сопровождать вагон с обувью вплоть до Саратова. Однако оба сотрудника не нашли «зацепок».

В это же время Николаев и оперативный уполномоченный С. Я. Сысуев начали проведение розыска в Саратове, сосредоточив свое внимание на пакгаузе № 1, принимавшем обувь, местной базе «Росглавобувь» и магазинах, где была обнаружена недостача. Вначале, увы, и это ничего не дало.

Между тем продолжалась кропотливая работа по раскрытию кражи из французского сейфа. Хотя работниками доротдела милиции был потерян такой важный фактор расследования, как быстрота, Николаев смотрел на перспективы оптимистически. Обнадеживала уверенность, что преступление совершено людьми местными, а это значительно облегчало задачу. 92 тысячи — сумма огромная, и, говоря словами оперативников, где-то она должна была «вылезти» и «засветиться». Деньги любят, чтобы их тратили.

Естественно, что Николаев не ждал, когда преступники сами «покажут свои уши», сложа руки не сидел. Был, в частности, составлен список всех железнодорожников и других лиц, получавших в течение последних двух лет деньги в кассе паровозного депо. Фамилии тех, кто имел судимость, подчеркивали. Ими занима-

лись в первую очередь. Затем началась «просейка» лиц, уволившихся из депо в течение 1939 года. Короче говоря, проверялась причастность к преступлению большого количества людей. Шли обычные милицейские будни. Подгонять сотрудников уголовного розыска и ОБХСС, а их в линейном отделе было всего восемь человек, не требовалось: все трудились на совесть.

В декабре 1939 года из села Войново Татищевского района в Саратов приехал Григорий Садкин покупать дом. Его жена и двое детей остались в селе у свекрови. Вообще-то Садкины имели в Саратове жилье и прописку. Но какое это жилье?! Просто мансарда дома.

В городе на заборах и телеграфных столбах, особенно вблизи трамвайных остановок и рынков, было расклеено немало различных объявлений, написанных от руки на клочках бумаги. Они предлагали обмен квартир, извещали о продаже домов, скота, одежды. Садкин несколько дней ходил по адресам, присматривался, приценивался, сравнивал. Снег в тот год выпал поздно, вихрем носилась и била по лицу колючая пыль. В плохонькой одежонке было зябко. В конце концов Садкин остановил свой выбор на бревенчатом доме на Соколовой улице (ныне ул. Антонова-Саратовского). Дом был ладно сработан, при нем участок в две сотки. Рядом Сенной рынок — тоже удобно. Хозяин заломил за дом 15 тысяч. Садкин запальчиво торговался, впрочем только для вида.

К приезду жены Садкин купил покрытый свежим лаком двустворчатый шкаф, старинный буфет с инкрустациями, настенные часы с боем, жене по дешевке у знакомого железнодорожника — две пары новых модельных туфель и серый платок-пушинку, кое-какую одежду детям, а себе — белый овчинный полушубок.

Трудностей с покупками не было. Рядом бурлил и кипел Сенной базар.

Издавна на этом рынке торговали сеном (вот и объяснение названия), отрубями, всем, что годилось на скармливание скоту и домашней птице. У многих жителей Саратова имелись собственные дома с надворными постройками. Им было выгодно держать корову или овцу, иметь свиней, кур, а кое у кого во дворе стояла лошадь. Да, и лошадь. В городе были легковые и ломовые извозчики. Их повозки, к слову говоря, не простаивали.

Вместе с тем на Сенном рынке шла оживленная продажа продовольственных товаров домашней выработки. В рыночной толпе был и широкий выбор бывшей в употреблении одежды, обуви. Люди несли на рынок все, что можно, и все это рано или поздно находило своего покупателя. Были на рынке и государственные лотки, и небольшие магазинчики. Официально Сенной рынок назывался колхозным, а в обиходе обычно Сенным или просто барахолкой.

На подводах, поездами, пригородным речным транспортом прибывали на рынок колхозники продавать и покупать. Горожане же порой приходили сюда и без строго намеченной нацеленности на покупку какой-то вещи, а так — поглядеть, да на всякий случай — авось попадется что-то нужное.

Естественно, что на рынок стекались воры и воришки, мошенники и ширмачи, спекулянты и перекупщики.

Милиция держала рынок «на прицеле». Там постоянно дежурили участковый инспектор и два милиционера, а по воскресеньям и четвергам (иногда и в другие дни) им на помощь приходили в гражданской одежде работники уголовного розыска и ОБХСС. Периодически милиция проводила на рынке облавы. Сенной «давал» немало преступлений.

Жене Садкина понравился дом и другие покупки мужа. Однако обновки надевать отказалась и мужа упрашивала не щеголять в новом перед соседями, да и вообще с ними поменьше общаться. В советах жены был трезвый практический резон: высовываться с неправедно нажитым пока что рано. Садкин же хорониться не соглашался.

— Зачем же тогда куплено? Ради чего башку подставлял? Чтоб в сундуке добро моль жрала? Дадено тебе — радуйся. А соседи, извини меня, уже заходили: то утюг попросят, то сода нужна. Может, и брешут, а как не впустить? Хуже подумают. Понятно, глазами любопытствовали.

— Вот и дурак, — парировала жена, — застукают нас. Соседи за полверсты здороваются, а глаза воротят. Может, уже просигналили милиции.

Вовсе не понравились жене модельные скороходовские туфли: высок каблук, в них только форсить, а ей

этого не надо. К тому же две пары купил. Зачем? Жена ворчала:

— Продай, базар не за семь верст.

В ближайший четверг — день привоза — Садкин, надев новый овчинный полушубок, понес пару туфель на толкучку Сенного рынка. Под бурками поскрипывал прихваченный морозцем снежок. Только вынул туфлю — откуда ни возьмись предстала перед ним старуха с пропитым лицом:

— Сколько?

Садкин назвал государственную цену. Старуха же, разглядев, что туфли новые, неношеные, разочарованно махнула рукой, но тут же, передумав, сунула деньги и мигом скрылась в толпе.

Сцену продажи туфель видел бригадмилец. Старуху — ее фамилия была Оржанова — перекупщицу и пьянчужку, завсегдатаи рынка знали хорошо. Купив какую-нибудь поношенную вещь, она тут же ее перепродавала, выигрывая от этой манипуляции не более чем на бутылку водки. Оржанову не раз задерживали, увещевали. Но в данном случае бригадмильца заинтересовала не Оржанова, а продавец: модель туфель была именно та, о которой упоминалось не раз на инструктаже в 4-м отделении милиции. И он принял решение проследить за мужчиной в овчинном полушубке.

Садкин вышел с территории базара, пересек площадь и поехал к родному брату жены Александру Юркину, работавшему в гостинице «Астория» (ныне гостиница «Волга»). Трамвай третьего маршрута был битком набит, пришлось до проспекта Ленина висеть на подножке. Затем Садкин пересел на другой трамвай и доехал до Вольской улицы (ныне Братиславская). Сойдя с трамвая, пошел в сторону проспекта Кирова.

Посыпал липкий мокрый снежок. Даже в полушубке было зябко. Что-то заставило Садкина обернуться: сзади, шагах в двадцати, шел парень. Взгляды их встретились, парень наклонил голову. Садкин ускорил шаг, прикидывая, что бы это значило, затем резко остановился и оглянулся: парень тоже замедлил шаг. И тут Садкина осенило: да ведь этот тип только что висел на передней подножке трамвая и до Вольской они ехали вместе. А сейчас идет следом. Слежка это или нет, но

от «хвоста» Садкин решил избавиться. Он свернул на проспект Кирова, но к Юркину в гостиницу не зашел, пересек улицу Горького, прошел аптеку, мужскую парикмахерскую, магазин спортивных товаров и, не доходя улицы Радищева, круто повернув, нырнул в парадное двухэтажного дома, взбежал по лестнице на второй этаж, через черный ход спустился вниз и дворами вышел к музею имени Радищева.

Бригадмилец вслед за Садкиным зашел в тот же подъезд, поднялся на второй этаж, быстро прошел по длинному коридору: две двери были наглухо закрыты, за третьей оказалось фотоателье. Гражданин в овчинном полушубке словно растворился. Бригадмилец еще раз растерянно прошелся по коридору, постоял в раздумье и вышел на лестничную площадку. Тут он обратил внимание на низенькую дверь, которую сначала не заметил. Она вывела его во двор. Бригадмилец понял: «овчинный полушубок» его перехитрил. Удрученный и продрогший поехал он в 4-е отделение милиции, написал о случившемся рапорт и оставил его дежурному. Начальника отделения рапорт бригадмильца насторожил: в нем фигурировали женские туфли, по описанию напоминающие те, которыми интересовалась железнодорожная милиция. Это раз. Во-вторых, у человека в овчинном полушубке были, надо полагать, основания скрыться от бригадмильца. Начальник написал на рапорте: «Уч. опер. Кутьину. Принять меры к установлению. Туфли проверить».

Оржанова жила в коммуналке с кухней на двенадцать семей. В маленькой комнатушке хоть шаром покати, одна койка, застеленная каким-то тряпьем, стол, табуретка.

— Так что ж, гражданка Оржанова, меня не уважаешь? Опять спекуляцией занимаемся? — сурово спросил участковый.

— Это как?

— Да так, Прасковья Спиридоновна. Туфельки прямо с прилавка перепродаете.

— Иди-ка ты, нехристь, подальше. Разве не знаешь, что я спекулянтов презираю. И не пугай, пуганая. Заработала на кусок. Для прокурора это ничто.

— Тюрьма о тебе плачет, Спиридоновна.

— А я и в тюрьму пойду. Водка будет? — задурачилась Оржанова и затянула осипшим голосом:

В той стране, стране иркутской,
Между двух огромных скал,
Обнесен частым забором
Александровский централ...

— Ну, вот что! Гражданка Оржанова! — оборвал ее Кутьин. — Хватит... Хватит, паскуда! В четверг ты покупала у молодого мужика в овчинном полушубке женские туфли? Покупала! Видели. Что за человек? Что о нем скажешь? Напряги кочан, Спиридоновна.

— Ей богу, первый раз на глаза попался. Вот хоть казни меня господь — первый раз вижу. Но коли заприметчу, принесу к ногам твоим, лягавый. Не вру, во хрест. А совру — веди меня на мягкую постель из двух досок.

— Ну, ну, Спиридоновна, разошлась ты больно. Лопнет мое терпеньюшко, не пытай судьбу. А того мужика заприметишь — говори любому милиционеру.

Уходящему Кутьину Оржанова залихватски пела вдогонку:

Ванька-ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой...

«Ну до каких же пор таких «Руслановых» терпеть-то можно, — думал участковый. — Никакой нет на них управы. Коптят небо без пользы. Да была бы она одна! Что с ними делать? Куда девать, если исправить невозможно? Как их в коммунизм впускать?»

Садкин недооценил нависшую над ним опасность. Оржанова не хотела портить отношения с милицией и сдержала свое обещание. Вскоре, слоняясь по Сенному рынку, она увидала Садкина и указала на него постовому милиционеру:

— Гляди-ка в оба, вона полушубок идет. Бери его, родненький, веди и не упусти. Кутьин тебе ручку пожмет и в ударники запишет.

Постовой зло сверкнул на старуху глазами, однако же Садкина попросил пройти с ним в отделение милиции.

Заниматься задержанным начальник отделения по-

ручил старшему оперативному уполномоченному уголовного розыска Василию Кирилловичу Конову. Одновременно он передал Конову рапорт бригадмильца и объяснение Оржановой, а также поступившее в отделение анонимное письмо о том, что гражданин Садкин Григорий Дмитриевич, проживающий на Соколовой улице, живет на широкую ногу, купил дом, новую мебель, радиоприемник СИ-235 и т. д. К тем, кто жил не по средствам, люди относились настороженно и с антипатией.

После обязательных вопросов о фамилии, имени, отчестве Конов поинтересовался:

— Ну, а теперь скажи, откуда ты взял туфли, которые продавал на Сенном, и по какой цене?

Садкин объяснил, что купил туфли еще весной в обувном магазине.

— Жене туфли не подошли, потому и продал. Разве это запрещено, по магазинной-то цене? — закончил он.

— Ну, а что ты делал на проспекте Кирова? Куда и к кому заходил?

Садкин и тут не растерялся. Объяснил, что собирался сфотографироваться.

— Устраиваюсь на завод. Фотокарточки могут потребоваться. Приметил, что за мной парень увязался, в шею дышит. Черт его знает, чего у него на уме. Может, бандит. Пришлось словчить.

На какой поступаете завод? А раньше где работали? Кем? Почему уволились? Где жили? Когда вернулись в Саратов? Кто продал дом? Когда? За сколько? Что еще приобрели? Сколько заплатили? Откуда у тебя такие деньги?.. Вопросам не было конца.

Было от чего Конову насторожиться. Садкин, около двух лет проработав помощником машиниста, и, как он утверждал, без неприятностей, неожиданно в октябре 1939 года бросил работу и уехал в село. Выходило, что Саратов он покинул вскоре после кражи из сейфа кассы паровозного депо. Неубедительным выглядело утверждение Садкина, что свекровь, не ужившись с невесткой, дала им взаймы деньги на приобретение дома и обстановки, лишь бы молодые уехали. Откуда у нее, деревенской, живущей без мужа, да при хворой старушке матери, такие деньги?

Конов не исключал, что Садкин, бывший железно-

дорожник, как-то причастен к хищению туфель. Кроме того, всплывало предположение о его участии в еще более серьезном преступлении: краже денег из сейфа кассы паровозного депо. Заниматься тем и другим уголовными делами, с учетом места их совершения, полагалось железнодорожной милиции.

Из кабинета начальника отделения Конов позвонил Михаилу Семеновичу Николаеву. Выслушав Конова, тот попросил:

— Садкина не отпускай, придержи. Я постараюсь у тебя скоро быть и сам им займусь. Спасибо за звонок. Пока.

Садкин сидел на деревянной массивной скамейке в комнате дежурного по отделению милиции с предчувствием надвигающейся беды. «Дежурка», как коротко называли эту комнату, напоминала кипящий котел. Приходили потерпевшие: кто плакал, кто ругал милицию. Из-за двери с зарешеченным окошечком громко матерщинничали задержанные, что-то кричали, чего-то требовали. Участковые уполномоченные приходили и уходили. Беспрерывно звонил телефон. Бригадмильцы волоком втащили пьяного хулигана. Этот содом оглушил Садкина, видевшего такое впервые.

Николаев приехал через два часа — в полночь. Допросы подозреваемых и обвиняемых проводились нередко в ночное время.

Конов предоставил Николаеву свободный кабинет. В нем впритык друг к другу стояли три старых, в чернильных пятнах стола с одинаковыми чернильницами-непроливайками и разбросанными вокруг них тонкими ручками для письма.

Николаев посадил Садкина за центральный стол, над которым висел портрет наркома внутренних дел, и предложил самому написать объяснение о причинах увольнения из железнодорожного депо и происхождении денег, потраченных на приобретение дома, мебели, одежды, а также о том, как он стал владельцем модных женских туфель, проданных им на Сенном рынке. Посоветовал быть чистосердечным — суд, мол, учтет.

Сердце Садкина билось учащенно. Он писал медленно, в раздумье закидывал голову назад. Все объяснение уложилось на двух тетрадных страничках. Ничего ново-

го для Николаева в них не было, повторялось то, что он слышал от Конова.

С санкции прокурора в ту же ночь к Садкиным пришли с обыском.

Услышав за дверью: «Милиция. Открывайте», жена Садкина поняла: жизнь ломается.

На работников милиции пахнуло спертым воздухом и теплом протопленной печи.

В чисто прибранных комнатах бросались в глаза новые вещи: блещущий лаком двустворчатый шкаф соседствовал со старыми, с облупившейся краской металлическими кроватями, добротный овчинный полушубок висел рядом с пропитанной машинным маслом телогрейкой.

Жена Садкина негромко плакала. Спавшие в одной кровати дети проснулись и, замерев от страха, вслушивались в то, что происходит в доме.

Понятые стояли робко у дверей, так и не согласившись пройти и сесть в комнате.

В трехъящичном пузатом комоде, в белье, сиротливо лежала завернутая в газету пара модельных женских туфель. Их изъятие зафиксировали в протоколе.

Обыск шел медленно. Садкин — его работники милиции привезли с собой — сидел согнувшись, сцепив пальцы обеих рук на колене, с тоской смотрел на происходящее. Настал момент, когда потребовалось осмотреть кровать, где лежали дети. И тогда Садкин решительно тряхнул перед собой согнутой в локте рукой, будто бросил карту на стол.

— Деньги в перине,— и, показав пальцем, где именно, взял младшего сына с кровати на руки. Старший-семилетка слез сам, сунул ноги в валенки.

Обыск закончился в 5 часов утра. Виноватыми глазами взглянул Садкин на жену и детей, подошел к ним и всех поцеловал.

Громко хлопнула наружная дверь. Вышедших людей обдал утренний январский мороз. Милиционер-водитель, обрадованный окончанию нудного ожидания, быстро распахнул заднюю дверцу крытого милицейского грузовика. Садкина повезли в КПЗ железнодорожной милиции.

Деньги, потраченные Садкиным, вместе с обнаруженными при обыске составляли примерно 45 тысяч, то есть почти половину того, что было похищено из сейфа. А

другая половина? Напрашивалось предположение, что преступников было двое. Началось выяснение родственных и дружеских связей Садкина. Уже в самом начале этого процесса обнаружилось, что родной брат жены Садкина Александр Юркин работает слесарем в гостинице «Астория».

К директору гостиницы Николаев поехал сам.

— Слышали мы, что у вас хороший слесарь работает.

— Отличный. Юркин. Золотые руки, я вам скажу.

— А к моему мудреному сейфу ключи сделать сможет? — Николаев не прятал лукавую улыбку.

— Ну, я не знаю, что там у вас за сейф, но вот ломбарду, вон — напротив нас, ключи для сейфа изготовил.

— Так то, вероятно, по образцу?

— Вот в том и весь фонтан, что они последний ключ потеряли. Послал Юркина; что он там делал, не скажу, но сейф открыл и тремя ключами их обеспечил. Вот еще из издательства — тоже напротив нас — Смирнов-Ульяновский приходил, и ему, пожалуйста, ключи для квартиры. Редкий умелец. Нам в гостинице без слесаря-водопроводчика как? То трубы прорвет, канализацию постоянно прочищаем, ключи от комнат теряют. Попадаются гости — черт знает что, я вам скажу.

Николаев попросил директора, чтобы Юркин об этом разговоре ничего не знал.

— Ах вон что! — директор сменил бравурно-горделивый тон на удивленно-разочарованный. — Неужели парень набедокурил? Заносчив, я вам скажу. Что-нибудь серьезное?

— У нас свои интересы, — уклончиво ответил Николаев.

Из большой черной тарелки-репродуктора тихо лилась песня. Песня довоенных лет — без пошлости и парадной трескотни.

Оперуполномоченный С. Я. Сысуев установил, что у некоторых весовщиков, работавших в пакгаузе № 1, имеются дома злополучные женские туфли, поступившие с фабрики «Скороход». Сысуеву помогли собрать эти данные уполномоченные домов и соседи весовщиков по месту жительства. Однако наличие туфель еще вовсе

не доказательство виновности в хищении. Обувь могла быть приобретена в магазине, куплена с рук.

Косвенные улики причастности весовщиков в краже туфель накапливались, прямых не было.

Импульс расследованию дал Садкин. Он и физически и морально устал до изнеможения и проклинал тот день, когда в голову закралась шальная мысль очистить сейф. Но выдавать сообщника ни при каких условиях не хотел.

Другое дело — приобретение туфель. В истории с ними он вины своей не находил и психологически был готов к тому, чтобы сказать правду.

Николаев догадывался о терзаниях Садкина и был с ним тактичен и настойчив.

Осторожно пытался он помочь Садкину побороть страх, растерянность, собрать силы для чистосердечного признания. Это нужно, считал Николаев, не только для раскрытия преступления, но и для возвращения человека к честной жизни.

Грубость, хамство и рукоприкладство напрочь отметались Николаевым как метод работы. Он открыто осуждал работников, прибегавших к таким действиям в отношении арестованных, а подчиненных — строго наказывал.

На очередном допросе Садкин дал правдивые показания: обе пары женских модельных туфель куплены им по государственной цене у бригадира весовщиков Цыглина, в его доме, причем тот поставил условие: «Садкин будет держать язык за зубами».

— А поинтересовался ли ты, откуда у Цыглина модельные туфли на любой размер? — спросил Николаев.

— А как же, гражданин начальник! Краденое скупать нельзя. Цыглин сказал, что обувь ему проводник из Москвы привез.

— И ты поверил?

— Конечно. Цыглин человек партийный, на Доске почета его фотографию можете посмотреть, гражданин начальник.

Вскоре Цыглин и еще двенадцать железнодорожников, занимавшихся хищениями обуви, были арестованы. Оказалось, что для вскрытия ящиков с обувью они изготовили специальный гвоздодер, с помощью которого ухитрялись вытаскивать гвозди, не оставляя видимых следов.

Юркин потерял покой после ареста Садкина. Такова обычная первоначальная «цена» преступления. На суде Юркин скажет: «Сам не пойму, чего меня в дурь поперло. Одни нервы, нервы и никакого проку».

Несколько раз он перепрятывал свою денежную долю, изыскивая тайники все более замысловатые. В конце концов уложил деньги в жестяную коробку и спрятал в погребе на дне бочки с засоленными огурцами.

Когда начался обыск, нервы Юркина не выдержали.

— Разрешите во двор?

Николаев, руководивший обыском, понял Юркина по-своему, кивнул утвердительно и дал знак работнику милиции.

Юркин взял керосиновую лампу, вышел во двор, сопровождаемый оперуполномоченным угрозыска, но направился не в уборную, а к сараю. Открыл заскрипевшую ржавыми петлями крышку погреба, полез вниз по крутой лестнице, попросив посветить. Внизу сбросил телогрейку, засучил до плеча рукав свитера и стал нащупывать между огурцами коробку.

...Деньги пересчитали. Оказалось рубль в рубль 46 тысяч. Материальных трудностей семья Юркина не испытывала.

В ту ночь Николаев, добравшись до постели и едва закрыв глаза, провалился в глубокий сон. А утром, возможно впервые за годы милицейской службы, не услышал негромкий стрекот будильника.

17 января 1940 года областная газета «Коммунист» сообщила об аресте Садкина и Юркина, совершивших кражу 92 тысяч в депо Саратов II.

Григорий Садкин и Александр Юркин — люди по характеру разные, — общаясь, находили «общий язык». Сказывались родственные связи и возрастная близость, оба родились в 1911 году.

Садкин нередко приходил к Юркину в мастерскую, размещавшуюся в подвальном помещении гостиницы. Здесь были сверлильный и токарный станки, терпко пахло от обилия железа. Разговор родственников кружился обычно вокруг городских происшествий, гостиничных, главным образом пикантных, новостей, до которых Юркин был дюже охоч, да прошедших и будущих встреч на ковре участников матчей французской борьбы в цирке. Нередко обсуждались возможности обеспечения семьи Садкина сносным жильем. Строились разные пла-

ны, но каждый раз, при детальном рассмотрении, они оказывались несостоятельными.

— Комнату бы в коммуналке, — растягивая слова, мечтал Садкин. — А еще лучше домишко бы приобрести какой-никакой, землицы клок для огорода, ну, туда-сюда, кур бы завести, а то и кроликов. И ты был бы с мясом. Да. Вот бы. Денег нема. И не светит, и не греет.

— Проси начальство, — советовал Юркин, — требуй, понастырней будь, локотками работай. Экий размазня.

— Даст тебе начальство фигу под нос. Обещают, да обещаниями сыт не будешь. Не мне одному голову морочат. Что-то надо придумать, Сашок, ну что, что?

Однажды Юркин показал Садкину фигурные ключи, похвалился, что изготовил их для сейфа директора ломбарда, знающе похвалил сейф и легко назвал фирму: изготовлен на фабрике Малера — Вагнера, Москва, Петровка, 5, до революции.

— Ты для гостиницы как кусок золота, — похвалил Садкин. — Память у тебя цепкая, как у овчарки. Но скажу тебе — вот у нас в депо сейф, так это сейф! Не наш, из Франции, еще перед империалистической купили. Стены во, — Садкин развел ладони вытянутых рук на ширину головы. — Дверь тяжеленная, кассир-старик с трудом открывает. Потеряет ключи — к такому не сделать. Одно сказать — французский.

Юркин вспыхнул:

— Любой сейф открою: французский, германский, хоть китайский, говорю — любой. Юркин брехать не любит.

Садкин дипломатично промолчал, не желая обижать близкого человека. Юркин молчание родственника воспринял как неверие в его незаурядные способности. Самоуверенность и, добавим, нагловатость Юркина подогревалась постоянной похвальбой и заискиванием начальства гостиницы и многочисленных клиентов. Доказать способность изготовить ключи к самому сложному сейфу стало для него делом престижа и, как он считал, профессиональной чести.

При следующей встрече Юркин сам вернулся к сейфовой теме.

— Ну, что, сейф твой, французский, позырить можно?

— Сдался тебе сейф. Я твое достоинство не принижаю.

Прошло несколько дней, и случилось так, что Садкин и Юркин оказались вместе в магазинчике ОРСа железной дороги неподалеку от товарной станции Саратов II.

— Воспользуемся, — подмигнул Юркин, — сейф позекаем?

— Ну, потопали, покажу.

В помещение кассы мог входить свободно всякий, кому надо и не надо. Садкин и Юркин повертелись у открытого окошечка кассы. Кассир, не поднимая головы, щелкал костяшками на счетах. На столе перед ним, по правую руку, лежала связка ключей...

Несколько раз, сначала с Садкиным, а потом самостоятельно, Юркин приходил в помещение кассы, и, стараясь не привлекать к себе внимания, рассматривал связку ключей, которую кассир клал всегда перед собой. В слесарке Юркин вычертил эскизы ключей, по ним заготовки из металла, а уже затем ключ от сейфа и два ключа от дверей. При ночной проверке дверные ключи подошли сразу, а ключ от сейфа ходил по скважине, но замок не поддавался. Потребовалась доводка ключа. На всю подготовку ушло несколько месяцев.

И вот настал день, когда Садкин установил, что после выдачи зарплаты часть денег осталась в кассе. В ту же ночь Юркин и Садкин совершили кражу и ушли из депо никем не замеченные. Деньги поделили поровну. Операция казалась беспроигрышной.

Победная радость Садкина длилась не более суток. А потом настороженность и тревога стали отравлять жизнь. Пустить деньги на приобретение желанного стало казаться опрометчивым. Покупка дома откладывалась на неопределенное время.

Недолго испытывал радость и Юркин. Никто не устроил ему триумфальную встречу, не били барабаны, и победно не трубили трубы. Не то что рассказать — намекнуть о своем «успехе» было некому. Почти перестал заходить Садкин, а когда появлялся, разговор не клеился. Взбадривая себя, родственники пытались шутить, но от искусственности острот через минуту становилось еще горше. Бравада лишь на время оттесняла страх.

Вскоре Садкин уволился с работы и уехал с семьей в село к матери жены.

Обо всем этом Садкин и Юркин рассказали во время

следствия, и их показания не противоречили данным, полученным милицией, а затем прокуратурой.

Народный суд приговорил Садкина и Юркина к десяти годам лишения свободы каждого с конфискацией имущества. Вся похищенная преступниками сумма денег была возвращена государству.

Нелегким и небезупречным с точки зрения сегодняшней милицейской практики оказался поиск преступников, совершивших кражу из сейфа кассы паровозного депо и хищение обуви, поступившей с фабрики «Скороход». Сказались необычность преступлений и молодость железнодорожной милиции. К тому же Садкин и Юркин на учете в милиции не состояли, поскольку никто из них до кражи ни разу не задерживался.

Михаил Семенович Николаев присутствовал на суде при рассмотрении уголовного дела. После оглашения приговора, рассчитав время, он через весь город бодрым шагом направился в дорожный отдел милиции проинформировать начальника о состоявшемся суде. Предстояло еще успеть к московскому поезду, чтобы проводить бывшего первого начальника доротдела милиции А. П. Эглита. Предъявленные ему в 1937 году обвинения признали необоснованными, в партии восстановили, и теперь Август Петрович уезжал в Латвию. Уместно сказать, что в дальнейшем А. П. Эглит получил звание генерал-майора и стал министром внутренних дел этой союзной республики.

Николаев поднялся по Чапаевской улице до Крытого рынка. На фасаде цирка огромная афиша извещала о выступлении соло-клоуна орденоносца Виталия Лазаренко и матчах французской борьбы. Прогромыхал, позванивая и пошатываясь, трамвай шестого маршрута, работающий без прицепа. В кинотеатре «Центральный» шел кинофильм «Аринка», а в «Летнем», находившемся в садике за магазином спортивных товаров, — «Остров сокровищ». С катка у сада «Липки» слышалась приятная легкая музыка.

Был март 1940 года. Под проснувшимся еще робким солнышком подтаивал снег, люди чувствовали дыхание весны и ждали, что после удивительно снежной зимы будет обильное половодье.

Вячеслав Котин

УЧАСТКОВЫЙ

Нелегкий вышел разговор. Да и что тут веселого, в царстве медицины? Больничные стены, больничные порядки, больничная тишина. А в тишине этой стук собственного сердца громче разносится. Лежишь бревно бревном, в потолок глаза уставя, да к стуку этому прислушиваешься от нечего делать. Тикает в груди слева живой будильник — то вдруг заторопится куда-то, то совсем уже останавливаться начнет — и опять в бег.

А время в палате интенсивной терапии чем отмеряется? Паузами от укола до «системы» — капельницы, от утреннего врачебного обхода до вечернего посещения домашних и друзей. Тоска...

Пробыл Сидоров в Аткарской районной больнице солидный срок, а по выходе состоялся у него разговор с главным врачом Валентиной Григорьевной Липатовой. В ее кабинете с глазу на глаз говорили.

— Чем заняться думаете, Александр Васильевич?

— Мне еще служить, Валентина Григорьевна, как тому самому котелку.

— Не знаю, не знаю. Ишемическая болезнь, ее сопутствующие... Сколько раз перед тем, как к нам лечь, «скорую» вызывали?

— Да почти каждую ночь.

— Вот видите! Вернетесь в горотдел — все может повториться, это я вам откровенно говорю, подумайте, Александр Васильевич. Надо поберечься, лучше всего сменить работу, понимаете? Пойти туда, где поспокойнее!

— Нету, Валентина Григорьевна, в милиции места, где поспокойнее. Не найти такого! Да и я, как вы, наверное, знаете, не на покой настраиваюсь.

— Да все я понимаю! — Главврач, кажется, и сама не верила в силу своих доказательств. — Хотя бы в городе меньше бывайте, вам свежий воздух необходим!

— Я учту, доктор, спасибо.

«Задала задачку Григорьевна», — так и этак обдумывал свое незавидное положение офицер милиции Сидоров. Не отпускали его невеселые мысли и в больничной палате, и по дороге домой, когда заехали за ним на дежурном «уазике», чтобы отвезти домой после того, как выписали Александра Васильевича.

— Пока сидел на больничном дома, — рассказывал он уже много позже, при нашей встрече, — немало передумал, вспомнил. Аткарск, наш город, небольшой, компактный. От железнодорожного полотна или вокзала по любой улице пойдешь, буквально каждый дом о чем-то напомнит. Почему я о вокзале говорю? Там когда-то для меня город открылся.

Родился Сидоров в селе Большая Рельня Лысогорского района. Значит, из крестьян. Да и сам, как родители, поначалу хлеборобскую профессию выбрал: поступил и окончил сельскохозяйственный техникум имени К. А. Тимирязева (это в селе Октябрьский городок, что под Татищевом). Тут пришла пора в армию идти. Получил диплом техника-механика и в Группе советских войск в Германии служил по технической специальности.

— Но вот вернулся из армии не домой, а в Аткарск, — улыбается Сидоров, забавно шевеля буденновскими усами. — Так семейный совет рассудил. В общем, я в рабочие пошел.

Начал работать он в 1960 году на Аткарской дистанции пути Приволжской железной дороги. Скоро стал бригадиром мостового цеха. Казалось, впереди у него годы и годы строительства и ремонта стальных магистралей. Да только...

Трудолюбивый и общительный парень быстро завоевал уважение в среде аткарских железнодорожников. И Александра Сидорова избрали секретарем комсомольской организации, а потом и членом бюро Аткарского горкома ВЛКСМ.

В числе прочих горкомовских поручений было у Александра самое, пожалуй, ответственное — руководство оперативным комсомольским отрядом. И, надо сказать, работал Сидоров хорошо, и молодые дружинники Аткарска тогда, в начале шестидесятых годов, многим ху-

лиганам, несунам, безнадзорным бродягам «хвосты прищемили».

— Такие, как вы, инициативные, смелые комсомольцы, нужны в милиции, — сказали ему при собеседовании в горкоме партии. — Городская партийная организация рассчитывает на вас.

Итак, с октября 1964 года Александр Васильевич Сидоров начал службу в органах внутренних дел.

За тринадцать лет службы в аппарате Аткарского горотдела милиции А. В. Сидоров работал в разных отделах, включая уголовный розыск, несколько лет был начальником вытрезвителя. Сложными оказались эти годы. Каждодневные профилактические мероприятия и ночные тревожные звонки, расследования преступлений и шефство над дружинниками-комсомольцами, профессиональная учеба и воспитательные беседы с оступившимися — многое вместили дни и ночи офицера милиции.

Да, было трудно от массы ежедневных хлопотных и неотложных забот, радостно от успехов... Но вот гипертонический криз. Заплаканные глаза домашних, быстрая деловитость бригады «скорой помощи». Целых шесть уколов аминазина, баралгин, магнезия — что еще? Мучительные дни нарушения привычной жизненной колеи, бессилия и неподвижности. И вот: «Смените работу, Александр Васильевич!»

Думал ли Сидоров той весной 1977 года, что столь крутая перемена в его профессиональной деятельности принесет ему со временем не только душевное успокоение, но и удовлетворение от сделанного, признание и уважение коллег?

— С утра он был тут, да и сейчас, наверное, в своем кабинете, — уверенно заявил мне замполит майор Владимир Васильевич Рыбаков. — Это во дворе здания, слева одноэтажная пристройка.

Кабинет старшего участкового инспектора оказался на замке. А что скажет дежурный по горотделу?

— С час назад позвонили из совхоза «Вяжлинский», — ответили мне. — Там какая-то неразбериха с выдачей горюче-смазочных материалов. Сидоров отправился туда.

— Попутную машину в совхоз организуете?

— Это можно, — снова принял на себя обязанности гостеприимного хозяина замполит. — Да вряд ли вы

там Сидорова застанете. В шестнадцать вечера у него встреча в Елизаветинском сельсовете. Там вы его найдете — с гарантией. Александр Васильевич человек пунктуальный!

...Серая лента шоссе, мелькнув поворотом, вывела из Аткарска. За окном машины — обычный для Правобережья Саратовской области пейзаж: дорога перевалива-ет один холм за другим, по сторонам лесопосадки, чуть поодаль роща с белизной берез.

Путь короткий — с десяток километров, и не заметили, как въехали в Елизаветино: просто шоссе перешло в уличное асфальтовое покрытие.

На крыльце сельсовета — вот это реакция на гостей! — сам Сидоров. Все такой же Александр Васильевич — крепкий мужик, которому офицерский мундир тесноват, а погоны на широких плечах кажутся почти что миниатюрными. Улыбчивый, веселый, и усы все такие же молодецкие, и голос командирский:

— Какими судьбами на аткарской земле?

— Служба, Васильевич, служба. Как дела на участке?

— Участком бог не обидел: что иной район. Ну, да все в порядке. Проходите, пожалуйста.

Кабинеты председателя и секретаря сельсовета, а справа по коридору — Сидорова. Все честь по чести, даже табличка у двери с фамилией, должностью и званием.

— Кабинетами не обижен, — все так же смеется хозяин.

Да, работу участкового инспектора сидячей не назовешь. Вот и у Сидорова под опекой три совхоза Аткарского района: этот, «Елизаветинский», а еще «Вяжлинский» и «Кочетовский». В трех хозяйствах — десять населенных пунктов, разбросанных на сотнях квадратных километров, а живут в них три с половиной тысячи человек.

— Это-то и есть та самая безмятежная работа, которую вам врачи посоветовали?

— А что, работа у меня замечательная! — не принимает Сидоров шутки. — Главное — нужность свою чувствуешь, с людьми в постоянном общении. — И неожиданно подмигивает: — Ну, и свежего воздуха вполне хватает!

Вот так, постепенно, и завязывается интересный раз-

говор в кабинете участкового, но... крылечко, слышно, прогнулось под быстрыми шагами, и через три секунды дверь сидоровских «хором» резко распахнулась. Весь проем закрыла солидная фигура женщины с заплаканными глазами.

В отличие от меня, привставшего от неожиданности, участковый и бровью не повел. Тут же прервал начавшееся было женское бессвязное верещание:

— Что, Цыганкова, опять муж бедокурит?

— Он, Александр Васильевич, никакого терпения нет! Дочке подзатыльников надавал, сам со двора куда-то сгинул, небось за самогонкой. Придет, буянить начнет.

— Ладно, идем! — И мне: — Вы уж извините, придется вмешаться. Я мигом.

В отсутствие хозяина еще раз осмотрел кабинет Сидорова, точнее, кабинетик. Письменный стол, шкаф с книгами по юридической и сельскохозяйственной тематике, милицейские плакаты и списки совхозных дружинников на стене. За ней редко, под неопытной рукой, стучала пишущая машинка. Что-то сегодня председатель сельсовета на работе задерживается. Видимо, по исконным законам сельского гостеприимства: как же уйдешь, если тут «человек из области»?

Оказалось, в сельсовете обе его хозяйки — председатель Клавдия Семеновна Савенко и секретарь Людмила Викторовна Киселева. С женщинами разговаривать — только за ниточку потянуть, а уж они сами слово за словом нанизывают.

— Нам от Александра Васильевича во всем помощь, — начинает Савенко. — Даже благоустройством он занимается. Вместе провели подворный обход, приструнили нерадивых, кто во дворах да палисадниках грязь развел. А последние дни он уж совсем редким делом занимался. Бешеный волк в округе объявился, лошадей покусал. Так наш участковый в Кочетовке две ночи с охотниками провел: отстреляли зверя. Ну и, само собой, за прививками строго следил. В общем, на все руки у нас Васильевич.

— Своих прямых обязанностей не забывает, — вступает в разговор Киселева. — Вот у нас только что из одного дома, прямо с комода, золотую цепочку украли. Вы бы нашли такую маленькую вещь? Нет? То-то! А вот Александр Васильевич нашел! Всех «вычислил», кто в

тот дом заходил, и нашел. А «несуна» Кондратьеву как обнаружил! С подростками сколько возится, с тем же Сальниковым Женькой, другими. А рейды по самогонке? Тут и мы с ним в бригаде, и другие наши активисты-депутаты: учитель Горникова, скотник Черликов, доярка Горкиева. Ну, и семьи неблагополучные у него на особом учете — Барковы, Астаевы... Вот сегодня вы приехали, а то бы мы уже в доме животновода были, после вечерней дойки с народом часто встречаемся...

Снова хлопнула дверь — Сидоров. Сразу видно, устал. Не понаслышке знаю, что карманы его мундира полны лекарствами: таблетки, цилиндрик валидола... Но не до них сейчас участковому: расстроен.

— Все эта водка да самогонка проклятая! — в сердцах ругается он и, бросив на стол фуражку, опускается на скрипнувший стул. — Сколько с ними всякой грязи повязано!

Как тут не понять участкового? Пьяные домашние скандалы, подобные сегодняшнему, отнимают у участкового немало времени и сил. Да только ли бытовыми драками дело кончается? Не так давно в этом же Елизаветине пьянка, затеянная сторожем, закончилась настоящей резней с нанесением тяжких телесных повреждений.

Удалось ли участковому Сидорову, другим его коллегам, да и всем правоохранительным органам в Аткарском районе решить эту проблему, реализовать намеченные в 1985 году меры по борьбе с пьянством и алкоголизмом? Будем откровенны: еще нет.

Предшественник Сидорова был уволен с поста участкового инспектора... за пьянство. Сам же Александр Васильевич, вооружившись, что называется, правительственным законом, стал разгребать болото, где притаился «зеленый змий», безжалостно. Слышал за спиной упреки и жалобы, проклятия и даже угрозы, но действовал смело и твердо.

— Вовек не забуду, — усмехается Сидоров, — как первый раз приехал в «Вяжлинский». Зашел в дирекцию представиться по всей форме. В конторе слоняются пьяные — среди бела дня! Грязь, мат, праздность. Ну, я и стал «не отходя от кассы» составлять протоколы... Но дело туго шло, для многих тогда формулировка «появление в общественных местах в нетрезвом виде» пустыми словами была. Смеялись: погляди вокруг, все пьют,

все гонят! Вот только в восемьдесят пятом к лучшему много изменилось. Не отступить бы...

В том же 85-м участковый инспектор направил со своего участка на принудительное лечение от алкоголизма в ЛТП восемь человек. «Наверху» тогда это не всем понравилось: общие показатели по району три совхоза вниз тянут. Но воздух в «Елизаветинском», «Вяжлинском» и «Кочетовском» чище стал, и сельчане одобрили действия Сидорова, общественность поддержала его. Очищение сел от накипи продолжалось, и, к счастью, «клиентов», с которыми приходилось иметь дело Александру Васильевичу и его помощникам-дружинникам, поубавилось. В 86-м в ЛТП отправлены четверо, в 87-м — всего один любитель крепко выпить в ущерб работе и семейной тишине. Да только все ли корни порублены?

Виктор Кудинов работал скотником. Впрочем, это громко сказано. Был в «Вяжлинском» на плохом счету, бился, бился с выпивохой участковый, да так и определил в ЛТП. Это уже последней мерой было, а до того — устные предупреждения, вызовы в сельсовет и дирекцию совхоза, наконец, составления протоколов.

И вдруг, по прошествии времени, встречает его участковый в Елизаветине!

— Ты чего тут, Виктор, забыл?

— Так я, Александр Васильевич, теперь здесь работаю, в «Елизаветинском».

— Как это?

— Да очень просто, там уволился, сюда приняли.

Ну и дела! Именно по возвращении из ЛТП в «Вяжлинском», по договоренности с Сидоровым, должны были взять Кудинова в ежовые рукавицы. А на деле? Постарались отпихнуться, избавились от ненадежного работника. Местным, елизаветинским, деваться особенно некуда: людские ресурсы в животноводстве невелики, не от хорошей жизни скотника приняли.

Еще одна горькая складка у Сидорова в уголке рта. Потому что все получилось по его невеселому предчувствию: вышел Кудинов в селе, где его мало кто знает, на «беспривязное содержание», а уж дружки-приятели по прежним выпивкам без внимания не оставили. И опять под уклон...

Дружки-приятели... Этот контингент на участке Сидорова невелик, но он есть. Кроме этого, на участке несколько человек, ранее судимых. О большинстве ничего плохого не скажешь, работают и живут как надо. Но порой и спотыкаются. И тут на белый свет выползает еще одна голова «зеленого змия» — самогонка...

...Телефонный звонок в кабинете Александра Васильевича отвлек его от обычных утренних дел: участковый «подбивал бабки» проведенного накануне дня в «Кочетовском». А это сообщение было из Елизаветина, звонили с совхозного свинокомплекса — только что, утром, недосчитались при кормлении пяти поросят.

Сидоров — в совхоз. В контору, потом на ферму. Потом... Как расскажешь о методах работы опытного участкового в сельской местности? Поневоле поверишь заверению Александра Васильевича, что он во всех трех совхозах буквально каждого человека если не по фамилии, то в лицо знает.

Тут главное знать, с кем беседовать, у кого спрашивать, с какого боку подойти. Не вдруг и не сразу, но выяснил, что ночью по Елизаветину «мотался» на своем тракторе Сергеев. А лязг да мотор трактора далеко по ночному селу слышны — и куда направляется машина, и где тормозит.

С Сергеевым разговаривать — только зря время терять: он из числа тех, кто уже «лагерной науки набрался». Сидоров с другого края зашел, рассудив по-житейски просто: с фермы скот для себя воровать не станут — он меченый. Вот для сбыта — другое дело, чтобы «сплавить» тому, на кого и не подумают, ну, и кто охоч до такого приработка. А ради чего все это затевать? Трезвый, ясное дело, на такую дурость не пойдет, пьяному же «добавить» позарез необходимо. Значит, надо искать ночного покупателя краденого.

Хлопотно, скажете вы? Да это обычный случай, когда участковый инспектор — и уголовный розыск, и следствие. Часто так бывает — «сам себе и командир, и начальник штаба», особенно при мелких хищениях.

У Сидорова, как уже было сказано, каждый неблагополучный на учете. Пораскинул: есть на примете одна бабка, охочая до чужого, да, говорят, и самогоном приторговывает: чем не плата за поросят?

— Как жизнь молодая, а, хозяйка? Все хорошеешь да соком наливаешься?

— Ой, товарищ участковый? Какая вас дорога привела? Проходите, гостем будете!

— Да я на минуту.

Суетится что-то женщина. Сидоров неспешно оглядывает хату, тянет время. Поспешил он сюда как бы при подворном обходе, чтобы упредить возможные действия хозяйки: слух-то по селу быстрее ветра летит, только на один край улицы шагнешь — на другом, в полкилометре, гостя готовы встречать.

Ну, вот и помощники — заведующий фермой и депутат сельского Совета.

— Что это у тебя бачок какой грязный? Не брага, часом, была?

— Да что вы, гости дорогие! Отруби скотине приготовляла, утром скормила.

Запах сивушный вроде бы чувствуется, да поди докажи. За культурным разговором и комнаты, и сарай, и подворье осмотрели — ни самогона, ни поросят. Накалялась обстановка, все больше нервничала хозяйка, пока Сидоров не довершил дело хитрым своим вопросом:

— А Сергееву зачем самогон ночью дала?

Вот, собственно, и все. Или нервы не выдержали от визита троих гостей, или на соседку погрешила хозяйка — призналась: было дело.

— А еще самогонка есть? Ведь не обыскивать же дом!

— Вон, на загнетке трехлитровая банка стоит.

— Чем расплачивался Сергеев? Поросятами?

Снова вопрос — в цель! Оказалось, когда с час назад по улице слух прошел, что участковый Сидоров «что-то копает», самогонщица, подхватив мешок с поросятами, что вручил ей тракторист, оттащила его в бурьян, которым зарос овражек на задах ее дома. Вот так бабка!

В тот день Сидоров с понятыми составил в Елизаветине два протокола. Вскоре участники «дела» были осуждены. Два года условно получила охотница до совхозных поросят за скупку заведомо краденого и самогоноварение. Сергееву, ранее судимому, было определено лишение свободы на пять лет.

Светлее становится воздух в Кочетовке и Елизаветине, Воеводчине и Гайвороне, Белгазе и Щербиновке, других селах, где Сидоров чуть не каждый день бывает, всех и все знает, на страже законности твердо стоит. И если я «поросячье дело» в качестве примера привел, то

Это не значит, что за аткарским участковым не числятся успехи покрупнее. Участвовал этот опытный работник милиции и в раскрытии серьезных — лучше бы их поменьше! — преступлений: убийства, изнасилования...

23 июля 1987 года. Этот день вошел в милицейские сводки редким, к счастью для Аткарска, печальным и тревожным событием. Впрочем, известно в горотделе о нем стало только назавтра... После того, как одна из учащихся местного педучилища сообщила утром своей преподавательнице, что накануне двое неизвестных посягнули на ее девичью честь.

В таких случаях в розыск включаются все силы, имеющиеся в наличии. Тем более что круг поисков значительно шире обычного. В педучилище каникулы, трудно найти подруг потерпевшей, преподавателей, чтобы узнать о ней побольше, определить далеких и близких знакомых — может быть, цепочка приведет к цели. Аткарск город небольшой, казалось бы, все друг друга знают,— а девушка этих насильников увидела впервые. Значит, чужие?

Конечно, работники аткарской милиции начали с выяснения исходных данных.

Днем 23 июля девушка — назовем ее для удобства, например, Ниной — была с подружками на пляже: четверо девчат купались, загорали.

Не так уж много народу было на пляже в тот будний день — четверг. Поэтому, когда на мотоцикле почти к самой воде подъехал парень, многие это заметили: был он на новенькой «Яве». Молодежь коммуникабельна, и вот уже владелец «Явы» возле компании девушек, слушает вместе с ними их транзистор, все веселы и беззаботны.

И тут «на сцену» выходит еще одно действующее лицо: другой парень, постарше и покрепче первого. Он тоже «прилипает» к девчонкам, но, видимо, в отличие от того груб и нагл. Хватает то одну, то другую, тянет в воду. А потом объектом его внимания становится одна Нина.

— Отстаньте! Ну, чего привязался?— так, то на «вы», то на «ты», урезонивали девчата распоясавшегося парня. Все они потом дали одинаковые показания, потому что прекрасно запомнили его. Главная приме-

та — очень светлые, жесткие волосы, которые не смогла пригладить во время купания вода Медведицы. «Белый» — так будет записано в милицейских протоколах.

Досадуя, что испорчен отдых, и не зная, как отвязаться от «ухажера», девушка решила уйти с пляжа. Начала, оставив подруг, подниматься по берегу, но парень не отставал. Хорошо, встретилась женщина. Нина к ней:

— Проводите меня немного, видите, пристает!

— Да ну вас! — отмахнулась та. — Милые ссорятся — только тешатся, сами разберетесь!

Начиная беспокоиться всерьез, Нина повернула к реке. Кругом народ, а поддержки не найдешь, и приструнить наглеца никто не отваживается, а подружки — ну какая от них помощь? Тогда девушка к мотоциклисту:

— Подвези в город, будь другом!

Молоденький владелец «Явы» охотно согласился, и Нина села на мотоцикл. И вдруг, когда «Ява» уже тронулась с места, сзади девушки на сиденье вскочил «Белый», обхватил ее и прижал к спине водителя, впившись пальцами в его бока. Мотор взревел, и мотоцикл, набирая скорость, умчался.

Таковы были исходные данные, почерпнутые в Аткарском ГОВД из свидетельских показаний (главными свидетелями выступали подружки Нины). Но клубок, едва начав разматываться, оборвался: никто из опрошенных ни того, ни другого из парней не знал. Предстояла кропотливая работа...

— Поиск шел по всем направлениям, — рассказывал замполит горотдела внутренних дел В. В. Рыбаков, с которым я долго беседовал об участковом Сидорове,— одни пытались определить путь «Явы» по городу в лес, где мотоцикл, по словам потерпевшей, и остановился. Другие, взяв за отправную точку пляж, искали новых свидетелей происшествия. Самым опытным нашим сотрудникам была поставлена задача определить личности мотоциклиста и «Белого». Что они делали в Аткарске, откуда, из какого села могли приехать? «Ява» — машина сильная, за считанные часы весь район на ней исколесишь, так что круги розыска, как от брошенного в воду камня, все больше расширялись. И тут на первый план выступили участковые, и прежде всего старший из них — Александр Васильевич. Ведь у него в подчинении шестеро молодых коллег.

Что в таких случаях бывает главным, какая методика на вооружении? Опрос! Встреча с одним жителем, другим, пятым, десятым — да хоть бы и с сотым! Пока что-то не прояснится. А о чем вопросы? Новая «Ява», ее молоденький владелец, «Белый»... Снова Сидоров в дороге по хозяйствам.

«Ява» коричневого цвета, обрисованная Ниной и ее подружками, всей аткарской милиции покоя не давала. В ГАИ номерные знаки «никуда не вывели»: или издалека мотоциклист, или не торопится свою технику на учет ставить. Но искать надо! И искали...

«Нет», «не знаю», «не видел», «понятия не имею» — чаще всего отвечали старшему участковому, когда он расспрашивал о «Яве» или «Белом». Мотоциклов таких в районе порядочно, молодежь эту машину из ЧССР любит, вот и работал Сидоров, проверяя один след за другим и отметая их, когда убеждался, что ложные. Со своими ребятами не раз в ходе дела встречался: разматываешь цепочку, едешь из села в село, где знают парня с «Явой», — а там уже коллега. Тут территориального принципа не придерживались, вот и выходили с разных сторон на одних и тех же людей.

Так два дня было, и все «глухо». А на третий день, точнее, уже вечером оказался Александр Васильевич в группе парней и девчат, что возле совхозного Дома культуры «сумерничали». Не случайно, конечно, оказался. Вроде бы, как сказали, бывает тут какой-то парень с «Явой» — приметы и мотоцикла, и его молоденького владельца сходятся. Ближе к ночи сюда, в село, на танцы приезжает, вроде он учится в ПТУ. А где живет — никто не знал, приезжий он и есть приезжий.

Вот Сидоров и ждал. И дождался. Подрулил поздний гость на мотоцикле, поставил его в сторонке. Пока возился, поудобнее устраивая «Яву» возле бордюра асфальтовой дороги, участковый рядом оказался. Выдернул ключ зажигания из гнезда, мотоциклист в темноте и не сообразил, что к чему. Дернулся в недоумении, но, увидев, что перед ним офицер милиции, как-то съежился.

— Моя фамилия Сидоров, — при задержании Александр Васильевич всегда и всем, от пенсионера до подростка, представляется. — Что-то ты поздновато по гостям ездишь. И на мотоцикле без номера! Разве же это порядок?

— Да я только что купил, — зачастил парень, — я

завтра на учет поставлю, отпустите! Практика у нас, все некогда! — И снова: — Отпустите, а?

— Нет уж, давай твоего коня в гараж к моему знакомому поставим, а сами в милицию съездим.

— Зачем, товарищ капитан?

— Такой порядок!

Имел Сидоров при себе и наручники, но в данных обстоятельствах рассудил, что обойдется без них. Через несколько минут на дежурной совхозной машине они ехали в Аткарск. Дорогой, после ничего не значащих общих вопросов («чем занимаешься, в каком ПТУ учишься, часто ли в городе бываешь?»), стал офицер задавать задержанному задачки потруднее. А ночная беседа в горотделе с официальным протоколом довершила дело.

Да, это был соучастник преступления, совершенного в окрестностях города Аткарска 23 июля. Но задержанный, говоря протокольным языком, категорически отрицал свое знакомство с парнем, которого условно, в разговорах между собой, работники милиции называли «Белым».

Наутро в горотделе милиции провели официальное опознание мотоциклиста. Среди трех парней Нина и ее подруги, приглашаемые в комнату по одной, сразу узнали его.

— Вот этот приехал на пляж и уехал оттуда на мотоцикле!

Сидоров в проведении опознания не участвовал: он вызвал эксперта-криминалиста в гараж, где стояла «арестованная» «Ява». Конечно, по прошествии трех суток трудно было отыскать на ней следы того, что именно эта машина использовалась при «похищении» девушки с пляжа. Кое-что, впрочем, нашли, но улики могли фигурировать только как косвенные.

Продвинулся ли за эти дни поиск? Да, следователи милиции и прокуратуры, оперативные работники уголовного розыска, инспекторы ГАИ, участковые — все они настойчиво шли по следу «Белого». Под арестом находился его помощник, давший важные показания. Главное из них: ночью потерпевшая и оба парня возвратились в Аткарск, и «Белый» приказал Нине через несколько дней прийти в условленное место — прямо-таки свидание назначил, и, представляете, на том же пляже!

В группу захвата руководители операции включили

четверых. Но... «Белый» не появился, и в инспекции по делам несовершеннолетних решили предпринять новые шаги.

И вот в поле зрения Сидорова (а он продолжал чуть ли не подворный обход, теперь уже в Аткарске) попала семья некого Лиманского, приехавшего издалека на заработки. Оставалось убедиться в своих подозрениях. Впрочем, Александр Васильевич провел столь скрупулезное следствие, имел такие данные, что почти не сомневался в успехе. Теперь, после допросов мотоциклиста, у него были многочисленные приметы «Белого», а в микрорайоне возле вокзала жители подтвердили: да, живет тут такой парень, недавно с родителями приехал. Так вот оно что! Недавних приезжих мало кто и из ближайших соседей видел, а то бы милиция на них сразу вышла! И все-таки местному участковому следовало быть порасторопнее — осведомленным быть обязан о каждом новом жителе своего участка, даже сезонном рабочем!

...Об этой промашке своего коллеги думал Сидоров, отправляясь по адресу «Белого».

Толкнув незапертую калитку, увидел в дальнем углу двора женщину, склонившуюся над корытом. Кивнул ей, прошел через веранду в дом. Навстречу — еще одна женщина, хозяйка.

— Квартиранты дома?

— Самого-то нет, он тут редко бывает, в селе и работает и ночует. А жена вон, видите, стирает. Сын ее небось спит еще, он в сарае — у нас тут и тесновато и жарко.

Сидоров — опять во двор. В груде грязного белья возле табуретки, на которой стояло корыто, его взгляд цепко выхватил скомканные серые брюки из «плащевки». Точно такие, что фигурировали в показаниях свидетелей. Женщина непонимающе уставилась на милиционера, столь неожиданно появившегося из дверей веранды и неизвестно зачем выдернувшего из кучи белья грязные штаны.

Александр Васильевич, расправив в руках брюки, сразу увидел на штанинах черно-бурые пятна от земли и зеленые разводы от сочной лесной травы.

— Где ваш сын?

— Да вон там, в сарае, себе топчан устроил, еще спит небось...

Сидоров шагнул к сараю, где разбросался на самодельной кровати белобрысый парень...

И в ходе той розыскной работы по пляжному происшествию и после раскрытия преступления был Сидоров, как заметили окружающие, хмур и задумчив. Когда я напомнил ему об этом, объяснил:

— Что тут удивительного? Часто приходится с теневыми сторонами жизни человеческой сталкиваться. Вроде бы пора закалиться, что ли, как медики говорят, иммунитет выработать. Не получается...

— Почему?

— Да потому, что правонарушения, не говоря уже о преступлениях, для человека противоестественны! Это наш общий недогляд! Кто за мотоциклистом с «Явой» не уследил? Ведь он совсем пацан! Сколько у нас таких, с отсрочкой исполнения приговора? Нам, старшим, работать с ними, воспитывать и контролировать надо до, а не после происшествий! В чьи руки попадет юнец, кто для него авторитетом станет — вот в чем дело. Об этом часто на своем партбюро, на собраниях в горотделе говорю.

Александр Васильевич несколько лет входил в бюро парторганизации Аткарского горотдела. Его партийное поручение — помощь комсомольской организации. Старший участковый инспектор продолжает шефствовать над молодыми коллегами. Это, так сказать, в рамках официальных. А во всяких прочих жизненных ситуациях? Тут Сидоров имеет редкий талант общения с молодежью — от школьников до парней, уже отслуживших в армии.

...Накануне с директором Елизаветинской средней школы Василием Кузьмичом Большаковым они ходили в совхозную столовую. Нет, не обедать, — смотрели, как и чем кормят ребятишек из «продленки» — школьной группы продленного дня. А при чем тут участковый инспектор? Кажется, этот вопрос Александра Васильевича даже обидел.

— Ну, во-первых, это поручение депутатской комиссии сельсовета. Предотвращение возможных хищений — мало ли случаев, когда в школьных столовых недовесы и другие нарушения? Во-вторых, за ребятишками я на своем участке особое шефство веду, тут мой первый по-

мощник школьный учитель Сергей Федорович Ефимов. Это с ним мы при совхозном комитете комсомола в группе дружинников комсомольский отряд выделили, боевых ребят возглавил шофер Саша Моисеев.

— Да нужно ли все это в селе, где все друг друга знают?

— Еще как нужно! — горячится мой собеседник. За разговором мы оба, кажется, не заметили, как выделенная нам на этот день милицейская машина подъехала к дому, где живет Сидоров.

— Тут главное — авторитет дружинника, это на работе он всем друг-приятель, а вечером любой Сашка или Володька видит его на совхозных танцах в клубе в ладном костюме, подтянутого, строгого и обязательно с красной повязкой.

Сидоров ловко хозяйничал: ставил на плитку чайник, доставал чашки и хлебницу из «пенала», а сам все говорил, говорил...

— Опять же самогоноварение... Кто в селе знает, где изба может в корчму превратиться? Дружинник! И на работе он «несуна» приструнит и окоротит. Нет, мне без местных помощников — не работа.

И еще одну важнейшую — иначе не скажешь — особенность в работе участкового инспектора милиции затронул в той беседе Сидоров. В последние несколько лет об этом и говорить, и писать как-то не торопились. Речь о народонаселении нашего Поволжья, национальной специфике городов и сел региона. Вот мы с Александром Васильевичем посчитали: вместе с обычными для аткарских мест русскими и украинцами на его участке живут и трудятся на земле казахи, немцы, татары, корейцы, белорусы, удмурты, марийцы... Хорошо живут, дружно! Но ведь у каждой такой прослойки свои особенности, свой уклад жизни и быта, свои семейные традиции. Знать все это необходимо, и кто же станет подспорьем участковому, если не сами представители этих народностей?

Они и становятся первыми помощниками Сидорову, вернее, он с открытой душой идет в их дома и бригады. Не от общения ли с людьми стопроцентная раскрываемость правонарушений на участке Александра Васильевича?

Так-то оно так, но разве не отличает его и настоящий милицейский талант?

В деревенском доме произошло хищение. Можно было бы сказать: «на глазах у хозяйки». Да только ею оказалась полуслепая старуха, в дом которой зашел незнакомец, знавший, видимо, об этой ее неполноценности. Участковый с помощью местных жителей «вычислил» похитителя чужой собственности. Но где взять доказательства? И тогда Сидоров устроил опознание... по голосу. Старуха сразу узнала вора.

И еще случай... Как в небольшом селе хранятся горюче-смазочные материалы? На околице оборудуется склад: цистерны, несколько бочек, банки с машинным маслом. В землянке — от огня защита. Если кладовщица наливает водителю горючее на глазок, а бензоколонкой пользуется только при начальстве, «навар» будет солидным. На том хапуга и попалась, правда, Сидорову пришлось до этого немало бухгалтерской документации перелопатить.

Будни участкового — как экран осциллографа. Пульсирует ровной линией светящаяся дорожка, и вдруг — всплеск!

Оперативная группа держит путь в Большую Екатериновку. Это колхоз «Спартак», подведомственный участковому инспектору лейтенанту Сергею Маслякову. Но до дележа ли территории сейчас, когда в составе опергруппы вместе с милиционерами едет следователь прокуратуры? Такое бывает в исключительных случаях, а это как раз тот самый. В кабине оставленного на сельской дороге грузовика ГАЗ-52 обнаружен труп его водителя Бондаренко.

Быстро выясняется: первыми о происшествии сообщили пастухи, выгонявшие утром стадо на пастбище. Во время вскрытия химическая, биологическая экспертизы показали наличие в крови солидного количества алкоголя.

Ох, водка, водка! Опрос колхозников показал, что накануне Бондаренко возил колхозного агронома в райцентр. Да не в свой, Аткарск, — в соседнюю Екатериновку. Купили восемь бутылок «Пшеничной», две распили на... полевом стане, причем к шоферу и агроному присоединился бригадир. Впрочем, он быстро засобирался домой, его и подбросили до крайних домов Большой Екатериновки (село в 35 километрах от Аткарска).

Дальнейшее Александр Васильевич выяснил по следам. Высадив бригадира, Бондаренко двинулся по до-

роге дальше, но развернулся (зачем?), и вдруг машина начала вилять. Проехав с полкилометра (Сидоров подсчитал: 452 метра), грузовик остановился. Тут-то он и был обнаружен утром с мертвым Бондаренко в кабине, а его спутник — агроном — исчез.

Как действовали аткарские милицейские работники дальше? Это тема отдельного рассказа, потому что во время нашей последней встречи с Сидоровым, его коллегами по горотделу внутренних дел еще продолжалось расследование, которое, впрочем, близилось к концу. Что же, еще одна строка в служебной характеристике участкового тоже в его пользу: дознание в «Спартаке» он вел оперативно и квалифицированно.

Он и во время нашего чаевничания такой же быстрый на слова и дела. Впрочем, упреки пришедшей с работы жены выслушал спокойно, даже с покорностью. Та «отчитала» хозяина и заодно гостя, что не дождались ее. Принялась сама кухарничать, а мы перешли в другую комнату. По неписаным законам гостеприимства, Александр Васильевич достал с книжной полки фотоальбом.

Совсем молодой и уже не очень, не все же время в милицейском мундире, с супругой, с друзьями... Легко читаются в этих любительских фотографиях этапы биографии. Но разве в альбоме есть снимки, сделанные в больничной палате? Или схватки с пьяными хулиганами? А где «стоп-кадр» погони на «газике» за угонщиками «Жигулей»? Нет ничего этого... Совсем не точной жизненной летописью стал этот набор фотографий — намного сложнее судьба офицера Сидорова.

Наконец-то оставляет кухню и присоединяется к нам Галина Яковлевна.

— Старшая наша, Марина, — улыбается хозяйка, — уже замужем, она теперь Лунева. Муж вот с ним, с Сашей, вместе работает, он милиционер-водитель. А дочь по моей дороге пошла...

Галина Яковлевна работала учительницей, сейчас она — методист Аткарского гороно и председатель горкома профсоюза работников просвещения («Политический деятель, железная леди», — смеется муж). Марина преподает русский язык и литературу в местной школе № 3. Младшая дочь Сидоровых, Елена, окончила в Аткарске педучилище, мечтала о Саратовском педагогическом институте — не получилось, недобрала баллов

на вступительных экзаменах. Работает тоже в школе, только, согласно специальности, в младших классах. Ну, да она девушка настойчивая...

Вот так и живут в Аткарске Сидоровы, семья лучшего участкового инспектора УВД Саратовской области. Как говорится, душа в душу живут, во взаимной поддержке и помощи. Лад и покой в этой семье — до тех пор, пока не разрывают домашнюю тишину телефонный или дверной звонки. И пока Сидоров-старший торопится на помощь человеку, попавшему в беду, в его доме напряженное ожидание...

Но он возвращается — то под вечер, то под утро. Снимает в прихожей китель, на котором теперь уже майорские погоны, долго плещется в ванной комнате, привычно бурча при этом, что напор воды слабоват — как и во многих пятиэтажках Аткарска.

И — за письменный стол. Это уже стало привычкой. Записать впечатления дня, набросать списки многих людей — и помощников, и «неблагополучных». Он всегда с ними, среди них и для них — старший участковый инспектор Аткарского горотдела внутренних дел Александр Васильевич Сидоров.

Олег Александров

ЗОЛОТОЙ ПОРТСИГАР

Вечером продавец хозяйственного отдела универмага Владимир Старшинов, как всегда, надел на палец платиновое кольцо, которое стоило чуть больше его официального годового заработка и чуть меньше неофициального недельного, снял с левой руки скромные серенькие часы отечественного производства и, заменив их роскошно-золотистым японским «Ориентом», не спеша направился к ресторану.

У входа он обогнул очередь, уныло мокнувшую под дождем, и негромко, но уверенно постучал в запертую застекленную дверь. Увидев его, швейцар тут же отодвинул никелированный засовчик и, пропустив продавца, заученно соврал неудачливым посетителям:

— Место заказано. Больше местов нету!

Поднявшись по мраморной лестнице на второй этаж, Старшинов за руку поздоровался с метрдотелем и отыскал глазами столик, за которым чинно восседали его друзья: продавец того же универмага Львов и грузчики Пальцев, Харчик и Захетдинов. Рядом с ними, облаченными в безукоризненные английские «тройки», сидел, выделяясь словно заплата, незнакомый молоденький брюнет в пропыленном неглаженом пиджаке.

— По-цыгански меня зовут Ян, — представился он Старшинову и, нисколько не смущаясь своих грязных ногтей, протянул ладонь, — а по-русски для краткости можно называть Пантелеем.

Поморщившись, Старшинов пожал его покрытую цыпками руку, расположился в кресле и насмешливо спросил:

— Ты что же, в таборе ходишь?

— Нет, но, как вы, на одном месте жить не могу.

Езжу по разным городам, нынче здесь, завтра там. Приехал вот к вам и встретился с другом, — он кивнул на Захетдинова, — мы с ним месяц назад в пивбаре познакомились.

Старшинов наполнил коньяком рюмки и, потеряв интерес к цыгану, переключил свое внимание на женскую половину обитателей зала. Если бы ему в тот вечер сказали, что щупленький, невысокий Ян сыграет в его судьбе роковую, трагическую роль, он в это просто-напросто не поверил бы.

На следующий день Ян, когда магазин уже закрывался, появился на складе отдела хозтоваров. Посидел вместе с Захетдиновым и Харчиком, покурил, выпил с ними сухого вина. Потом, увидев Старшинова, отвел его в сторону.

— Слушай, шеф, — внимательно глядя в глаза, начал он, — помоги! У меня здесь, в Саратове, тетка живет. Она мне должна десять тысяч рублей, но отдавать не хочет. Золота у нее в доме, — Ян мечтательно закатил черные глаза, вынул изо рта сигарету и громко прищелкнул языком, — золота у нее полно! Живет одна, если грабануть, ни за что не заявит. Полная безопасность, гарантирую. Сам я лезть не могу, — продолжал он после небольшой паузы, — а ты со своими ребятами можешь. Мне за наводку дашь три тысячи наличными, и в расчете.

— В то, что она тебе должна, я не верю, — насмешливо ответил Старшинов, — это во-первых. А во-вторых, я такими вещами не занимаюсь. Это мой принцип.

Старшинов не врал. Он действительно принципиально не хотел быть ни вором, ни грабителем. Ему двадцать пять лет, примерно столько же его приятелям, зачем рисковать? Тем более что благодаря «коммерческим» способностям Старшинова вся их компания в деньгах никогда не нуждалась. Кому-то нужен дефицитный холодильник? Пожалуйста, деньги на бочку и несколько червонцев за услугу. Нужны обои или стиральная машина? Сделаем, но и о нас не забудьте!

В вопросах поиска «клиентуры» «шеф» был настоящим гением. На складе постоянно толпились люди — мужчины и женщины, старые и молодые, которые, поймав взгляд кого-либо из грузчиков, заискивающе шептали: «Я от Володи...» Здесь же и совершалась сделка. Сам Старшинов деньги никогда с «клиентов» не брал.

Если поймают, он ни при чем: просто дефицитный товар не успели выставить в торговом зале, а о том, что грузчик потребовал переплату, он, мол, и не знал. А с грузчиков какой спрос? Объявят выговор, и на этом все кончится. Впрочем «шеф» настолько тщательно подбирал «покупателей», что, несмотря на их многочисленность, за три с лишним года махинаций ни разу не попался и даже не был ни в чем заподозрен.

Был у Старшинова и его приятелей и еще один источник доходов. В Прибалтике он сошелся с местными спекулянтами и время от времени привозил оттуда громадные чемоданы, туго набитые брюками, юбками, рубашками и другой всякой всячиной, которую мгновенно сбывал в Саратове. Одна поездка — две, две с половиной тысячи рублей чистой прибыли. Иногда он отправлял к своим прибалтийским знакомым Львова, от чего тот всякий раз приходил в неописуемый восторг: работа не пыльная, «командировочные» огромные, а время в Прибалтике, да еще с деньгами, ох как здорово можно провести!

Словом, переходить со спекуляции на грабежи не было никакого смысла, тем более что Старшинов считал себя человеком по-своему честным. Кому приносит вред спекуляция? — размышлял он. Никому. Если уж товар дефицитный, он и останется дефицитным, хоть из-под прилавка им торгуй, хоть по всем правилам неуклюжей советской торговли. Да и с кого он переплату берет? Не с работяг же, а с тех, для кого деньги не проблема. А работягу он никогда не обидит.

Впрочем, один раз Старшинов изменил своему правилу. Было это, когда он с друзьями решил купить для всей компании машину. Вдвоем с Захетдиновым они приехали на базар и облюбовали подержанный «Жигуль», который продавал какой-то невысокий мужичонка лет пятидесяти.

— Я ее купил на базаре за восемь с половиной тысяч месяц назад, — объяснил он, поглаживая крыло, — практически не ездил на ней. А сейчас деньги срочно нужны. За эту же цену и продаю.

По всему было видно, что он говорил правду, да и машина по базарным ценам стоила намного дороже.

— Ладно, — согласился Старшинов.

Через час в магазине покупка была оформлена. Машину оценили в пять тысяч четыреста рублей. Запла-

тив деньги в кассу, все трое вышли на улицу. И тут «шеф» понял, что остальные три тысячи можно и не отдавать.

— Ну все, пока, — сказал он, отводя взгляд в сторону.

— Как — пока? — предчувствуя недоброе, пролепетал бывший владелец автомобиля.

— Слушай, мужик, — вступил в разговор Захетдинов, — крути педали, пока я тебе башку не разбил!

Мужичонка остался стоять на тротуаре, а «шеф» и Захетдинов сели в автомобиль, еще не так давно принадлежавший ему, и спокойно уехали: закон был на их стороне.

Старшинову стало потом вдруг жалко обманутого человека, и, когда Захетдинов предложил «кинуть» еще одну машину, а потом перепродать ее по базарной цене, он отказался.

Прошло два месяца, и Ян снова появился на складе.

— Ну, что, хозяин, не надумал насчет моей тетки? — спросил он Старшинова, когда они остались вдвоем. — Зря сомневаешься. Золото само в руки идет, нужно просто прийти и взять его. И ни одна милиция об этом не узнает.

— Откуда у нее золото?

— Как откуда? Торгует. Губная помада, например. В хороший день на бойком месте она за два часа тюбиков сто продает. С каждого имеет по полтора — два рубля. Вот и считай — в день несколько сотен всегда есть.

— Никогда бы не подумал, — удивился Старшинов.

Не решаясь окончательно согласиться на ограбление, Старшинов ради любопытства стал расспрашивать Яна о его родственнице: сколько ей лет, где живет, кем работает, сколько у нее золота? Ян, чувствуя, что «шеф» заинтригован, охотно отвечал: тетке (она носила русскую фамилию — Кузнецова) шестьдесят с лишним лет, живет она одна в своем доме в районе Поливановки, нигде и никогда не работала. Золота у нее минимум тысяч на двадцать.

— Днем к ней лезть нельзя, соседи увидят, — закончил рассказ Ян, — а вечером или ночью опасаться нечего. Заводи машину, покажу тебе ее берлогу.

На «Жигулях» они быстро домчались до Поливановки.

— Вон у того столба тормозни, но из машины не выходи. Вот ее хата, — показал Ян пальцем на приземистый особняк, когда «Жигули» остановились в конце безлюдной одноэтажной улицы.

Старшинов заглушил мотор и, машинально закурив, внимательно осмотрел дом за невысокой оградой. Все его три окна были плотно закрыты ярко раскрашенными ставнями, к боковой стене прижималась крошечная застекленная веранда.

В конце двора, за забором начинался пустырь, а над ним поднималась глинистая гора, пестревшая грязно-зеленым кустарником, который прорезала пыльная проселочная дорога.

— Подъехать можно оттуда, — перейдя на полушепот, сказал Ян, — а вон там, около уборной, перелезть через забор. Вечером здесь ни души не бывает, — он пристально посмотрел «шефу» в глаза, как бы изучая его реакцию, и продолжал: — Так что никто не увидит. Тетка почти глухая. Если взломать дверь, она даже не услышит. А там — нож к горлу, давай, мол, бабка, поделись своими нетрудовыми доходами. А в милицию — я тебе сто раз говорил — она не заявит.

— Слушай, — удивился Старшинов, — неужели тебе тетку не жалко?

— А чего жалеть? Она не обеднеет. У нее не только в доме, но и еще кое-где богатства припрятаны. Ну, что, по рукам?

— Надо подумать, — вздохнул Старшинов.

Где-то в глубине сознания он уже решился на ограбление, хотя и не хотел в этом самому себе признаваться. Дорогой Старшинов, как бы для того, чтобы потешить воображение, размышлял, кого можно взять «на дело». Пальцев для этого не годился: слишком добродушен, чтобы приставить нож к горлу старухе, да и пьет много. Львов — тот аристократ, каждый день рубахи меняет, наверное, откажется, струсит, хотя деньги больше всего на свете любит. Обоим им не стоит даже и предлагать. В конечном счете Старшинов остановил свой выбор на Захетдинове и грузчике из отдела радиотоваров Харчике.

Когда машина плавно подкатила к магазинному складу, «шеф» хлопнул приунывшего Яна по плечу:

— Ладно, нанесем визит твоей тете!

Захетдинова и Харчика уговаривать не пришлось.

Оба, услышав от Старшинова предложение ограбить старую цыганку, мгновенно согласились («Раз шеф что-то затеял, значит, дело стоящее!»).

Обоим им было по двадцать четыре года, оба раньше занимались самбо, оба долгое время после армии нигде не работали, пока, наконец, любовь к деньгам не привела их в магазин, где обоих вовлек в спекулятивные сделки Старшинов.

К предстоящему ограблению готовились тщательно. «Шеф» приобрел для всех перчатки и новую обувь, которую потом предполагалось выбросить, гвоздодер, приготовил на всякий случай тряпки для кляпа и веревки. Яна он заставил нарисовать подробный план расположения комнат в доме Кузнецовой, который все вместе внимательно изучили. Всю черновую, грязную «работу» «шеф» поручил Захетдинову и Харчику, сам он в это время собирался отсидеться в машине вместе с Яном.

И вот темной сентябрьской ночью вся группа на «Жигулях», которыми управлял Старшинов, двинулась в сторону Поливановки.

У знакомого пустыря «шеф» затормозил, осторожно съехал в кювет и, выключив фары, заглушил мотор. Метрах в двухстах от машины на фоне облачного неба едва различимо чернели контуры дома Кузнецовой. С минуту все сидели молча и, открыв дверцы, вслушивались в ничем не нарушаемую тишину.

— Ну, что? — полушепотом спросил Старшинов, пытаясь разглядеть в темноте лица своих спутников. — Вперед!

Захетдинов и Харчик надели перчатки и вылезли из салона.

— Я тоже с ними пойду,— неожиданно сказал Ян,— помогу ребятам пройти к забору, а потом постою во дворе.

— Ладно, — с минуту поколебавшись, согласился Старшинов.

К забору все трое подошли со стороны пустыря, быстро перелезли через него, подошли к веранде и остановились. В доме была тишина.

— Открывай, — прошептал Ян на ухо Захетдинову.

Захетдинов послушно вынул из матерчатой сумки небольшой гвоздодер, вставил его плоский конец в щель между наличником и дверью и резким движением с треском распахнул ее настежь.

— Ломай следующую, — оглядываясь по сторонам, одобрительно хлопнул его по плечу Ян.

Со следующей дверью, которая вела с веранды непосредственно в дом, пришлось повозиться минут десять. Наконец она поддалась, и Захетдинов с Харчиком вошли в прихожую. Быстро миновав ее, они оказались в большой комнате и включили в ней свет.

Кузнецова, лежавшая на кровати, громко вскрикнула и, натянув одеяло до подбородка, застыла от ужаса, глядя на грабителей широко раскрытыми черными глазами.

— Если заорешь, убью, — прошипел Захетдинов и приставил к щеке хозяйки нож. Левой рукой он взял ее за густые черные волосы и, намотав их вокруг запястья, резко дернул, свалив Кузнецову на пол. Стоя на коленях, она смотрела на него застывшими обезумевшими глазами и молчала. Харчик в это время, стараясь не шуметь, выдвигал ящики из комода и быстро прощупывал руками какие-то хранившиеся там тряпичные узлы.

— Где золото? — наклонившись к уху хозяйки, спросил Захетдинов.

— Нет золота, — ответила та.

Захетдинов, широко раздув ноздри, размахнулся и полоснул хозяйку по щеке острием ножа. Кровь алой струйкой закапала на его кеды. Тогда он левой рукой резко рванул старуху за волосы вверх, а правой еще раз полоснул ее ножом по лицу.

— Там, — прохрипела она и показала скрюченным трясущимся пальцем на глиняный кувшин, стоявший в буфете.

Харчик в один миг снял с полки кувшин и, шагнув к столу, вывалил его содержимое на скатерть. Образовавшуюся желтую горку из колец, кулонов, часов и каких-то других предметов он, не разглядывая, смел рукавом в свою сумку.

— Деньги где? — спросил он стоявшую на коленях хозяйку, которую все еще держал за волосы Захетдинов.

— Там, — показала она на ящик стола.

Открыв его, Харчик вынул несколько пухлых пачек и, не считая, бросив их в сумку, повернулся к Захетдинову:

— Все.

Вдвоем они привязали негромко стонавшую хозяйку к отопительной батарее и, выключив свет, ушли.

Только утром Кузнецова освободилась от пут и перебралась на кровать. Тут-то к ней и зашла соседка. Увидев на опухшем лице старухи синяки и запекшиеся кровавые порезы, заохала, запричитала и вызвала «скорую помощь». Приехавший врач осмотрел пострадавшую и, вопреки ее настойчивым просьбам, позвонил в милицию. Вскоре прибыла следственная группа. Было заведено уголовное дело.

Старший следователь следственного отдела УВД Саратовского горисполкома майор милиции В. И. Богачев узнал об ограблении из оперативной сводки. И хотя дело это вел не он, Василий Иванович, прочитав сводку, задумался, вспомнил все известные ему подобные случаи. «Почерк» преступников был незнакомым. «Наверное, — подумал он, — налет совершили «гастролеры». Или в Саратове появилась новая банда. Если так, то легкие деньги затянут их, на одном ограблении они не остановятся, непременно пойдут на следующее».

Однако Старшинов твердо решил, что грабеж старой цыганки — первый и последний в его жизни. Пословицу о веревочке, у которой обязательно есть конец, он знал прекрасно.

Куш у Кузнецовой они «взяли» богатый: двадцать восемь колец разных размеров, шестнадцать цепочек, четыре массивных кулона, одиннадцать пар серег, девять ручных и карманных часов — все это из золота или из платины, а многие украшения еще и с драгоценными камнями! Наличные деньги тоже составляли порядочную сумму — около семнадцати тысяч рублей.

Среди «трофеев» был и один, о котором следует сказать особо, — золотой портсигар удлиненной формы. На его крышке катила тяжелые рельефные волны Нева, над ней поднимался и уходил в небо шпиль Петропавловской крепости. С другой стороны был выбит год — 1881, а рядом выгравирована надпись: «В. Г. Еремееву от Н. И. Надеждина на память о совместных боях за Родину. Пруссия, сентябрь 1914 г.».

На обеих крышках и даже на тонкой золотой плас-

тинке, соединявшей их, в русской золотниковой системе, которая была принята в России до революции, стояла пятьдесят шестая проба, соответствующая современной пятьсот восемьдесят третьей. Несмотря на почтенный «возраст», портсигар плавно открывался от нажатия на незаметную кнопочку и так же плавно, при небольшом усилии пальцев, защелкивался. В него умещались двенадцать сигарет с фильтром.

Любуясь им, Старшинов пытался вообразить, кому он принадлежал до революции, кому — после и какой проделал путь, прежде чем оказался в глиняном кувшине в доме старой цыганки. Эту вещицу он решил оставить себе. Остальное золото грабители, выручив около десяти тысяч рублей, продали — часть цыганам через Яна, часть знакомым зубным техникам, деньги поделили между собой. Получив свою долю, Ян исчез так же неожиданно, как и появился.

Первые две недели после ограбления Старшинов чувствовал себя неспокойно, вздрагивал, когда вечером в его квартире вдруг раздавался звонок в дверь или когда днем в торговом зале магазина видел человека в милицейской форме. Но шло время, ни его, ни друзей никуда не вызывали, и «шеф» успокоился, решив, что цыганка в милицию не заявляла и, следовательно, он останется безнаказанным.

Между тем дело об ограблении Кузнецовой действительно не продвигалось: слишком мало данных было у следствия.

Старшинов со своими приятелями продолжал спекулировать. Однако начиная с зимы в магазин стало поступать все меньше и меньше дефицитных товаров, к тому же связи с прибалтийскими спекулянтами по разным причинам оборвались и доходы «компании» намного снизились. А летом на складе снова появился Ян.

— Слушай, шеф, — обратился он к Старшинову, когда вечером они сидели за ресторанным столиком, — есть у меня еще одна тетка в Воронеже...

— Подожди, не гони лошадей-то, — перебил его Старшинов. — А эта тетка, саратовская, в милицию заявляла?

— Да нет, конечно! Дура она, что ли? Так вот в Воронеже точно такой же вариант...

В дверь Сапожковой позвонили.

— ОБХСС, — отрывисто произнес Харчик. Дохнув

перегаром, он сунул под нос хозяйке красную книжечку и тут же захлопнул ее.

Оттеснив женщину плечом, он вошел в квартиру, а вслед за ним последовал и Захетдинов.

— Спекуляцией занимаетесь? — строго, как, по его мнению, должен был говорить настоящий работник ОБХСС, спросил Захетдинов. — Неужели не стыдно? В стране идет полным ходом перестройка, а вы воруете! Сейчас протокол напишем.

Хозяйка испуганно и недоверчиво посмотрела на его опухшее с похмелья лицо с синяком под глазом, хотела что-то ответить, но в это время Харчик, решив, что в квартире больше никого нет, вынул нож и рукояткой ударил ее по голове. На крик выбежал из туалета десятилетний сын Сапожковой. Захетдинов, не раздумывая, схватил его за рубашку, резко рванул к себе и приставил к шее мальчика нож.

— Деньги и золото давай! — выкрикнул он, повернувшись к насмерть перепуганной, лежащей в крови Сапожковой. — Не то я его сейчас зарежу.

Хозяйка медленно поднялась с пола...

В Саратов они вернулись, имея при себе около двадцати тысяч рублей наличными и примерно на такую же сумму золота.

Опасения «шефа» о том, что Пальцев и Львов откажутся участвовать в грабежах, не оправдались. И тот и другой догадывались, чем занимаются их приятели, завидовали их деньгам и, когда Старшинов предложил, не раздумывая вступили в банду.

На черном рынке преступники приобрели два пистолета.

После этого по «наводкам» Яна бандиты провели целую серию грабежей: в Харькове, Москве, Ленинграде...

В Подмосковье они ограбили даже дом очень известной в стране артистки одного из столичных театров. Добыча бандитов каждый раз составляла не менее двадцати пяти тысяч. Старшинову теперь уже было все равно, кто его жертвы — спекулянты или честные люди, его интересовали только деньги. Налетчики действовали осторожно, но в то же время смело и дерзко. Средь бела дня они врывались в квартиры и зверски избивали хозяев до тех пор, пока те сами не отдавали им ценности.

В Киеве они, требуя деньги, заткнули кляпом рот одной из своих жертв — престарелой женщине — и пытали ее раскаленным почти докрасна электрическим утюгом.

В разных концах страны на преступников были заведены многочисленные уголовные дела, но выяснить, кто они, и даже напасть на их след не удавалось.

Василий Иванович Богачев, периодически знакомясь с бюллетенями Главного следственного управления МВД СССР, догадывался, что налеты совершает та же самая группа, которая в районе Поливановки ограбила дом Кузнецовой. Но саратовская ли это банда?

Развязка наступила неожиданно. В доме саратовца Булавика пропал японский видеомагнитофон и более пятидесяти видеокассет к нему. Не трудно было догадаться, что кражу совершил кто-то из знакомых владельца дорогой радиотехники.

Работники угрозыска начали тщательно проверять его окружение. Подозрение пало на двадцатишестилетнего Макирова, который нигде не работал и жил за счет спекуляции. В его доме обнаружили и пропавший видеомагнитофон, и кассеты к нему, и золотой портсигар, тот самый, с видом на Петропавловскую крепость (впоследствии выяснилось, что накануне, находясь под хмельком, его забыл в квартире Макирова Старшинов). Было ясно — такую дорогую вещь Макиров честным путем приобрести не мог. Однако он запирался и утверждал, что нашел портсигар на улице.

Тогда следователи просмотрели списки похищенных в Саратове за последние годы вещей и «вышли» на Кузнецову. Портсигар она опознала. Однако Макиров в налетах не участвовал, и след банды грабителей снова, казалось бы, терялся. Но тем не менее в руках у работников угрозыска уже была «путеводная ниточка».

Продолжил и закончил следствие Василий Иванович Богачев.

Нет, Макиров не выдавал своих приятелей, не без оснований опасаясь их мести. Он не знал, каким образом у Старшинова появился золотой портсигар, не знал ничего и о грабежах, но, чувствуя, что угрозыск не случайно заинтересовался дорогой вещью, старался увести следствие в сторону. На допросах он клялся, для убедительности бил себя кулаком в грудь и упорно повторял, что нашел портсигар случайно и, если бы не

арест за кражу, обязательно отнес бы его в стол находок.

Однако Василий Иванович надежды на успех не терял. Он решил во что бы то ни стало выяснить, как у спекулянта оказался портсигар, побывавший в руках у грабителей. Богачев проделал огромную многодневную работу, чтобы установить круг знакомых Макирова, с которыми тот наиболее часто встречался. Собрав данные о каждом из них, он предположил, что в грабежах участвовали работники отделов радио и хозтоваров универмага — слишком уж подозрительный образ жизни вели молодые люди. Подозрения еще более усилились, когда Василий Иванович установил, что даты грабежей, совершенных в разных городах страны, совпадали с днями, в которые кто-либо из грузчиков или продавцов брал отгулы, отпуск за свой счет или по каким-то другим причинам отсутствовал на работе. Так, во время грабежа в Воронеже у Харчика, Захетдинова и Старшинова был выходной день. Во время грабежа в Ленинграде Харчик был в отпуске; Захетдинов три дня не выходил на работу без уважительных причин, за что потом получил выговор; Старшинов, правда, по документам находился на работе, но не исключено, что кто-то из коллег его просто заменял по личной договоренности. Словом, наметившаяся версия нуждалась в проверке.

И вот на стол перед Кузнецовой, которая к тому времени была привлечена к ответственности за спекуляцию, легли фотографии нескольких молодых людей. Едва взглянув на них, старая цыганка вздохнула и уверенно показала пальцем на Харчика и Захетдинова.

— Они, — со злостью в голосе произнесла она, — вот этот избивал меня, а второй забрал деньги и золото!

В тот же день всех преступников арестовали, что для каждого из них было полной неожиданностью.

Юрий Преображенский

С ПОЛИЧНЫМ

В совхозе «Аркадакский» Константину Александровичу Беспалову доверяли полностью. Иначе и быть не могло. Главный специалист хозяйства, зоотехник, он был хозяином на животноводческой ферме, ревностно контролировал рост продуктивности дойного стада и привесы бычков на откорме. Сдавать их на Ртищевский мясокомбинат возил только сам. «Так надежнее, — думали в хозяйстве, — уж Константин Александрович сделает все честь по чести. Его на мякине не проведешь». Знали в совхозе, что на мясокомбинате с приемкой скота от хозяйств не всегда было чисто, случалось, «нагревали» сдатчиков на сотню-другую килограммов. Но с Беспаловым это не пройдет, он такое не допустит. Потому что мужик он грамотный, рачительный. Свою копейку бережет пуще глаза. Думали, что так относится и к общественной.

Однако в народе правильно говорят: доверяй, но проверяй. Но это дело хлопотное. Да и порой совестно было обидеть хорошего человека. Боялись оскорбить недоверием. А если бы хоть раз проверили, то не поверили бы глазам своим. Константин Александрович, оказывается, частенько грузил на транспортные средства на несколько голов скота больше, чем указывал в сопроводительных бумагах.

На Ртищевском мясокомбинате его встречали с распростертыми объятиями дружки — материально ответственные работники комбината, во главе которых стоял приемщик скота Владимир Иванович Зотов. Эта значительная личность — порождение застойного периода — заслуживает того, чтобы о ней поговорить особо.

Зотов — сельский житель. Родился и вырос он в селе Александровка Аркадакского района Саратовской

области. Мать работала в колхозе, часто болела. Парню рано пришлось начать трудиться на животноводческой ферме. Со временем стал он одним из лучших скотников хозяйства. Высоко ценили его авторитет. Ему бы соответствующее образование — толковый вышел бы специалист. Но скотник учебу закончил после восьми классов: «Что проку в дипломе, если я и так в несколько раз больше зоотехника могу получить... Писать и читать научился, а до остального сам дойду». И дошел. На преступный путь встал.

...Было это в 1983 году. Заинтересовались тогда работники ОБХСС Аркадакского района делами совхозов «Аркадакский» и «Новосельский». Разнесся слух, что эти хозяйства покупают у населения свиней весом до пятисот килограммов. Заглянули в акты закупок скота у населения и сразу обнаружили «липу». Кто разрешил ставить дутые цифры? Оказалось, что писались они с благословения руководителей хозяйств, которые честно признались в фальсификации данных, посетовав на то, что население колхозу своих животных не продает по государственным расценкам и поэтому пришлось на каждый килограмм живого веса накинуть по сорок-пятьдесят копеек, а общую сумму «выравнять» за счет «увеличения веса» животного. Вот и стали свиньи получаться гигантских размеров.

Поинтересовались работники милиции делами других хозяйств — та же картина. Возбудили уголовное дело. Но вскоре его закрыли, так как нарушители чистосердечно признали свои ошибки, раскаялись в содеянном, а материальный ущерб возместили за счет собственного кармана. Вот тогда-то при проверке документов колхоза «Красное Знамя» и «вылез» впервые Владимир Иванович Зотов. На глаза работников ОБХСС попались документы, по которым значилось, что горожанин Зотов, а он к этому времени переехал в город Ртищево и работал приемщиком скота на мясокомбинате, продал колхозу сразу шесть свиней. Чем он их кормил, где содержал? На допросах бывший скотник сумел ловко выкрутиться. Хищение этих животных доказать не сумели. Возможно, этот факт и сыграл роковую роль в дальнейшей судьбе Зотова. Уверовав в свою неуязвимость, Зотов принялся за старое.

Схватить его за руку, взять с поличным, удалось только через два года.

Работник ОБХСС капитан милиции Александр Николаевич Пустовалов хорошо знал производство Ртищевского мясокомбината. Знаком он был и со всеми, кто здесь работал. За несколько лет Александр Николаевич пригляделся к каждому ветеринарному врачу, весовщику, приемщику скота. Встречался он и с главными специалистами хозяйств, которые сдавали скот на мясокомбинат. Из бесед с ними, личных впечатлений у капитана сложилось свое мнение об этих людях, и он подчас был в курсе тех их дел, которые они порой держали в секрете. И вот, когда ему стало известно о хищении свиней главным зоотехником колхоза «Путь Ленина» Ртищевского района Козловой и о том, что деньги в сберегательной кассе она получит через подставных лиц, он нисколько не удивился, ибо преступную группу «пас» давно и только ждал удобного часа, когда ее можно было бы взять с поличным. Известно ему также было, что за деньгами в кассу придет Лотхова — уборщица продовольственного магазина, расположенного рядом с комбинатом. Поэтому ему не составило большого труда установить за ней слежку.

Обо всем этом капитан Пустовалов доложил руководству отдела внутренних дел. Было решено создать следственную группу из двух человек. Александру Николаевичу в помощь дали следователя ГОВД Нину Александровну Балашову. Вместе они и приступили к расследованию уголовного дела.

Ничего не подозревающая уборщица получила деньги в сберегательной кассе и пошла на квартиру к Зотову, где их и задержали.

На допросе Лотхова призналась, что по просьбе Зотова деньги в сберкассах она получала для него неоднократно. Делала она это из чисто товарищеских побуждений, ибо Владимир Иванович ее убедил, что самому ему ходить за ними неудобно. Мало ли что подумают, ведь он работает на мясокомбинате. За услуги уборщица ничего не брала.

Для следователя Нины Александровны Балашовой самым ценным в этих признаниях было то, что Лотхова говорила о неоднократном получении денег для Зотова. Ибо при дальнейших допросах самого приемщика скота, он, после небольшого колебания, согласился только с данным преступлением, утверждал, что больше за ним ничего нет. Следствие только начиналось.

Зотов за несколько лет махинаций на мясокомбинате достиг в этом деле большого совершенства. Вот как, например, он распорядился с восемнадцатью свиньями, которые привезла ему Козлова 17 ноября 1985 года.

...В тот день в хозяйстве была выделена автомашина для отправки скота на бойню. Учетчица Крикунова отпустила со свинофермы Козловой двадцать девять свиней, умышленно не оформив расходных документов. На комбинате Козлова нашла Зотова, о преступных делах которого знала давно, и предложила оформить восемнадцать свиней закупочными актами на своих знакомых, а полученные деньги поделить. Приемщик скота кивнул головой, и тут же они составили соответствующие документы. Все делалось по давно отработанной схеме.

В гуртовой ведомости Козлова написала, что она от колхоза «Путь Ленина» сдала на мясокомбинат одиннадцать свиней. На такое же количество Зотов составил акт приемки и переработки скота. Затем главный зоотехник взяла у приемщика чистый бланк гуртовой ведомости и заполнила его от имени совхоза «Пяшинский» Пензенской области на двенадцать свиней. К этому документу приложила записку, в которой просила закупочные акты оформить на Козлову, Крикунову и Лотхову — от всех по четыре свиньи с указанием веса животных и положенных сумм за них. После этого Зотов принял двенадцать свиней будто бы от совхоза «Пяшинский» и подал их на убой. Когда из этого хозяйства приехал сдатчик скота, Владимир Иванович сообщил ему о том, что от населения он принял для их хозяйства животных, и передал записку от Козловой. Сдатчик скота по документам убедился в приобретении свиней, перечислении денег в совхоз. Вернувшись в хозяйство, он оформил закупочный акт на Козлову, Крикунову и Лотхову и передал его в бухгалтерию, которая перечислила деньги в сберегательную кассу рабочего поселка Бековo, где их получили указанные лица. Уборщица тут же деньги отдала главному зоотехнику. Только в результате этой операции мошенники получили 3383 рубля 31 копейку.

Но оставалось еще шесть свиней. «Маклеры» не долго думали, как с ними поступить. Проверенные подставные лица у них были наготове. На оставшихся животных решили оформить закупочные акты через колхоз «Борьба за коммунизм» Екатериновского района Саратовской области на Лотхову, Козлову и Федорову.

В результате другой махинации у Зотова оказались две «бесхозных» свиньи. Воспользовавшись тем, что сдатчица колхоза «Борьба за коммунизм» оставила ему чистый бланк гуртовой ведомости, он вписал в нее не шесть, а восемь свиней. Расписался за колхозное ответственное лицо, а всех животных, будто бы принадлежащих этому хозяйству, отправил на убой.

Дальше все пошло как по маслу. Приехала из колхоза сдатчица, Зотов ей показал документы на свиней, закупленных будто бы у населения, назвал фамилии. По возвращении домой она оформила в бухгалтерии соответствующие документы, а деньги перечислила в сберкассу на указанных лиц. И вот тут произошло непредвиденное — преступники попали в поле зрения капитана ОБХСС Александра Николаевича Пустовалова.

На допросе Козлова и Крикунова сознались в мошенничестве. Рассказали о том, что в хозяйстве недостачу восемнадцати свиней сразу и не заметили, а потом просто списали. Здесь главную роль сыграла учетчица Крикунова, в обязанности которой входило составление отчетов по животноводству. Пользуясь тем, что председатель колхоза падежом не интересовался, а ветеринарный врач осмотр каждого павшего животного не делал, причину гибели не выяснял, она шла на подлог без страха и сомнений. К тому же акты падежа, как правило, в хозяйстве составлялись в конце отчетного месяца. Ветеринарный врач проставлял в нем обычно те цифры, которые ему называла та же Крикунова. На ней все замыкалось. Вот почему главный зоотехник Козлова совершать воровство скота в своем колхозе в одиночку не могла. Ей обязательно нужен был сообщник именно такой, как Крикунова. Вместе они похищали скот тринадцать раз...

...В работе с Зотовым никаких сдвигов не предвиделось. Он настаивал на последнем эпизоде и ничего больше о себе не рассказывал. Но Нина Александровна была уверена в том, что на совести Зотова есть и другие преступления. Посоветовалась с капитаном Пустоваловым.

— Надо проверить во всех хозяйствах, связанных с мясокомбинатом, семьдесят четвертый счет — закупка скота у населения, — предложила Балашова, — не может быть, чтобы нам не встретилась больше фамилия Зотова, его родственников или знакомых.

Проверка документации — работа нудная, однообразная. Но выбирать не приходилось.

И путь, избранный ими, оказался достаточно эффективным. В поднятых бумагах следователь и капитан ОБХСС увидели фамилии не только Зотова, но и других работников мясокомбината — Тарасевич, Масловой, Федорова, Федюнина. Пустовалов хорошо знал всех. О каждом он мог бы много рассказать. Вот, например, Маргарита Петровна Тарасевич. Старейшая работница комбината — отдала ему более двадцати пяти лет. Авторитет у нее здесь огромный. Если сказала Маргарита Петровна, то, значит, так оно и есть. Старшая весовщица — ей беспрекословно подчинялись все весовщицы предприятия. Она их полпред у руководства по всем вопросам. Брала она и своей внешностью. Выглядела очень эффектно. «Гранд-дама» — называли ее между собой сослуживцы. Она любила модно, даже шикарно одеваться, старалась принарядить и свою дочь. Маргарита Петровна каждый год разъезжала по самым дорогим курортам. Правда, злые языки нашептывали, что в поездках ее обычно сопровождал партнер, но эти «сплетни» не портили отношения к ней родных, близких и знакомых. Когда на Тарасевич было заведено уголовное дело и она беспрестанно вызывалась на допросы к следователю, руководство мясокомбината ничего не нашло лучшего, как представить ее к награждению медалью «Ветеран труда». И ничто в дальнейшем не могло остановить дирекцию, партийный и профсоюзный комитеты комбината, даже решение суда, приговорившего Тарасевич к восьми годам лишения свободы. Ей все равно эта медаль, отмечающая доблестный и добросовестный труд, была бы вручена, если бы ее отпустили из-под стражи. Высокую награду передали мужу Маргариты Петровны, специально приглашенному на торжество.

Подруга Тарасевич Раиса Ивановна Маслова работала приемщицей скота на той же базе. Замужем Раиса Ивановна не была, детей не имела. Мягкохарактерная, уступчивая. Перед Тарасевич она терялась и всячески старалась ей угодить. Маргарита Петровна сбывала ей свои поношенные платья, домашнюю утварь. В последнее время Маслова в семье Тарасевич была вместо прислуги: стирала, готовила, мыла. Свою квартиру отдала в полное распоряжение подруги и ее знакомых. Тут была явочная «хата» и «клуб деловых встреч». Не

случайно во многих махинациях со скотом у Тарасевич подставным лицом неизменно выступает Маслова.

Однажды был такой случай. Пришел к Маргарите Петровне Зотов за своей долей денег, а та ему сказала, как отрезала:

— Доли твоей нет, — и сунула ему под нос свою сумочку. — Деньги лежали здесь. А теперь нет. Может, украла Маслова? Разбирайся с ней сам.

Этим фактом воспользовалась при допросе Масловой следователь Балашова. Она напомнила Раисе Ивановне о неприятном эпизоде. Реакция была неожиданной. Маслова расплакалась, оскорбленная возведенной на нее напраслиной, и тут же в отместку правдиво и честно рассказала о трех случаях подлога документов.

Известно было, что никто из вышеперечисленных работников комбината скот в личном пользовании не держал. Федоров, например, при переезде из Турковского района в Ртищевский всех свиней своих и кур зарезал, а мясо продал на базаре. Из зажиточного крестьянина превратился в «ничего не имеющего» пролетария, получив место приемщика на комбинате. Смешно было бы представить Маргариту Петровну Тарасевич с подойником или вилами в руках. Последнее время она боялась даже лишний раз испачкать свои руки кухонной тряпкой или кастрюлькой. Однако, по документам, скот она продавала и за это от колхозов и совхозов имела немалые деньги.

В закупочных актах не раз встречались фамилия и имя дочери Тарасевич, знакомых Масловой. Но никаких признаков содержания скота и у них не было обнаружено. Среди прочих фамилий в проверяемых документах все чаще стала появляться еще одна — Тамары Алексеевны Ивановой. Она была специалистом с образованием, трудилась на комбинате ветеринарным врачом в цехе предубойного содержания скота. С помощью шантажа Иванова решила войти с мошенниками в пай, как говорится, отрезать и свой кусок от преступного пирога. Оправдывала она свои действия тем, что зарплата у нее была маленькая, муж беспрестанно пил и денег домой не приносил.

И однажды ей попался в руки вожделенный документ.

— Владимир Иванович, — подошла она к Зотову, — как же так получается? Сегодня из колхоза «Борьба за

коммунизм» свиней не поступало, а у вас записано десять?

Деваться приемщику было некуда. Иванова вошла в круг мошенников.

Учитывая всевозрастающий объем работы по «ртищевскому делу», в органах приняли решение о создании большой следственной группы. В нее вошли, кроме следователя Балашовой, еще четверо — трое из Саратовского областного следственного управления: майор Василий Васильевич Винокуров, капитан Надежда Викторовна Чурбанова и майор Валентина Васильевна Дьякова — руководитель группы. Из города Балашова — старший следователь Владимир Александрович Горшков. В помощь капитану Пустовалову из Саратовского областного управления ОБХСС приехал старший лейтенант Владимир Яковлевич Филатов. На первом организационном совещании были выработаны основные пути, по которым необходимо вести следствие.

— Итак, — подвела итог Валентина Васильевна Дьякова, — на допросах Тарасевич, Иванова, Федоров и другие ссылались на то, что на комбинате постоянно образовывались излишки. А вот технологию их получения никто из них не раскрывал. Видимо, этим придется заняться нам.

Чтобы разыскать источник хищения, решили отработать две версии. Первая: скот похищается в хозяйствах сдатчиками скота и другими должностными лицами. Факты, подтверждающие данное предположение, уже имелись у следственной группы. Вторая версия: излишки образуются на самом комбинате. Тут у следствия было пока чистое поле и ни одной вешки. Уцепиться не за что. Пришлось начать с изучения всех инструкций, регламентирующих порядок приемки и сдачи скота на мясокомбинат. Затем скрупулезно ознакомились с технологическим процессом, начиная с приемки скота на базу предварительного содержания до сдачи говяжьего и свиного мяса в холодильники. Установили всех лиц, которые составляли документы и их подписывали.

— И это нам потом помогло в решении многих вопросов, — рассказывала Валентина Васильевна Дьякова, — мы изучили почерки ответственных лиц и их подписи, что позволило визуальными осмотрами выявлять фиктивные документы: подписаны не теми лицами, не все реквизиты заполнены...

Следственная группа провела ревизию на мясокомбинате и в двенадцати хозяйствах, через которые прошла основная масса фиктивных документов. И тут выяснилась еще одна пара участников хищений — бригадир совхоза «Новосельский» Аркадакского района Надежда Мурунова и главный зоотехник совхоза «Аркадакский» Константин Александрович Беспалов.

При разборе преступных связей порой возникала путаница. Поэтому Дьякова предложила составить схему деятельности группы расхитителей, нарисовать ее на чистом листе ватмана, что и было сделано. Следователи описали все случаи хищений с указанием фамилий участников. Связи между преступниками показали на схеме разноцветными стрелами. Например, связи Зотова — синими, Тарасевич — оранжевыми, Масловой — красными, Беспалова — зелеными и т. д. Все эпизоды нумеровались по хронологии. Схема помогла развязать многие крупные и маленькие узелки, завязанные преступниками. Некоторые из них чистосердечно признавались в содеянном. Зотов понял, что запираться бесполезно. Он назвал участников преступлений и своими признаниями помог раскрыть систему получения «излишков» скота на мясокомбинате.

В ее основе, как отмечалось всеми участниками следственной группы, было ротозейство руководства колхозов и совхозов, сдающих скот на убой, отсутствие в хозяйствах учета и надлежащего контроля за этим важным делом.

Так, например, вес скота определялся приемщиком комбината на глазок. Неудивительно, что они старались его занизить. На базе предварительного содержания животных, куда загоняли их после приемки от хозяйств, перегородки в загонах были некрепкие. Под напором животных они рушились, скот перемешивался. Поди потом разберись, какая свинья или бычок принадлежит какому хозяйству. Эта обезличка и создала благодатные условия для хищений.

«В этой катавасии можно погреть руки, и потом здесь сам черт голову сломит», — решил Зотов. Но нужны были верные помощники. Выбор пал на мастера Федюнина и на второго приемщика скота Федорова, который за бутылку портвейна был готов на все.

Соучастники договорились при подаче скота на убой его не пересчитывать, а в документах проставлять то

количество, которое записано в актах приемки. «Излишки» Зотов и его помощники присваивали себе.

Такой способ обворовывания хозяйств стал одним из многих на комбинате. Сообщники день ото дня наглели. Случалось, что, принимая скот, Зотов, глядя прямо в глаза сдатчику, объявлял:

— У тебя в пути пало не пять свиней, а восемь!

И тот соглашался, лишь бы скорее сдать скотину, которая ежечасно теряла вес под палящим летним солнцем. Таким образом приемщик получал сразу трех свиней. Он тут же их оформлял будто бы закупленными у населения для другого хозяйства и получал кругленькую сумму. Так поступали и с животными, привезенными главным зоотехником Константином Александровичем Беспаловым.

Для следствия этот человек оказался трудным орешком. Сложность оказалась в том, что он был не ординарной личностью. Высшее образование, коммунист, имел массу влиятельных покровителей и поэтому на расследование смотрел с некоторым пренебрежением. Вот, например, что об этом рассказывает руководитель следственной группы Валентина Васильевна Дьякова.

— Беспалов взят под стражу был в зале суда после вынесения ему приговора о лишении свободы на пять лет. До этого момента он находился на свободе. Он сменил место работы и стал директором подсобного хозяйства «Летяжевское», а это уже номенклатура облсовпрофа! В его распоряжении оказались все продукты питания, которыми снабжало это хозяйство курорты и дом отдыха.

Во время следствия произошло и другое событие, которому трудно дать вразумительное объяснение. Расследование «ртищевского дела» началось в августе 1986 года, суд начался в феврале 1988 года и продолжался до 21 апреля. В июне 1987 года капитан Пустовалов вдруг узнал, что подследственный Константин Александрович Беспалов избран депутатом Семеновского сельского Совета Аркадакского района. Об этом он срочно доложил Валентине Васильевне Дьяковой. Она вызвала вновь испеченного депутата и спросила, как это получилось.

— А я и сам не знал, — соврал ей в ответ Беспалов, — позавчера мне сказали, что я баллотируюсь, а вчера прошли выборы.

Через прокурора следственная группа потребовала, чтобы Семеновский сельский Совет отозвал депутата Беспалова в связи с тем, что он замешан в воровских делах. Но оттуда ответили отказом. Видно, жалко им было отпустить такого «ценного» работника. Тогда сделали запрос в Аркадакский райисполком. Пришел ответ, что судить Беспалова можно, и это не будет противоречить закону, ибо вновь испеченный директор подсобного хозяйства совершил свои преступления, когда жил и работал на территории другого сельского Совета.

В ходе следствия выяснилось, что преступной группой был нанесен ущерб государству на сумму более восьмидесяти тысяч рублей. Все виновные понесли заслуженные ими наказания. Все они переживают о содеянном. Все, но не Константин Александрович Беспалов. Перед началом суда из Семеновского сельского Совета пришел, наконец, документ, в котором уведомлялось о том, что депутат Беспалов отозван.

Из тюрьмы он пишет в Верховный суд РСФСР письмо, в котором жалуется, что вот его, депутата, неправильно осудили. Возможно, он напишет апелляцию и в соответствующий орган с просьбой пересмотреть вопрос об исключении его из членов КПСС. Забыл Константин Александрович, в какое время он попал за решетку. Все надеется на своих покровителей, все никак не может смириться со своим положением. Считает себя обиженным не-за-слу-жен-но!

Галина Сухова

ОПЕРАЦИЯ «МИРАЖ»

Легкий весенний ветер ронял с веток тяжелые капли недавнего дождя. В вершинах тополей среди сучьев шапками чернели гнезда, над ними носились грачи. По небу плыли прозрачные облака.

На чистом, свежем воздухе дышалось легко, четко работала мысль. Лейтенант милиции Алексей Катамадзе любил эти ранние утренние часы. Он не спеша шагал по аллее сквера, думая о том, какие дела сегодня у него срочные. Впрочем, в уголовном розыске у оперативных работников несрочных дел, как правило, и не бывает.

Тревожило лейтенанта, что двухнедельный, утомительный поиск ничего не дал. Так и неизвестно, кто сбывает наркотики. Этот товар чаще всего тайно привозят из Средней Азии или Чечено-Ингушетии. Но кто торгует ядовитым «зельем», наносящим непоправимый вред здоровью людей?

На днях задержал Катамадзе у цирка двух одурманенных парней. «Купили «черняшку» у фонтана, — твердили они, в сумерках лицо «купца» не разглядели...» Так ничего и не удалось выяснить у них лейтенанту.

Немалых денег стоят наркотики. Тридцать рублей грамм. Один прием — два, три грамма. А через некоторое время снова требуется наркоману «впаковать» в себя очередную порцию. Чтобы найти деньги на наркотики, ни перед чем не останавливаются те, кто подвержен губительной страсти. Может быть, не случайно в городе участились квартирные кражи? Пока они не раскрыты, но кое-какие зацепки есть.

Прежде чем подняться в свой кабинет, лейтенант заглянул к дежурному, хотел спросить, что нового, но не успел.

— Опять две кражи, — сообщил дежурный и добавил: — Подполковник Овчинников здесь.

Пришел Сан Саныч — значит, что-то намечается. Не погорел бы снова выходной! В коридоре увидел Катамадзе одного из своих помощников-общественников — молодого инженера Сергея Куркова. По выражению его лица понял — есть новость.

— Прохаживался я по рынку, как вы советовали, — поприветствовав лейтенанта, начал рассказывать Курков, — вдруг слышу, совсем рядом кто-то говорит: «Товар у Раджа есть, свежий...» — Сергей с досадой махнул рукой: — Мне бы вида не подать, а я сразу обернулся, парни в момент смылись, больше их не видел.

Радж! Такая кличка не встречалась! Это уже ниточка. Правда, тоненькая, но все же это уже след.

На столе зазвонил телефон. Катамадзе пригласили на совещание. Подполковник Александр Александрович Овчинников обвел взглядом всех собравшихся:

— Без промедления всей нашей группой начинаем операцию по розыску торговцев наркотиками и квартирных воров. Операцию назовем...

Подполковник выжидательно посмотрел на присутствующих. Посыпались предложения: «Тайфун», «Циклон», «Казаки», «Вихрь». Окончательно решили — «Мираж».

Потом долго обсуждали варианты и версии розыска. Каждый из присутствующих тут же получал задание.

— Ну как, Алексей Карпович, зацепился за что-нибудь? — спросил подполковник у Катамадзе, когда до него дошла очередь.

— Да, кое-что есть...

Услышав про кличку, Александр Александрович одобрительно кивнул:

— Хорошо! Это уже конкретно. Ищите Раджа! Только не теряйте времени, а то уплывет рыбка.

После совещания Катамадзе достал из своего стола папку, просмотрел документы: нужно срочно отправить требования-запросы о нескольких установленных им наркоманах, приехавших издалека, взять объяснение у гражданки Леоновой, пустившей на квартиру без прописки жильцов Пашу и Рому. Что за люди? Еще следует проверить, на какие средства живет некий Рудени Асиани, не работающий, предупрежденный милицией об ответственности за тунеядство...

Необходимо будет сделать многое. Конечно, в опергруппе задействованы сильные работники: Владимир Галанов, Лев Элькин — на их счету немало раскрытых сложных преступлений. Участвует в операции «Мираж» и Игорь Васильевич Моргунов, как говорится, прирожденный сыщик. Был он, студент политехнического института, дружинником, потом — членом комсомольского оперативного отряда, закончив вуз, работал конструктором, но перешел в милицию. Теперь уже подполковник, заместитель начальника отдела.

В воскресенье появился Катамадзе в Крытом рынке. Это был пятнадцатый день поиска. Одежда штатская, в руках дипломат. С безразличным видом прохаживался по рядам. Воскресенье, народу полно, шумно.

Потом пошел в сквер к цирку, устроился поудобней на скамеечке, развернул «Неделю», но острым взглядом осматривал всех вокруг.

Через несколько минут рядом на скамейку уселись два парня, от них попахивало спиртным, закуривая, сплевывали. Один, с чубом химической завивки, вполголоса затянул:

Здесь, под небом чужим,
Я как гость нежеланный...

Лейтенант сразу заметил, что пальцы рук у парней чуть уловимо дрожат.

— Наркоманы... пьяницы, — мелькнуло в голове.

В эти минуты, словно подтверждая его мысли, на аллее появился неопрятно одетый, небритый мужчина. На висках — ранняя седина, на лице залегли морщины. Походка вихляющая, взгляд тупой, к губам прилипла сигарета.

— Как жизнь, Рудени? — спросил парень, сидевший рядом с Катамадзе.

— «Вся жизнь встает в шампанском блеске», как писал Блок.

Катамадзе прислушался к разговору.

— Подумай! Участковый вещает Блока.

— Да он три курса исторического факультета университета закончил. А потом стал колоться.

Так вот кто носит кличку «Участковый»! Встречал ее Катамадзе, расследуя квартирные кражи.

— А вон Радж подъехал, — заметил парень, сидевший рядом с Алексеем.

На какое-то мгновение Катамадзе остолбенел, не смея поверить в такую удачу.

У сквера остановилось такси. К нему направился Участковый. Вслед за ним пошел и лейтенант.

— Мне на Шестую дачную, — обратился он к водителю.

— Места заняты, — ответил тот.

«Номер!» — мелькнула мысль. Но цифры были забрызганы грязью — не разобрать. Мигнув красным огоньком, такси умчалось.

Алексей обладал отличной зрительной памятью. Лицо водителя он запомнил хорошо.

— Ищите! Если нужно, дадим помощников, — сказал лейтенанту подполковник Овчинников, — действуйте побыстрей. Уверен: через наркоманов выйдем и на квартирных воров. Снова две кражи: на Большой Садовой у зубного врача и на Волжской. Сейчас еще один заявитель пришел с улицы Богдана Хмельницкого... Похищают золотые изделия, деньги, облигации, ценные вещи. Отпечатки пальцев имеем. Сумма украденного за месяц с небольшим достигла почти сорока тысяч рублей! Видимо, орудуют не одиночки и не одна группа. Способ проникновения в квартиры — подбор ключей. Даже самые сложные, дорогие замки открывают не взламывая. Одним словом, «умельцы», — усмехнулся подполковник. Александр Александрович раскрыл папку и продолжал: — Установлены «Паша» и «Рома». Павел Квеквескери — проводник станции Саратов I, бывший студент третьего курса исторического факультета университета, двадцати шести лет. И Реваз Кархалава двадцати девяти лет, ранее судимый, условно освобожденный. Предполагаем, что сбежал со стройки, — отправили запрос в город Шахты. Оба наркоманы. А за Участковым установите наблюдение.

...В Саратове более полутора тысяч такси. За рулем одного из них Радж.

Двое суток провел Катамадзе в поисках. В отделе кадров 7-го таксопарка просмотрел сотни личных карточек шоферов. И вдруг... С одной из фотографий на него смотрел Радж.

«Рахманов Оруди. 1951 года рождения. Образование 11 классов. Адрес: Лунная, 22...».

Катамадзе испытывал радостное возбуждение. Наверное, так же чувствует себя охотник, идя по следу

опасного зверя. Лейтенант поспешил в райотдел. Нужно доложить об успехе подполковнику.

— Завтра же организуем засаду на Лунной. У нас есть новости. Установили, что некая гражданка — Родина Раиса Петровна — сдала в комиссионный магазин импортные джинсы, кроссовки, которые опознал владелец этих вещей, хозяин обворованной квартиры.

Итак, преступник известен — днем раньше или позже он будет пойман.

Возвращаясь вечером домой, Катамадзе думал о том, как бы выкроить часика четыре на курсовую. Учеба на третьем курсе Московского филиала юридического заочного отделения Академии МВД давалась нелегко: оперативная работа отнимала много сил и времени.

Утром рабочий день начался с планерки.

— Засаду на Лунной отложим на сутки, — сказал подполковник Овчинников, но наблюдение за Раджем — Рахмановым и Участковым — Асиани продолжать, и очень тщательно. Предположение наше, что Реваз Кархалава сбежал с народной стройки, подтвердилось. Вчера он поспешно уехал в Шахты. Мы сообщили местным органам. Его задержат, этапируют к нам. Он, как говорится, человек с биографией — дважды судимый. Есть оперативные данные, что он совершает квартирные кражи вместе с неработающим, бывшим студентом исторического факультета университета Павлом Квеквескери, своим земляком. Интересный факт: к нам пришла гражданка, заявила, что видела, как из квартиры, которая оказалась ограбленной, вышли два южанина с большими сумками. Она запомнила их внешность, может опознать. Надо подумать, как показать ей тех, кого подозреваем в кражах. Известный нам Бадри Карчава, — продолжал Овчинников, — отчисленный с третьего курса исторического факультета университета, заядлый тунеядец, предъявил справку, что работает в Энгельсе в строительной бригаде. Однако проверка показала, что, хотя бригадир Демерчиев и оформил Карчаву штукатуром-маляром, тунеядец фактически не работал. Паспорт в дни получки отдавал Демерчиеву, а тот, получив деньги, делил их в своей бригаде. Так было присвоено 988 рублей. Делом этим займутся следователи. И еще происшествие. Постовой милиционер задержал девятнадцатилетнего Бориса Солотова. Он продавал наркотики. Парень сразу же рассказал, что его

мать получает эти вещества в аптеке или в клинике для своего больного отца. Грязная история! Сегодня же проведем обыск квартиры Солотовых. Другие из нас отправятся в аптеку, клинику и к самому больному...

В двухкомнатной квартире Солотовых хозяйка твердила:

— Отец болен очень. Рак легких у него. Таблетки и в жидком виде лекарства получала, а то боли у него сильные, сна нет...

Обыскивая ванную комнату, нашли в грязном белье двадцать ампул морфина и много наркотических таблеток...

Врач клиники рассказала, как умоляла Солотова выписать наркотики: отец страдает.

— У нас были сомнения, собирались посетить больного...

— Не удосужились! — иронически заметил подполковник. Он не мог сдержать возмущения: — У больного нет ни одной пустой ампулы, нет следов уколов! Но пусть теперь следователи разбираются.

...Можно назвать много простых и сложных уголовных дел, где трудный, долгое время неразрешимый вопрос вдруг становится ясным, благодаря обнаружению одной недостающей детали. Такая «деталь» появилась в дверях кабинета в виде невысокого, вихрастого парня с яркими голубыми глазами. Алексею нравился расторопный, сообразительный Славик (так его звали). За время работы в комсомольском оперативном отряде, начиная с девятого класса, он научился многому. Твердо решил после армейской службы поступить в школу милиции. Лейтенант включил его в группу, наблюдавшую за домом, в котором проживал Радж.

— Что у тебя? — спросил Алексей.

— Сижу я на скамье во дворе, — Слава улыбнулся, — внимания на меня никто не обращает, за школьника пока схожу. Девчонки в классики играют, малыши в песке возятся... Вдруг подходит и садится рядом такой черноволосый парень, на груди под курткой клетчатая рубашка видна. Его я никогда не видел. А потом Радж вышел из подъезда. Его-то я приметил. Тоже присел: «Давай, Коба!». Достает этот Коба, а платком прикрывает, но все равно увидел я золотые цепочки, медальоны, колечки с цветными камешками. А Радж ему дал много маленьких пакетиков полиэтиленовых с «черняш-

кой», какие вы мне показывали, — опий, значит... Тут я решил уйти. За углом спрятался. Этот Коба пошел на трамвай, я за ним. Потом пересел на третий троллейбус. Вошел он в дом 49/63 по Шелковичной улице... А я к вам поспешил...

— Молодец! Ну какой же ты молодец! Да тебе хоть сейчас офицерское звание присваивай! — улыбнулся лейтенант.

Катамадзе задумался. Значит, они не ошиблись в своих подозрениях. «Коба Цурцумия, двадцати четырех лет, — говорится в присланной из Абхазии «ориентировке», — разъезжает по разным городам, совершает кражи из квартир, подбирая ключи...»

Если бы вдруг заглянул Алексей в эту минуту в квартиру, где проживал Цурцумия, то увидел бы, как дружок Кобы Мираб Асиашвили в поте лица опиливал рашпилем металлическую заготовку. На столе лежало несколько дорогих замков сложного устройства. Нелегко подобрать ключ к такому замку, но для «специалиста» это не проблема.

— К черту! — Мираб швырнул замок. — Уйди! — сказал он Кобе, когда тот дружески похлопал его по плечу.

Тяжелые раздумья не давали покоя Мирабу ни днем, ни ночью. Почему он стал вором? Откуда пришла беда? Нагрянула нежданно-негаданно или вползла неслышной тенью? Нет, беда вошла постучавшись. Мираб часто вспоминал, как он приехал в Саратов, полный радужных надежд, мечтал стать врачом. И вот он принят в медицинский институт. Учился, старался. А потом... Потом на четвертом курсе появились дружки, называвшие себя «модерн-людьми». Начались выпивки, бессонные ночи. Успеваемость пошла вниз. Получил выговор в партийной организации, потом предупреждение. Он все реже вспоминал затуманенным сознанием маленького сынишку, оставшегося в родном Кутаиси, любящую жену. Денег, которые присылали из дома, не хватало на рестораны и кутежи. Подвернулся «дружок» — земляк Коба Цурцумия. Был он моложе, но деньги добывать умел.

Однажды увидел он у Кобы кольца, кулоны, драгоценные камни, красивые импортные вещи. Откуда? Коба не работал. Не спрашивая понял. Он вор. Квартирный вор. Коба между тем подбрасывал Мирабу деньги, а потом уговорил начать делать ключи-отмычки. Пьянки

продолжались. Мираб бросил учебу... Бросил на пятом курсе!

Не знали Цурцумия и Асиашвили, что в картотеке уголовного розыска появились отпечатки их пальцев, оставленные в обворованных квартирах...

— Операция «Мираж», — отметили ее участники на своей очередной планерке, — идет, как намечалось, по плану.

В угрозыск поступили материалы на тунеядца и наркомана Рудени Асиани. При очередном предупреждении о необходимости трудоустройства этот бездельник, изгнанный с третьего курса исторического факультета университета, нагло ответил работнику милиции:

— Кроме кошелька, я ничего не могу в руках держать!

Асиани подделал запись в своей трудовой книжке, будто бы он работает на заводе. Но не стоило большого труда установить в отделе кадров жульничество трутня, за которое предусматривается уголовная ответственность. Видимо почуяв опасность, Асиани скрылся из квартиры, где проживал, не появлялся и в своем излюбленном месте у цирка, где обычно собирались наркоманы.

...Предварительно в районе засады, у дома, где проживает Радж — Рахманов, побывал Катамадзе. Он набросал план-схему, чтобы точно определить место каждому участнику засады: надо обеспечить просмотр всех подходов и подъездов к дому.

И вот раннее утро. На влажном асфальте еще лежат расплывчатые блики фонарей. Милицейский «уазик» затормозил в районе Второй дачной. Дальше пошли пешком, каждый как бы сам по себе. Все заранее знали свои места: у одних в подъездах домов, у других во дворах. Каждый был снабжен портативной рацией.

Редкие прохожие с сожалением поглядывают на «Жигули», в моторе которых копаются два молодых парня. Это «устраняют повреждение» одетые в штатскую одежду оперативники, их товарищ в другой машине «дремлет», прикрыв лицо газетой. Все, как задумано.

Заранее было установлено, что Радж дома, у него отгулы.

Часы идут, посетителей нет. И тут произошло происшествие, о котором потом вспоминали с улыбкой участники «Миража». Молодому сержанту милиции достался

небольшой участок между домами. Обзор с двух сторон, и он ходил вперед и назад. Солнце в этом закутке припекало, на скамейке уютно расположилась старушка с клубками яркого пушистого мохера. Спицы так и мелькали в ее руках.

Сержант прошел мимо, окинув ее безразличным взглядом, опять прошел, когда вернулся в третий раз, старушка посмотрела на него с подозрением, ну, а когда он снова приблизился к скамейке, бабушка, прижав к груди мохер, засеменила к подъезду. До сержанта донеслись ее слова, брошенные кому-то:

— В милицию надо позвонить, какой-то тип ходит, к мохеру подбирается, и квартиру, наверное, высматривает, обчистить хочет! В милицию надо, пусть проверят...

Тут уж сержант быстренько укрылся за сарайчиками.

День уже клонился к вечеру, а к Раджу никто не приезжал и не приходил. У домов играли дети, торопились в магазины женщины с хозяйственными сумками, сидели на лавочках, наслаждаясь весенним воздухом, старички. Спокойная мирная картина.

В городском отделе внутренних дел на рации дежурил Алексей Катамадзе. Он изнывал от нетерпения: как там в засаде? Молчание! Значит, сообщить нечего.

Наконец к дому на Лунной подкатил «Москвич». Из него вышел мужчина и скрылся в подъезде. Там, на восьмом этаже, квартира Раджа.

Долгими показались тем, кто вел наблюдение, тридцать минут. Но вот мужчина вышел во двор, хлопнула дверца его машины. «Москвич» выехал на улицу и повернул в сторону проспекта 50 лет Октября. В тот же момент парни, усердно «чинившие» двигатель, закрыли капот и сели в салон. Мотор взревел, и машина резко дернулась с места вслед за «Москвичом».

Через считанные минуты мужчину, побывавшего у Раджа, задержали. При осмотре машины обнаружили полиэтиленовые мешочки с расфасованным опиумом. Приобрел наркотики некий Ефтеев, не работающий, проживающий без прописки на улице Радищева. Его разыскивал Волжский райотдел внутренних дел Саратова: подозревался в грабеже.

Участники операции «Мираж» были вознаграждены за утомительное ожидание, нервное напряжение, за дол-

гое вынужденное бездействие. Через полчаса у того же подъезда остановился автомобиль «Жигули».

В тот же миг и безмятежно «дремавший» шофер стоявшей у дороги машины приготовился к запуску мотора. С заднего сиденья, пригнувшись, чтобы их не было видно, следили за входом в подъезд оперативные работники Галанов и Элькин. Как только водитель «Жигулей» вышел из подъезда и отъехал от двора два квартала, его задержали. Тридцатилетний сварщик Магерам Касумов, пойманный с поличным, твердил:

— Пакетики приобрел для личного употребления, себе и товарищу. В запас.

Темнело, но наблюдение продолжалось. В девятом часу у дома остановилось такси. Водитель вошел в тот же подъезд. Вскоре он появился с Раджем, в руках у которого был сверток. Не спеша они сели в машину, поехали к Кировскому району. За ними, в отдалении, следовала опергруппа. Впереди показался перекресток улицы Чапаева и проспекта Ленина. Вспыхнул красный глазок светофора. Стоп! Радж побледнел, увидев нескольких человек, которые молча открыли дверцы такси и предложили ему и шоферу выйти. Под сиденьем оперативники обнаружили наркотики и деньги. В райотдел машину повел уже милицейский водитель.

Что еще даст обыск квартиры Рахманова? Длился он до глубокой ночи. Низко опустив голову сидел Радж. Ему нечего было сказать в свое оправдание — пойман с поличным. Кроме опиума, гашиша, других наркотиков были обнаружены медицинские иглы, шприцы, стерилизатор, аптечные весы.

— А это что такое? — лейтенант положил на стол сумку, полную мелкокалиберных патронов, ракетницу, нож с выкидным лезвием.

— Сумку с патронами нашел в автобусе, нож на днях кореш подарил, — угрюмо цедил сквозь зубы Рахманов.

О том, что за хранение холодного оружия и патронов предусмотрена уголовная ответственность, он знал.

После бессонной, утомительной ночи предстоял большой, полный хлопот день: по установленным адресам квартирных воров и перекупщиков краденого начинались обыски в домах на улицах 20 лет ВЛКСМ, Братиславской, Шелковичной, на Третьей дачной. Только поздно вечером передохнули.

Вещи ста двадцати восьми наименований были изъяты оперативниками: наркотики и лекарства, шприцы, иглы, магнитофоны, кассеты, мужская и женская одежда, дорогие изделия парфюмерии, включая французские духи, одеколон, хрусталь, фотоаппараты, маникюрные и бритвенные наборы, белье, полотенца, книги, старинные иконы, деньги...

Ни одной лазейки не оставили преступникам участники операции «Мираж». Как же можно отрицать свою вину, если тебе предъявлены отпечатки собственных пальцев и если тебя опознают случайные свидетели, которых с таким трудом нашли оперативные работники? И еще «вещдоки» — они имеются в избытке!

В Кировском РОВД шли допросы. Но не были еще пойманы Коба Цурцумия, Павел Квеквескери и Мираб Асиашвили.

В квартирах, где они проживали, дежурили оперативники, выезды из города были перекрыты. Однако преступники нигде не появлялись.

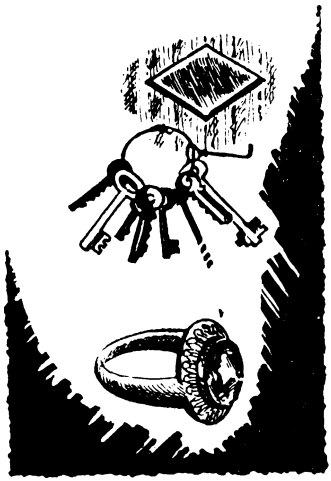
Наконец нервы сдали у Павла Квеквескери. Свой страх перед арестом он решил заглушить водкой. Основательно выпив, он пришел днем в ресторан «Россия». И в пьяном раже полез в драку, не поладив с соседом по столу. Тут его и задержали за дебош.

В этот же день на своей квартире был арестован и Коба Цурцумия, а вскоре та же участь постигла Мираба Асиашвили и Рудени Асиани. Найдены были и те, кто привозил в Саратов наркотики из Средней Азии и Чечено-Ингушетии. Материалы направлены по месту их жительства.

...Зал заседаний суда. На скамье подсудимых преступники. Они сидят наголо остриженными тюремным парикмахером и ждут приговора...

Михаил Исхизов

ТАКАЯ РАБОТА



Тамара Николаевна,
Юмашева,
майор милиции,
оперуполномоченный
Кировского РОВД
города Саратова

Тридцатого октября это началось... Хорошо помню этот день, тридцатого октября... Пришла оперативная сводка, что «волжане» задержали во время попытки совершить квартирную кражу трех человек: Антонова, Симакова и Маслова. Прямо во время кражи задержали, с поличным. А я как раз у нас в райотделе квартирными кражами занимаюсь, их расследованием. Не скажу, что квартирную кражу раскрыть трудней, чем другие преступления. Этого я не скажу. Но и не легче. От многих обстоятельств зависит. Иногда сразу раскрываем, по горячим следам. Бывает, что месяца два уходит. Случается, конечно, и такое, что подолгу не можем выйти на преступника. Работаешь вдвое-втрое больше обычного, ни одной мелочи не упускаешь, за день набегаешься — ноги не держат, а ничего не получается. Причем одновременно несколькими делами занимаешься. Они, эти квартирные кражи, почти никогда не прекращаются. То их больше, то их меньше, а чтобы длительное время совсем без них обходилось, такого не бывает.

А тут как раз тридцатое октября, конец месяца, отчет составлять надо. И отчет получается такой, что писать его совсем не хочется.

Я как раз сидела над отчетом, когда сводка пришла. И как сводку прочла, так сразу решила: надо срочно с этими воришками поговорить. Я ведь шестнадцать лет оперативной работой занимаюсь. Воришек ловлю, квартирные кражи анализирую и знаю: то, что их задержали в Волжском районе, ничего не значит. Если у них это

не единственная кража, то вполне возможно, что они и в нашем районе побывали. А у нас столько дел нераскрытых! Если что-нибудь удастся выяснить, то и отчет будет выглядеть по-другому. Я тут же на троллейбус и в Волжский райотдел. Для меня прежде всего важно — первая это у них кража или признались еще в каких-нибудь.

— Еще в двух квартирных кражах признались, — обнадежил меня лейтенант, который этим делом занимался, — летом совершили две квартирные кражи. Но считаю, что это не все.

— Почему, — спрашиваю, — так считаешь?

— Потому, что Антонов и Симаков уже отбывали срок. Вышли в восемьдесят четвертом. Ни на одной работе за два года подолгу не задерживались. Доказать пока не могу, но считаю, что краж за ними порядком. Поработаем с ними, докажем.

Очень уверенно говорит лейтенант. А у меня от этой его уверенности настроение испортилось. Что значит «докажем»? Чтобы доказать, факты надо иметь, а не лейтенантскую уверенность. Надо самой поговорить с этими задержанными. Кто знает, может быть, что и выплывет. Только нет у меня основы для разговора с ними, зацепиться не за что.

— Мне бы с протоколами допроса ознакомиться, — прошу я. — А обыски дома вы у них уже провели? Вещи какие-нибудь изъяли? Где они у вас? Посмотреть надо, что они в норки к себе натаскали.

— Протокол — пожалуйста, — подает он мне папочку. Уже и папочку успели оформить! — Обыск провели. Так что вещи можно посмотреть, в соседней комнате лежат.

Деловым лейтенант оказался, просто прелесть. Все у него подготовлено, все у него в полном порядке. Теперь важно самой подготовиться к разговору. Казалось бы, опыт есть, можно сразу пойти к задержанным. Так это только кажется. Как раз тот, у кого опыт есть, не станет с ними беседовать, пока не узнает все, что можно.

Прочла я протоколы первых допросов. Там все, что лейтенант уже сказал. И еще чувствуется, что Антонов у них верховодит. В ответах обстоятелен, спокоен. А Симаков в разговоре потяжелей. Каждое слово из него вытаскивать надо. Маслов, тот совсем свеженький. Недавно они его втянули. Про наш район ни слова не го-

ворят. Надо смотреть вещи. Если среди изъятых у них вещей найду что-нибудь из своего района, тогда не напрасно приехала. А у меня по нашим нераскрытым делам — я же их десятки раз перечитывала — есть такие вещи, что держатся в памяти, как сфотографированные. Интересно получается: чужие вещи, я их ни разу не видела, а по описанию помню.

Пошли с лейтенантом в комнату, где «вещдоки» лежат. Как только вошли, я ее сразу увидела, долгожданную мою. Я и надеялась и не надеялась, но удача. Лежит на стуле штора оконная. Плотный такой голубой шелк, и на нем большие красные розы. Меня хоть убей, я бы такую у себя дома не повесила. Но некоторым нравится. Я даже фамилию женщины помню, у которой ее украли, — Соломина. И как она рассказывала, что привезла штору из Казани. Там купила. И саму женщину хорошо помню. На ней юбка была расклешенная из шотландки и белая кофточка с узким черным галстучком. Сейчас очень немногие женщины такие галстучки носят. А красиво... Украли у нее эту занавесочку еще в восемьдесят четвертом. А Антонов утверждает, что начал воровать только в восемьдесят шестом. Это понятно. Они обычно, как попадутся, о прошлых кражах не рассказывают. Думают — прошло и быльем поросло. Никто уже не докажет, никто не расскажет. Потом, когда начинают понимать, что все-то у нас записано и все-то у нас расписано и что раскапывать будем до конца, начинают рассказывать и о прошлых кражах. Соображают, что раз мы все равно докопаемся, так лучше уж самому рассказать. Получается что-то вроде добровольного признания, похоже на раскаяние.

С Антоновым надо было говорить. Маслов о прошлых кражах ничего не знает. Симаков на разговор тяжел. На первом допросе почти ничего не сказал. Только «не помню» да «не знаю». А Антонов бывалый. По протоколу видно: понял, что попался и придется отвечать. Как это делается, он уже хорошо знает. Три года отсидел. Такой лишнего не скажет, но, если видит, что влип, запираться не станет. А со шторой он влип. Это точно.

Я ему сразу:

— Ты что, Антонов, по всему городу рыщешь, воруешь?!

Он насторожился:

— Как это — по всему городу?

— По вещам видно. Про весь город, правда, сказать не могу, пока еще не знаю. Но у нас, в Кировском районе, побывал. Это точно.

Молчит. У него же опыт. Думает, что я его на пушку беру.

— Занавеску я сейчас смотрела. У тебя изъяли. Помнишь, какая у тебя дома занавеска на окошке висела?

— Помню, — выдавливает он из себя. Осторожно так, не знает, куда я собираюсь повернуть. — Вроде бы помню.

— Так она же ворованная, Антонов.

Он молчит. Ждет, что будет дальше.

— У меня этой занавесочки, Антонов, есть в «деле» полное описание. И размеры, и цвет, и сколько стоит.

— А почему вы думаете, что я ее не мог в магазине купить? — проверяет он, насколько я сама уверена, что это именно та занавеска.

А я уверена. Потому что прекрасно помню ее по описанию. И квартиру, откуда она украдена, помню. На память не жалуюсь.

— Потому что не продавали таких у нас в Саратове. Из другого города ее привезли. Издалека.

— Может, и не в магазине. Разве запомнишь, что где покупал? На базаре, наверное, купил.

Ему просто: «нет» и «нет». А мне сложней. Доказывать надо.

— Мог, конечно, и на базаре, — соглашаюсь я. — Только у нее пара есть. У тебя левая, у хозяйки правая осталась. Она у нее в стирке была.

Молчит. Но, чувствую, обмяк. И настороженность прошла. Понял, что не подлавливаю я его, а есть у меня действительно доказательства в отношении той кражи. А признаваться неохота. Надо нажать. Еще чуть-чуть нажать на него, и признается. Я и нажимаю. Легонько, но плотно. Так, чтобы ему вывернуться некуда было.

— Сам понимаешь, Антонов, не маленький. Пригласим мы хозяев квартиры, они вещи опознают. У тебя же кроме этой занавески еще что-нибудь оттуда есть. Ты, может быть, и сам уже забыл, мелочь какая-нибудь, но есть. А они ее опознают. Они свои вещи лучше тебя помнят. Для тебя эти вещи чужие, а для них свои. Поедем мы с тобой на место преступления. Проведем следственный эксперимент. Покажешь ты нам все: как вхо-

дил, как действовал, что где брал, как уходил. Так что, если что забыл, припоминай, пригодится.

— Да я вроде уже припомнил...

А куда он денется. Тут запираться — дело пустое.

— Раз припомнил, так давай мы все это оформим документом.

Составила я протокол допроса. Он расписался. Даже читать не стал. Верит, значит, мне. Это хорошо. В таком случае останавливаться нельзя. Надо продолжать разговор.

— Мы с тобой, Антонов, не записали, когда это произошло. Число ты, конечно, не помнишь. Это мы по делу проверим. А год?

Смотрю, помрачнел Антонов, замолчал. Видно, сразу не сообразил, что старую кражу зацепили. Только сейчас понял.

— Антонов, ты же опытный человек. Неужели думал, что сумеешь только по последним кражам пройти? Ты уж милицию, что ли, совсем не уважаешь?

— Уважаю. — Вопрос безобидный, так что можно ответить. — Раз взяли, как не уважать?

— А уважаешь, так не валяй дурака. В деле ведь все записано. В каком году?

— Вроде бы летом.

Я никак не могу понять, почему не называет год? Ведь кража зафиксирована, и по протоколу не только год, но и число и время узнать можно.

— Так в каком году?

— Точно не помню.

И тут я поняла: действительно не помнит. А это ведь против него. Если одна-две кражи, человек обычно помнит все подробности. Если много — не хитро и забыть кое-чего. Значит, хвост за Антоновым есть. И не исключено, что этот хвост в наш район тянется.

— Другие вещи из этой квартиры где?

— Я не помню, какие там еще вещи были.

И видно: не врет, действительно не помнит.

— А ты припомни.

Молчит. И я молчу. Я жду, что он скажет. А он, по лицу видно, добросовестно пытается припомнить, что он еще «взял» в той квартире. И вспомнил все-таки.

— Книги, — выдохнул он и даже улыбнулся. Первый раз за время нашего разговора.

— Куда девал?

— Книги Степан взял.

Вот и Степан появился. Это хорошо. Это даже очень хорошо.

— И куда их Степан девал?

— Не знаю. Продал, наверное.

Мне бы уйти сейчас в сторону, а потом опять вернуться к Степану. Но не хватило терпения.

— Давно знаешь Степана?

И он сразу среагировал. Быстро, автоматически.

— А я его не знаю.

— Так уж и не знаешь. Вместе воровали, а ты его не знаешь?!

— Он не воровал. Я ему книги продал. Он, наверно, их тоже продал. — И, опережая мой вопрос: — А так я его не знаю. Случайно встретил на улице и продал.

Вижу, что врет. И он понимает, что я ему не верю. Но Степана «отдавать» не хочет. Не из солидарности, конечно. Не верю я в воровскую солидарность, ни разу с ней не встречалась. Просто у него с этим Степаном еще, видно, не одна кража может выплыть.

Часа два мы с ним еще мучились, но больше ничего толкового я из него выжать не смогла. Но все же не зря мы с Антоновым столько времени провели. И кражу одну закрыть можно, и Степан появился. Надо теперь Степана искать.

С утра и начали этим Степаном заниматься. Тут путь один — проверить все связи Антонова. Хотя, может быть, Степан этот не с Антоновым связан, а с Симаковым или Масловым. Но начинать все равно надо с Антонова.

Все связи его проверила, всех дружков, всех знакомых перебрала — никакого Степана. И тут, совершенно неожиданно, выплыл какой-то Карпов, не входящий ни в какие рамки. Спортсмен, атлетической гимнастикой занимается. И отзывы о парне неплохие. Так что же их с Антоновым связывает? И зацепилась я за этого Карпова. Почему? Сама не знаю. Странная какая-то дружба. Или там что-то уж очень серьезное — друзья детства и все такое... Или Карпов не такой уж хороший. И стала я карповских дружков перебирать. Нет ли там хоть одного такого, который у нас бы числился? А дружков у Карпова много — спортсмен. Четыре дня на это ушло. И вот наконец передо мной список карповских друзей. Но опять никакого Степана. Степана нет, но есть

Степанов! Тоже спортсмен. Тренер детско-юношеской спортивной школы. Через адресный стол узнала, где живет, потом — участкового за бока. Кто он и что он, этот Степанов?

Участковый его знал. Фигура в микрорайоне заметная. Спортсмен, да еще тренер. Ребята его уважают. Недавно старенький «Жигуленок» приобрел. Отремонтировал. Теперь ездит на нем.

— Ну-ка, — прошу участкового, — присмотри за ним, чем он сейчас занимается? Потому что если он и есть тот самый Степан и связан с Антоновым, то он уже должен знать, что Антонов арестован. И непременно засуетится.

Буквально через полчаса звонит участковый. Говорит, что Степанов сегодня погрузил в машину какие-то вещи и увез куда-то. Вернулся и опять что-то грузит в свой «Жигуль».

Вот так бывает. Четыре дня искали, а еще полчаса — и он бы все вещи припрятал, и доказывай что хочешь... А может быть, он к антоновским делам никакого отношения не имеет? Тут такое дело, что непременно надо проверить. Мы сразу в ГАИ звонить. Объясняем, что надо задержать Степанова на его «Жигулях». Адрес такой-то, номер машины такой-то. И вот-вот выедет со двора. Возможно, повезет куда-то краденые вещи. Они по рации связались с ближайшей патрульной машиной. Через полчаса, смотрим, заезжает в сопровождении ГАИ степановский «Жигуль» во двор райотдела. Какое они там нарушение нашли у него, не знаю. Но там ребята такие, что всегда найдут, если надо. Да еще серьезное нарушение нашли. Так что потребовалось и машину, и самого нарушителя в райотдел доставить.

Мы тут же во двор, к машине. Из «Жигуля» два парня вылезают. Один молодой, подвижный такой: руки, ноги у него все время двигаются, головой вертит, осматривается — куда это он попал? Другой постарше. Крепкий, широкоплечий, лицо смуглое, как будто загорелое, хотя самый разгар зимы. И силушка в нем чувствуется. Одет в синюю спортивную куртку. И, конечно же, без головного убора. Этот спокоен. Вышел из машины, ждет, что дальше будет.

Я как этого «большого» увидела, сразу поняла, что он, Степанов, «Степан» и есть. Я, можно сказать, узнала его. У нас же на него фоторобот есть. Не особенно

похож, но узнать можно. А разыскивали мы его из-за происшествия в районе сельхозинститута.

Там, в одной квартире, парнишка маленький дома оставался, лет восьми. Мать велела, чтобы никому не открывал. Играет он и вдруг слышит звонок. Подошел к двери, а там недавно замок меняли и щелочка осталась маленькая, снаружи незаметная. Посмотрел мальчик в щелку — парень высокий стоит возле дверей. Парень еще раз позвонил. Мальчик молча стоит, не откликается. Тогда парень вынул из большой спортивной сумки гвоздодер и начал замок отжимать... А тут лифт подошел и останавливается на площадке. Парень моментально гвоздодер в сумку и по лестнице вниз.

На лифте как раз поднялась мать этого мальчика. Открыла дверь, а тот весь дрожит. И рассказал матери, в чем дело. Она сразу в милицию позвонила. Приехали из райотдела, осмотрели дверь, мальчика расспросили, протокол составили, записали со слов мальчика, как выглядит преступник. В общем — завели уголовное дело, но, понятно, безнадежное.

А потом мать с мальчиком вышли погулять. И как раз невдалеке от дома встретили они того самого парня, который замок взламывал. Мальчик как его увидел, так сразу матери и говорит:

— Мама, посмотри, вот этот дядя дверь ломал.

Ну, мать, не раздумывая, подвела мальчика к молодому человеку и стала выяснять отношения.

— Смотри, Володя, внимательно смотри, этот дядя замок взламывал?

— Этот, — подтвердил мальчик.

— Ты точно уверен? Если это он, мы сейчас милицию позовем и его арестуют.

А у парня нервы не выдержали, и он рванулся бежать. Не дождался, пока мамаша вызовет милицию.

Был он одет в спортивное трико и спортивную синюю куртку. А через плечо спортивная же сумка с воровским инструментом. Наши работники тогда несколько дней ходили по району вместе с мальчиком и матерью, надеялись встретить этого парня. Так и не встретили. А словесный портрет по описанию мальчика и матери составили.

Стоит, значит, этот Степанов у машины и как будто бы совершенно спокойно ждет, что будет дальше. Но лицо у него не то чтобы спокойное, а мрачное какое-то.

Он и так смуглый, а тут прямо какой-то черный стал. А автоинспектор, поскольку он в курсе дела, говорит:

— Откройте багажник. Поскольку машину мы вынуждены задержать для исследования, надо посмотреть, что у вас там в багажнике. Если вещи — здесь оставите, составим опись.

С автоинспектором спорить бесполезно. Пришлось Степанову открыть багажник. А там небольшой комиссионный магазин. Ружье охотничье, кожаное пальто, коврик небольшой, восточной работы, японский магнитофон, женская куртка, две меховые норковые шапки... И картонная большая коробка, забитая доверху маленькими бутылочками: с вином, коньяком, водкой...

Произвели опись всего этого, дали Степанову расписаться и проводили его в кабинет. Его спутника Овчинникова — в другой, и попросили подождать. А сами собрались — надо решить, что дальше делать. Вещей такой набор, что можно почти с полной уверенностью сказать — ворованные.

Материал для начала разговора у нас есть. В картонном ящике у него не просто бутылочки с выпивкой — коллекция. Я ее сразу узнала. У нас эта коллекция по одному делу проходит. Прошлогодняя кража. Я их почему запомнила хорошо? Потому что первый раз встретила, чтобы человек выпивку коллекционировал. Быстренько в делах порылась и тут же нашла. Точно, все как есть, коллекция вин, 72 бутылочки. И главное, живут эти люди недалеко. Сразу послали за ними.

Хозяйка как раз дома была. Сразу пришла. Как увидела бутылочки — растерялась.

— Ой, — говорит, — как же вы их нашли? А мы и не надеялись. Ведь сколько времени прошло... Муж их, наверное, лет десять собирает. Сам не пьет, в рот не берет. А вот собирает. Можете его спросить, он скоро с работы придет.

— Вы успокойтесь, верю вам, — мне, пока муж с работы придет, ждать некогда, мне надо побыстрей со Степановым поговорить. — Может быть, вспомните какие-нибудь приметы?

Она думает, думает и наконец нерешительно говорит:

— Не знаю уж. Вот на казахском коньяке, на этикетке, красными чернилами крестик нарисован. Муж ругался, ругался, ничего сделать не мог, когда стереть

этот крестик хотел, — и робко смотрит на меня, — подходит?

— Конечно, это примета, — успокаиваю я ее. — Еще что-нибудь вспомнить можете?

— На бутылочке с венгерским вином, — теперь она уже уверенней говорит, — привязана маленькая табличка серебристого цвета.

Зафиксировали мы и это. И еще несколько примет. Отпустили пока женщину. Пусть мужа обрадует, когда тот с работы придет.

А пока мы с ней беседовали, наши с Овчинниковым разговаривали. Объясняет, что знаком со Степановым по секции, тренировался у него. Сейчас просто катался с ним на машине.

— Видел, что Степанов грузил в машину?

— Да, видел. И даже помогал грузить.

— Первый раз сегодня с ним ехал, когда задержали?

— Второй. До этого еще раз вещи отвозили.

— Куда ездили прошлый раз?

— Отвезли чемодан ко мне домой. С чем — не знаю. Степанов сказал, что эти вещи надо продать. Хочет от них отвыкнуть.

— Еще куда заезжали?

— Заезжали в один дом, возле кинотеатра «Родина». Степанов оставил сумку у какого-то Хонина. Кто такой Хонин — не знаю. Просто слышал, как Степанов сказал: «Посиди минут пяток, отнесу сумку Хонину и сразу вернусь».

— А не закрадывалось ли подозрение, что это ворованные вещи?

— В какой-то мере закрадывалось. А потом Степанов сказал, что если его милиция будет брать, то он не дастся. У него ружье, будет отстреливаться.

Вот и все, что из него сумели выжать. Съездили к Овчинникову, привезли чемодан. Открыли. В чемодане оказалось десять икон, индийские вазы, хрустальные изделия очень красивые, выполненные, видимо, по специальному заказу, пистолет-зажигалка, патроны для охотничьего ружья, кинжал в красивом чехле, вроде бы старинный, два фотоаппарата и еще кое-чего.

Теперь можно и со Степановым разговаривать. Пошла я к нему. А он здоровый черт, да еще хвастался, что не дастся милиции, так что я немного побаивалась. Попросила наших ребят, чтобы посидели со мной.

— А ты здорово бегаешь, — говорю. Мне главное, для начала, заговорить его. Даю ему этим самым понять, что с кражами его все в основном понятно. А уж с подробностями разбираться не к спеху. Разберемся.

А он сидел, все ждал, как дело повернется. Надеялся все-таки, что это его просто ГАИ задержало и все обойдется. Хотелось ему так думать.

— Тренируюсь, — отвечает вроде бы вполне спокойно.

— То-то ты так быстро убежал от женщины с ребенком, не успели милицию позвать.

Вот и все его надежды, кончились. И деваться ему некуда.

— Было дело, — говорит. — Но после того случая перестал. Больше ничего не было. — Это он уверен, что мы мало о нем знаем. А мы, и верно, мало знаем о нем. Тут еще разбираться и разбираться. Но кое-что у нас все-таки есть.

— Тут, — объясняю ему, — кое-какие вещички твои уже опознали. И протоколы об этом составлены. К Овчинникову за чемоданом уже съездили. — Это чтобы он понял: деваться ему некуда. Попался, и придется теперь отвечать. Парень, смотрю, уравновешенный. С такими, как правило, работать легче. И, вижу, понял он все. Теперь мне его разговорить надо.

— Ты куда деньги тратишь от своего воровства?

— Люблю хорошо поесть. В ресторане переплатишь официантке, она и обслужит по-другому, и чистую скатерть положит, и еда совсем другая. Значительным человеком себя чувствуешь.

Вот так он покупал «уважение». За рубль. А когда хотелось «уважения» побольше — за пятерку. Как конфеты: за рубль — карамельки, за пятерку — шоколадные.

— В баре на проспекте бывал, Бодрова знаешь? — спрашиваю. У этого Бодрова, он там барменом работает, украли видеомагнитофон. И никаких концов этого видеомагнитофона мы найти не можем.

— Бывал.

— Видеомагнитофон — твоя работа?

— Моя.

— С кем воровал?

Мнется... Этого он сразу не скажет. Для того чтобы сказал, с кем воровал, до этого дозреть надо. И о кра-

жах своих особенно распространяться не будет. Так что с этим Степановым много работать придется.

Игорь Иванович Янкевич, старший лейтенант, следователь Кировского РОВД города Саратова

Я в тот день пришел на работу пораньше. Нужно было еще раз посмотреть протокол одного допроса. Собирался я это дело уже закрывать, но была у меня там одна деталька, вызывающая сомнение, и надо было с ней разобраться. Но только уселся я за стол, только дело перед собой положил — телефонный звонок. Не люблю, когда утром, до начала работы звонят. Но ничего не поделаешь, снял трубку. Начальник следственного отдела майор Серенко звонил, к себе вызывал. Уложил я свою папочку снова в сейф и пошел к майору.

— Игорь Иванович, ты в курсе дела по квартирным кражам? — спрашивает он. — Задержана группа...

— В курсе. По оперативной информации.

— Много у тебя дел сейчас?

Прекрасно он знал, что дел у меня достаточно. Я, конечно, работаю не особенно много, всего восемь лет, но что-то ни разу не встречал следователя, которому делать нечего.

— Порядком, — говорю, — имеются.

— Два дня тебе, сдавай свои дела. Создается специальная группа по этим квартирным кражам, при горотделе. Будешь старшим. Дело сложное. Краж в городе немало. Так что легкой работы не предвидится. От нашего райотдела выделяем тебе оперуполномоченного майора Юмашеву. Остальных тебе в горотделе назовут.

Работа есть работа. Сегодня одно задание, завтра другое. И каждое из них надо делать на совесть. Не сапоги ведь шьем, с людскими судьбами дело имеем. Хотя, в общем-то, и сапоги надо делать как следует. Но сравнивать нельзя. Наша работа, пожалуй, самая ответственная из всех, какие я знаю. А это дело, раз при горотделе специальную группу создали, видно, не простое. Вот и хорошо, что не простое.

Разобрался я у себя с делами и через два дня, как приказано было, прибыл в горотдел, к начальнику следственного управления подполковнику Вотякову. Он меня подробно со всем, что уже сделано, ознакомил, передал все материалы, дал несколько дельных советов

и, главное, обещал помочь, если какие-нибудь трудности возникнут. А потом собрал всю нашу группу. И началась самостоятельная работа.

Прежде всего мы решили все вещи, изъятые у преступников, перевезти сюда, в горотдел, и хранить здесь. Чтобы они под рукой были и, главное, все вместе. И тогда можно будет приводить сюда всех потерпевших для опознания вещей.

Три дня возили из райотделов вещественные доказательства. Книги, одежду, обувь, посуду, ковры, парфюмерию, безделушки всякие, радио- и телеаппаратуру. Сверяли с протоколами изъятий. Не дай бог потерять что-нибудь. Потом концов не найдешь, и хорошо если только взысканием обойдется. Хотя взыскание — тоже никакого удовольствия не доставляет. Так что каждую мелкую вещицу брали на самый строгий учет. А уж золотые изделия — само собой разумеется. В отдельный сейф, по отдельному списку сложили.

Потом — допросы. Каждый день. Потому что много было еще неясного. На первый взгляд, а точнее, для непосвященного человека может показаться, что главная работа уже сделана и остались только некоторые формальности. Как же: преступная группа задержана, в преступлениях задержанные признались. Так что оформляй дело и передавай в суд. А в действительности все не так просто. В этом конкретном случае дело по-настоящему начало разворачиваться только после того, как преступников задержали. На первых же допросах стало ясно, что группа действовала более двух лет. И надо было проследить, изучить всю ее деятельность. Потому что краж квартирных за этот период набралось немало. Все ли эти кражи их работа или действует еще кто-то? Необходимо было и проследить путь украденных вещей, найти их, изъять, и, в конечном итоге, вернуть владельцам.

Надо было разобраться в том, как сложилась группа. Очень уж разношерстный народ собрался. Обычно нам приходится работать с явными антиобщественными элементами. Скажем, с такими, как Антонов и Симаков. Они тоже разные. По характеру, по темпераменту, по интеллекту. Но в принципе ясны. Оба уже побывали в тюрьме за кражу государственного имущества. Оба неравнодушны к выпивке. Оба, скажем так, не любят работать. С тех пор, как они освобождены, и тот и другой

не раз меняли место работы и ни на одной из них подолгу не задерживались. Круг их знакомств — в этом же духе.

А Степанов? Почему он в этой группе оказался? Судя по его занятиям, по окружающим его людям, он не должен на такое пойти. Не пьющий, не курящий, не судим. Много занимается спортом. Откуда же такое? Почему этот парень стал преступником?

Пожалуй, прежде, чем с другими, наладились у нас «рабочие отношения» со Степановым. Понял он, в конечном итоге, что отвечать придется, причем за все и полной мерой. И привык уже к этой мысли. Объяснили ему, как важно для него лично максимально возместить материальный ущерб. И он старался вспомнить, куда девал краденые вещи. Нам казалось, что ведет он себя во время следствия довольно откровенно. Он даже оживлялся, когда привозили его к нам для очередного допроса или для проведения следственного эксперимента.

А меня все время интересовало, что же привело его к воровству, что же его к тюрьме привело?

В общем пытался он объяснить. Хотел, мол, хорошо жить, красиво жить, уважением пользоваться. Иметь много денег, много вещей, и пусть все завидуют!

Вот такую, можно сказать, мечту имел Степанов. Прежде всего хотел скопить денег, купить машину и въехать на ней во двор дома, где он проживал. Для него, может быть, не столько была важна сама автомашина, как то, чтобы все видели ее. Это для него целью жизни стало — доказать людям, что он живет намного лучше, чем они, намного богаче. Чтобы они с почтением на него смотрели. Пусть не все человечество, пусть только у себя во дворе, но чтобы смотрели с уважением и завистью. Причем хотелось всего этого: и денег, и вещей, и зависти окружающих — побыстрей. Самолюбие все время подстегивало: смотри, другие умеют жить, на машинах ездят, а ты все пешком...

А как ее купишь, эту автомашину? Тут ведь тысячи нужны. Но деньги собирались медленно, очень медленно, слишком медленно. И машина так и оставалась неосуществимой далекой мечтой. А он уже на все был готов ради этой машины. И когда Антонов предложил совершить кражу — обворовать квартиру («там килограмма два золота у них есть»), Степанов в принципе был уже к этому готов.

Кража эта ничего им не дала. И золота в квартире никакого не оказалось, и ценных вещей не было. Но для Степанова эта кража явилась переломным моментом. Он почувствовал возможность быстрого обогащения. И второе — безнаказанность. Взломали дверь, вошли, взяли что хотели, вышли, и ничего — никто не обратил внимания. Гуляешь себе по улице, и никто не думает, что это ты сделал. Потом несколько удачных краж. И уже полная уверенность, что верный способ быстрого обогащения найден. Потом он отделился от остальных. Дело, мол, нетрудное, зачем же делиться с другими, если можно взять все себе?

Тащил все, что мог, что можно обратить в деньги. Хрусталь, золотые изделия, дамские трусики, чайные сервизы, постельное белье, книги, меха, парфюмерию, обувь, одежду. А чаще всего — телеаппаратуру и магнитофоны. В первую очередь иностранного производства. Этот товар моментально находил сбыт.

Купил все-таки машину. Ждать, когда сумеет приобрести новую, не хватило терпения, приобрел подержанную. Отремонтировал, поставил новый мотор. Тысяч в семь ему это обошлось, не меньше. И въехал-таки к себе во двор на «Жигулях». Дождался вечера, когда во дворе будет побольше народа, и вкатил.

Сбылась мечта. Машина есть, и видеомагнитофон есть, и магнитофон японский. И бельишко шикарное, и посуда фирменная. Хрусталя полно... Казалось бы, какого еще рожна надо? А надо было. Потому что самого главного не достиг — большого уважения к себе так и не почувствовал. Ну приехал Степан на «Жигуле». Молодец Степан — вот и все дела... Тогда начал покупать уважение. В ресторанах. Чаевыми.

И продолжал воровать. Уже обреченный. Обреченный на отсутствие этого уважения, большого человеческого уважения. Потому что оказалось, люди уважают человека не за «Жигуль», а за что-то другое. Обреченный на задержание, арест и тюрьму.

А дело постепенно разбухало. Два с половиной года люди воровали. Сколько же за ними краж? Они и сами уже не помнили все эти кражи и, тем более, не помнили, где что взяли. А нам все это нужно было выяснить с максимальной точностью. И тут нам два фактора помогли.

Первое — это то, что мы сумели быстро определить

почерк этой группы. Она хоть и распалась быстро, но действовали все они одним и тем же способом, в одной и той же манере. Три характерных признака у них было: первый — намечали себе жертву в многоквартирном доме, исходили из того, что в многоквартирных домах люди друг друга знают плохо; второй — приходили воровать где-то с десяти до двенадцати, когда люди в основном на работе; третий — звонили в дверь и, если никто не отвечал, взламывали замок. Вот такой у них был почерк, и мы его учли.

Просмотрели все нераскрытые дела по квартирным кражам за последние два с половиной года. И выбрали те, которые соответствуют их почерку. А затем стали приглашать потерпевших в нашу комнату вещественных доказательств, и, если они находили что-то из своих вещей, можно было считать кражу зафиксированной. И так день за днем, неделя за неделей: просмотр дел, приглашение потерпевших, опознание вещей, допросы арестованных.

Тамара Николаевна Юмашева, майор милиции, оперуполномоченный Кировского РОВД города Саратова

Со Степановым нам, можно сказать, повезло. Повезло из-за его пижонства. Он, видите ли, когда выезжал на своем «Жигуле», непременно должен был перед кем-нибудь похвастать — какая у него хорошая машина. Вот он и пригласил Овчинникова покататься, когда ворованные вещи развозил прятать. Тот нам и рассказал, что Степанов отвез некоему Хонину сумку с вещами. И показал, где этот Хонин живет.

Поехали мы, и сумку забрали, и Хонина привезли. В сумке оказался совершенно новый мужской костюм. Довольно дорогой костюм. Рублей двести стоит. Две пары мужской импортной обуви там лежало еще и восемнадцать золотых изделий. Довольно содержательная сумочка.

Хонин смотрит на нас довольно спокойно. Попросил разрешения закурить, сидит, дым из ноздрей пускает.

«Интересно, — думаю, — как это он собирается отвертеться?»

А он покуривает и никакого любопытства к вещам, вынутым из сумки, не проявляет.

— Что можете сказать по поводу всего этого? — показываю я на вещи.

— А я к этому никакого отношения не имею, поэтому ничего сказать не могу.

— Как это понять?

— Привез Юра сумку, попросил: пусть полежит. Что в сумке, я не знал. Да и Юру этого я толком не знаю, шапочное знакомство.

Я, конечно, ни слову не верю. И звучит все это очень уж неубедительно. Но нам и не такое слышать приходилось. А в конечном итоге признаются. Так что сомнений у меня не было, что и этот признается. Нужно только поговорить с ним.

— Как же это так? Привозят вам вещи. Кто привез, вы не знаете. Что привезли, вы тоже не знаете. Но берете. Неубедительно получается, Хонин. Очень неубедительно.

— Так это же он не мне привез, а теще. Она с Юрой знакома. Он несколько раз с ней к нам заходил. Поэтому я его видел и мы вроде знакомы.

Говорит, а уже твердости в голосе нет. Сам, видно, почувствовал, что неубедительно у него получается. А я и не тороплю его. Пусть созреет.

— Теща что, отдельно от вас живет?

— Да, отдельно. Он приехал, говорит, что был у тещи дома, но не застал ее. Попросил, пусть сумка полежит. Она покупала у него иногда кое-чего. Я думал, что он по торговой части работает.

— Почему вы так думали?

— Хорошо всегда одет, нахальный и вещи дефицитные привозит.

— А что у него теща ваша покупала?

— Точно не помню, да и не знаю толком, — посмотрел на меня, понял, что я ему не верю и заторопился: — Всего не помню. Так, только некоторые вещи.

— Вот вы их и назовите.

— Платок с люрексом покупала. Большой такой, красивый. Она жаловалась, что он с нее много содрал, поэтому запомнил. Туфли, помню, купила. Она их показывала. Черные, на высоком калбуке. И на пряжках стекляшки под бриллианты сделаны. Книги она у него покупала. Знаю, собрание сочинений Мопассана купила. Еще чего — не помню.

— Где ваша теща живет? Кто такая?

— Живет там-то и там-то, фамилия Федорова.

Поехали к Федоровой и как раз застали ее дома. Рассказали ей, что Степанов задержан, и потребовали предъявить вещи, которые она у него покупала или получала для перепродажи. Выложила она несколько вещей. Среди них и платок этот люрексовый, шарф мохеровый, норковая шапка, пальто кожаное. И все время клянется, что и подумать не могла, будто это вещи краденые. «Юра такой хороший, он не позволит себе воровать». И довольно искренне это у нее звучало.

Характеристика на Федорову Антонину Георгиевну, 1940 года рождения, образование среднее

Т. Федорова А. Г. поступила на завод технического стекла в январе 1963 года. За время работы зарекомендовала себя трудолюбивой, исполнительной и дисциплинированной. Неоднократно поощрялась Почетными грамотами и денежными премиями. Член Добровольной народной дружины.

Нарушений трудовой дисциплины не имеет, в коллективе пользуется уважением. Морально устойчива. В быту нарушений норм поведения не замечалось.

Из протокола допроса Степанова Ю. П.

Большую часть вещей сбывал через Федорову. Ей появление этих вещей объяснял разными причинами. Во всяком случае, слово «украдено» ни разу не употреблялось. Но я думаю, что она могла бы догадаться. Она просто не хотела догадываться, так как особенно в последние разы я приносил ей очень много золотых вещей, и она могла бы догадаться, что все эти ценности я добываю преступным путем.

Все эти вещи и ценности я продавал ей недорого. Она фактически брала их для перепродажи, затем возвращала мне деньги. Конечно, определенную часть денег она могла брать себе. Я ни разу не спрашивал ее, сколько она брала себе. Но брала.

Тамара Николаевна Юмашева, майор милиции, оперуполномоченный Кировского РОВД города Саратова

Это у нас встречается. Не знают людей там, где они работают. И характеристики нам поступают такие, что

не под суд человека отдавать, а награждать. Так и с Федоровой получилось. Когда разобрались, то оказалось, что она в течение двух лет получала от Степанова краденые вещи и продавала их с немалой выгодой для себя. И еще оказалось, что покупала она нередко вещи у Карпова. У того самого Карпова, который был, с одной стороны, приятелем Антонова, а с другой — приятелем Степанова, они вместе спортом занимались. Вот и стало наконец понятно, что их связывает.

Владимир Алексеевич Филиппов, лейтенант милиции, оперуполномоченный Ленинского РОВД города Саратова

Вообще-то, я обыски не люблю. Хуже нет в чужих вещах рыться. Но и без них никак нельзя. Бывает, преступник не сознается, а улик нет. И делай что хочешь. А по результатам обыска появляются такие улики, что вынужден признаться. Это первое. И второе — преступники, которые по кражам проходят, пытаются скрыть как можно больше вещей. При обыске вещи эти можно обнаружить и вернуть пострадавшим. Ну, а третье, как бы это поточней выразиться... Преступники ведь тоже люди по характеру разные, и работать с ними надо по-разному. Побываешь на квартире преступника, познакомишься с обстановкой, в которой он жил, и лучше себе представляешь: кто он и что он.

Вот, к примеру, Симаков. Вызвали мы женщину, с которой он жил, и поехали вместе с ней обыск проводить. Снимали они квартиру в небольшом двухэтажном домике. Конечно же, без прописки жили. Открыла она комнату, входим мы, а комната почти пустая. Кровать металлическая, стол посредине, а в углу табуретка, на табуретке телевизор «Весна». Вот и вся обстановка. И в этой совершенно пустой квартире — ковер. Большой, красивый, сразу видно, восточной работы: индийский или наш, туркменский. Постельные принадлежности — тоже богатейшие. С вышивкой, новенькие...

— Что же это у вас так пусто? — спрашиваю хозяйку.

Пожимает плечами.

— Даже стульев нет, сесть не на что.

— Так он же месяц уже не работает, откуда деньги взять?

— Сколько вы с Симаковым живете?

— Полтора месяца.

— Что он за это время приносил домой?

— Магнитофон приносил, рюмки хрустальные, фужеры, четыре вазы хрустальные, постельное белье, пальто, женскую куртку...

— Но ведь он нигде не работал, а вещи приносил. Откуда он все это брал? Неужели вы не догадывались, что он ворует?

— Я потом начала думать и сказала, чтобы он ничего больше не приносил. Он перестал приносить.

— А пил он на какие деньги?

— Я не знаю.

— Где вещи, которые он приносил?

— Вот здесь немного. А остальные он опять унес и продал.

Стоит взглянуть на комнату, в которой Симаков жил, и сразу все ясно. Постельное белье, ковер и телевизор — краденые. А остальное все, что успел украсть, пропил. Сам Симаков угрюмый, как комната, в которой он жил. На допросах боится лишнее слово проронить. Спрашиваешь его:

— Скажи, Симаков, с кем первую кражу совершил? Не один ведь был.

— Зачем же я буду белой вороной, закладывать других?

— Так Антонов уже рассказал, как вы первую кражу совершили. Теперь хотелось бы и тебя послушать.

— Он рассказал, значит, помнит. А я не помню.

Вот и весь разговор. Не скажу, что вся эта братия особенно выбирала, что красть, а что не красть. Но Симаков отличался и здесь. Он не только шифоньеры и буфеты очищал, но и холодильники. Мясо брал, колбасу вареную, сыр, конфеты, печенье... Книг не воровал, ибо не представлял, как их сбыть. И уже другого образа жизни, кроме воровского, Симаков себе, вероятно, не представлял. Куда вещи девал, не признавался. О дружках своих — ни слова. Вероятно, думал, что отсидит свой срок, вернется и потребует от дружков долю. В легендах о воровской жизни долю эту сохраняют. Но это ведь только в легендах.

А Антонов поумней и ни в какие легенды не верит. И держит себя совсем по-другому, и квартира у него

иначе выглядит. Когда у него первый раз обыск делали, сразу после ареста, у нас мало было информации, мало и изъяли. Так что надо было повторно обыск производить. Вот и поехали мы туда: Юмашева, я и участковый Карнацевич.

Здесь обстановка совершенно другая. Три небольшие комнаты забиты вещами, как говорится, под завязку. Цветной телевизор, магнитофон японский, над кроватями ковры. В книжном шкафу так тесно, что палец туда не сунешь. Тумбочки парфюмерией уставлены самой модной. Помады одной, наверное, тюбиков десять, и все иностранные.

— Ну, давай рассказывай, что у тебя тут ворованное и где украл? — Юмашева у нас, как правило, первая начинает разговор с преступниками. У нее это получается просто и естественно, как будто она с хорошим знакомым разговаривает. И они у нее не очень-то запираются. А этот Антонов тем более. Она с ним уже не раз беседовала.

— Вот телевизор, — говорит Антонов.

— У кого украл?

— Но я же номер дома не помню. Поедемте, покажу.

— Хорошо, — соглашается Юмашева. — Магнитофон тоже краденый?

— И магнитофон. На Третьей дачной взял. Номер дома не помню.

— Еще?

— Мыло вот...

Мыло так мыло. Для нас это теперь вещественное доказательство. Все записать надо, зафиксировать, оформить протокол изъятия, и чтобы ни один кусок этого мыла не пропал. Стали его рассматривать. По всему видно, что коллекция. Я лично впервые такое вижу: добрая сотня кусков туалетного мыла, и все с иностранными этикетками. И социалистические здесь страны, и капиталистические, и развивающиеся. Даже острова есть какие-то и Арабские Эмираты. Очень, видно, ценная коллекция. А Антонов, надо сказать, о ценности коллекции совершенно не подумал. Кусков пять или шесть измылил вчистую, а красивые этикетки выбросил, чем значительно обеднил коллекцию и нанес хозяйке не только материальный, но и моральный ущерб. Кто знает, может, таких кусков, которые Антонов измылил, у нас по всей стране имеется сейчас три

или четыре экземпляра? А может, и ни одного. Представляете себе, какая потеря?

— Библиотека у тебя неплохая, — продолжает Юмашева. — Давно собираешь?

— Книги тоже, — признается Антонов. — Но тут и часть моих есть. Правда, немного.

— А ковры?

— И ковры тоже.

— Что же ты прошлый раз, когда у тебя обыск делали, ничего обо всех этих вещах не сказал?

— А я думал, что вас эти вещи не интересуют. — Это он так пошутил.

С вещами вроде бы разобрались. Но должно же быть у него и золото. Ведь золотые вещи они тащили в первую очередь. А дома у него ни одной золотой вещицы не нашли. Юмашева на него напирает:

— Давай говори, где золото прячешь?

— В скупку сдал.

— В скупке мы смотрели. Ты всего два раза золото сдавал. А воруешь уже больше двух лет. Где золото?

Я на чердак полез, там поискал. Во всех закоулках рылся, весь в паутине измазался, но ни тайника какого-нибудь, ни золота не нашел. Спустился, а у них по-прежнему разговор о золоте идет.

Наконец Антонов не выдержал.

— Жене золотые зубы вставил. Себе собирался поставить. Вот видите, обточил уже, — и показывает обточенные зубы.

— Понятно. А где украл?

— На Аткарской, когда квартиру обворовывали...

Зафиксировали мы все это, а тут как раз жена Антонова пришла. Я остался с ним, а Юмашева увела жену в отдельную комнату и там допросила.

Из протокола допроса Антоновой Валентины Петровны

Юмашева. Ваш муж неоднократно приносил домой золотые изделия. Куда они девались?

Антонова. Я не знаю. Он приносил, он и уносил. Мне ничего не отдавал.

Юмашева. Вы поставили золотые коронки на зубы. Где взяли золото?

Антонова. Да, коронки действительно поставила.

Золото — два кольца и перстень — для этого дал Антонов.

Юмашева. А это обручальное кольцо у вас на пальце, его вам тоже дал Антонов?

Антонова. Это мое кольцо. У меня раньше было другое. А потом мне Антонов подарил это. Я свое старенькое сдала в «Кристалл». А вместо него одела вот это, высокой пробы. Так что я просто поменяла одно кольцо на другое.

Юмашева. Но это же ворованное кольцо! Мы должны забрать его у вас и возвратить владельцу.

Антонова. А почему я должна отвечать за кого-то?!

Юмашева. А почему кто-то должен страдать из-за вашего муженька? Какой врач ставил вам золотые коронки? В какой поликлинике?

Антонова. Я не знаю номера поликлиники.

Юмашева. Кто врач?

Антонова. Не знаю. Ее Мария Ивановна или Мария Степановна зовут. А больше я о ней ничего не знаю. И фамилию ее тоже не знаю.

Юмашева. А почему вы именно к ней пошли ставить коронки? Кто вас с ней познакомил?

Антонова. Бабушка меня с ней познакомила. Сказала, что она хороший врач и может поставить мне золотые коронки. Золото только надо достать.

Юмашева. А муж ваш знает этого зубного врача?

Антонова. Нет. Он тоже не знает. Но в отношении его тоже уже договорились. И золото он тоже приготовил, чтобы зубы вставить. Договорились, что он даст перстень, два кольца и четыреста рублей денег.

Игорь Иванович Янкевич, старший лейтенант, следователь Кировского РОВД города Саратова

Если говорить откровенно, то мы не успевали обрабатывать материал, который сами же добывали. Когда наша группа начала работать, за арестованными намечалось семь краж. Потом, по мере нашей работы, выяснилось, что краж за ними более пятнадцати. Затем число их перевалило за двадцать и начало приближаться к тридцати. Помогал нам тщательный анализ обнаруженных и изъятых при обысках вещей. Мы приглашали к себе граждан, кражи у которых соответствова-

ли почерку задержанной группы, предъявляли вещи к опознанию и на основе опознанных вещей определяли и виновников краж, и место, и время их совершения. Потом выезжали на место преступления, и преступник рассказывал, как все произошло. Все это требовало очень много времени, многих усилий, но было совершенно необходимо.

Но вещи, изъятые при обысках, были все же небольшой частью похищенного этой группой более чем за два года. Большую часть они успели сбыть, продать, и перед нами стояла задача найти если не все вещи, то большую или хотя бы значительную их часть. На что мы надеялись в этих поисках, на что мы обратили особое внимание? Прежде всего на то, что при таком длительном периоде воровства, при таких его масштабах, должны у воров быть стабильные пути сбыта краденого. Постоянные покупатели и постоянные перекупщики краденого. Перекупщики эти сами не воруют и, возможно, считают себя честными людьми. В действительности же они прочно связаны с воровским миром, самые гадостные его фигуры. Воры ведут паразитический образ жизни, а эти паразитируют на паразитах. Самые вредные людишки. Если бы не скупали они краденое, то и воровство резко сократилось бы. Когда невозможно сбыть, то и красть бесперспективно.

На одну из перекупщиц, некую Федорову, мы вышли с самого начала. Но этого было мало. Не могла она пропустить через себя весь поток краденых вещей. Кое-что, конечно, расходилось по случайным связям, но надо было, как минимум, искать еще одного крупного перекупщика. И мы вскоре вышли на некоего Митина. Хорошо знаком со Степановым, хорошо знаком с Карповым. И после долгих разговоров оба признались, что сбывали через него краденые вещи. Некоторые он для себя приобретал. Провели мы у него обыск, обнаружили кое-что из вещей, которые были украдены в свое время Степановым, и привезли Митина к себе, в горотдел УВД.

Молодой парень, лет двадцати семи. Очень прилично одет. Аккуратен. Все у него отглажено, все отутюжено, все подогнано. И очень перепуганный. Лицо серое какое-то, и смотрит в пол, глаз не поднимает.

Предложил я ему сесть и тут же первый допрос провел.

— Давно ли знаете Степанова и откуда?

Помолчал. Потом стал говорить быстро, торопливо, как будто боялся, что я его прерву и не дам высказаться. А глаз так и не поднял.

— Знаю с восемьдесят первого года. Познакомился на тренировке в секции атлетической гимнастики. Потом все время встречались на тренировках.

— Расскажите, какие вещи, украденные Степановым, вы покупали у него и брали для перепродажи?

Так же торопливо и так же не поднимая глаз:

— Я у него ворованного ничего не покупал.

— Что вы у него покупали?

Молчит Митин. Боится сказать что-нибудь лишнее. Вот ведь в сложное положение попал. Вроде бы, раз уже зацепили, признаваться надо. А с другой стороны, боится сказать что-нибудь такое, о чем мы не знаем. Надо помочь парню.

— Давайте с самого начала, — предложил я. — Первая ваша покупка у Степанова — когда это было? Только поймите, мы ведь обыск у вас провели и привезли вас сюда не случайно, а после длительных разговоров со Степановым и Карповым. Вы ведь знаете, что они арестованы за совершение квартирных краж?

— Знаю.

Тут он впервые поднял глаза. Обычные серые глаза. А в них страх. Даже больше — отчаяние. И отчаяние это понятно. Жил, спокойно работал. Жена у него, ребенок. И все складывалось очень даже благополучно. Теперь все рушится. Ничего нельзя сделать, чтобы исправить случившееся. И я ему ни в чем помочь не могу.

— Рассказывайте о ваших покупках, говорите откровенно. Самое лучшее для вас — чистосердечно обо всем рассказать.

— Первый раз в восемьдесят четвертом году, зимой, — он опять опускает глаза и говорит очень тихо, как будто боится, что нас услышит еще кто-нибудь,— Степанов пришел ко мне домой и принес магнитофон «Парус». Попросил продать за сто рублей. Почти новый, с двумя кассетами.

— Сколько стоит этот магнитофон вы знаете?

— Тогда не знал.

— Сейчас знаете?

— Да, двести пятьдесят рублей.

— Вам не показалось странным, что он продает магнитофон так дешево? Вы не спросили его об этом?

— Спросил. Он сказал, что товарищ один купил для себя, но сейчас ему очень нужны деньги.

— Вы поверили?

— Да, конечно.

— Потом вы этот магнитофон продали. За сколько? Кому продали?

— Я не помню.

Не хочет быть откровенным Митин. Или не может. Слишком пока испуган.

— Что вы еще у него покупали?

— Книги покупал. Но эти книги он сам покупал у своих знакомых из типографии. А мне продавал немного дороже. Он на машину деньги собирал.

Как ни растерян Митин, а к допросу, видно, подготовился. Прикинул, о чем и как говорить. Я из него признание вытягиваю, а он ведь мне готовенькое подает, заранее продуманное. Называет вещи мелкие, и каждый раз со ссылкой на то, что происхождение вещей, насколько ему известно, самое безобидное. Но и мы к допросу подготовились и знаем о Митине гораздо больше, чем он догадывается. Но если ему хочется о мелочах, поговорим для начала о мелочах.

— Какие книги?

— Купера купил восемь томов по десять рублей. Пять томов Стивенсона по шесть рублей. Четыре тома Дюма по десять рублей, — тянет он.

Это становится скучным, и я прерываю его:

— И вы уверены, что эти книги печатались в типографиях Саратова?

— Я об этом не подумал.

— Вещи какие покупали у Степанова?

— Я уж не помню, — снова опускает он глаза.

— Тогда я вам напомню: сапоги «Саламандра», мохеровые шарфы, меховые шапки, кожаное пальто... Эти вещи покупали?

— Да, я вспомнил. Покупал. Сапоги были новые, в коробке, — глаза поднял и во весь голос заговорил. Раскаяние и искренность так и лучились из него. — Я предположил, что он спекулирует, привез из Москвы. И остальное тоже, он говорил, что привез из Москвы. Я еще у него купил набор «Маркус», там все для бритья — крем, дезодорант, за десять рублей.

Вот так вот. Ничего ворованного не покупал, потому и может смело в глаза смотреть.

— Кожаное пальто вы купили у Степанова за триста рублей, а продали за шестьсот?

— За пятьсот.

— Хорошо. К купленным вами вещам мы еще вернемся. У Степанова дома вы часто бывали?

— Бывал, но не особенно часто.

Вот теперь он себя гораздо лучше почувствовал и даже несколько порозовел. Понятно, разговор пошел уже не о нем, а о Степанове. А это совсем другое дело.

— Что видели у него из вещей, особенно ценных?

— Видел у него в квартире видеомагнитофон. Говорит, что купил за пять тысяч рублей. Видел у него два красивых охотничьих ножа. Магнитофон «Национаь панасоник», автомобильный магнитофон «Шарп». Машины у него тогда еще не было.

Тут он стал выдавать весьма существенные подробности.

— Год назад он показал мне коллекцию старинных монет. Несколько серебряных рублей он потом продал. Остальные монеты он отдал мне. У меня их изъяли при обыске.

— По этим пунктам хоть и не полностью, но кое-что вы сказали. Дадим вам время, вспомните все остальное. Это в ваших же интересах, Митин. А теперь еще один вопрос: когда вы бывали дома у Степанова, золотые изделия видели у него там?

— Видел однажды. Еще в восемьдесят четвертом году. Пришел я к Степанову и увидел у него в вазочке золотую цепочку и два крестика. Он сказал, что купил все это в магазине.

— Других золотых изделий не видели?

— Нет, других не видел.

— А как часто вы сдавали золото в «Кристалл»? Только не торопитесь с ответом.

Не хотелось, чтобы врал. У меня времени не было, чтобы выслушивать его вранье. Надо было хоть процент вранья сократить. А он молчит. Как я и советовал, не торопится с ответом. Думает, что делать. Ведь и правду сказать боится, и чувствует: раз я этот вопрос задал, то что-то знаю...

— Вы поймите, мы все квитанции в «Кристалле» возьмем и проверим. Вне зависимости от того, что вы

сейчас скажете, все равно проверять будем. И точно узнаем, сколько раз и что вы туда сдавали. Своего золота у вас нет. Значит, все, что вы туда сдавали, это по просьбе Степанова или еще кого-нибудь. В ваших интересах говорить откровенно.

Такое предупреждение подействовало. Но все-таки попытался немного повилять. Это уже по привычке, по характеру.

— Я все не помню, но постараюсь вспомнить. Он однажды принес мне два обручальных кольца и цепочку. Я сначала отказался. Но он предложил мне за работу десять рублей. Тогда я сдал. Отдал Степанову двести пятьдесят рублей.

Он, кажется, считал смягчающим обстоятельством, что сдавал ворованное золото не просто так, а за определенную плату.

— Это первый раз. Когда еще сдавали?

— Спустя месяц, наверное, он принес цепочку, кольцо и серьги. Я опять сдал. Десять рублей оставил себе.

— Он вам давал золотые изделия, не представляя себе, сколько можно за них получить, и брал те деньги, которые вы ему отдавали. Он что, верил вам беспредельно?

— Верил.

Я бы этому Митину не поверил. Неужели он не пытался прикарманить часть выручки? Но спрашивать об этом не стоит. Все равно не признается.

— Значит, он не проверял, сколько денег вы получали за проданное золото?

— Немножко как бы проверял. У меня есть маленькие весы, я для рыбок корм на них взвешиваю; так прежде чем сдавать золото, мы взвешивали его на этих весах, определяли, сколько граммов, и сразу понятно становилось, сколько можно выручить. Конечно, у них, в «Кристалле», весы точнее, так что разница была.

— Это он предложил взвешивать предварительно золото или вы?

— Я, конечно.

Вот это точно врет. Ну и пусть. Это для меня не самое главное. И так понятно, что Степанов ему не особенно доверял. Меня другое интересовало.

— Как вы считаете, где он брал золотые изделия?

— Он говорил, что золото скупает у пьяниц.

— Вы верили?

Тут ему опять пришлось подумать: как и правду сказать, и выглядеть не так уж плохо? И вроде сообразил, причем довольно быстро:

— Вначале верил. Но я подумал, что сами пьяницы воруют это золото у своих жен, и сказал, что больше сдавать не буду. Но через неделю он опять пришел, попросил весы. Он принес два кольца. Одно обручальное, другое без глазка.

— Кто сдавал эти изделия?

— Я не знаю.

— У вас есть младший брат, Дмитрий. Он сдавал золото Степанова?

— Нет, он не сдавал.

— Кому еще вы помогали сдавать золотые изделия?

— Больше никому.

Вот так. Каждый раз начинает с вранья и врет, пока ему не станет ясно, что мы в курсе дела. Что ж, внесем ясность и в этот вопрос.

— Карпова вы знаете?

— По тренировкам. Да, я вспомнил, Карпов приходил. Он от Степанова узнал, что у меня есть весы, и пришел взвесить золото. Первый раз в январе восемьдесят пятого он принес золотую печатку мужскую с камнем красного цвета и золотую цепочку. Он при мне выковыривал камень. Я дал ему отвертку. Я не спрашивал, откуда золото. Он сказал, что хочет сдать в скупку и хочет знать, сколько весит.

— Как вы оцениваете свои действия? — время поджимало, надо было допрашивать и других. А для первого раза Митина мне вполне хватило.

— Я считаю, что делал плохо. — Я думал и хотел остановиться, но не мог. Степанов продавал хорошие вещи, и очень дешево.

— Знали ли вы, что эти вещи краденые?

— Нет. Этого я даже не мог предположить. Я был уверен, что он спекулирует...

Из протокола допроса Митина Дмитрия

— Знакомы ли вы со Степановым?

— Немного знаком. Он часто заходил к моему брату. Так что и я его знаю, и он меня знает.

— Выполняли ли вы какие-нибудь его поручения?

— Нет, что-то не помню.

— Не просил ли он вас, по вашему паспорту, сдать золотые изделия в «Кристалл»?

— Нет, это не так было. Он сам меня не просил. Это брат мне сказал, что «надо золото сдать, Степан просил. Сходи, сдай, и еще возьмешь талончик на завтра. Помочь человеку надо».

— И сколько раз вы сдавали золото по поручению вашего брата?

— Раза четыре.

Из протокола допроса Степанова Ю. К.

— С Митиным вы хорошо знакомы?

— Как вам сказать, относительно. Знаком по тренировкам. А когда у меня появилась необходимость сбывать вещи, я делал это через него.

— Почему вы обратились именно к нему?

— Очень любит деньги. Я ведь ему не даром давал перепродавать. Он от каждой перепродажи имел. А если себе покупал, то тоже гораздо дешевле, чем в магазине. Ему полная выгода.

— Сколько вы ему платили за каждую сдачу золота?

— Не за сдачу. Платил ему по пятнадцать рублей за каждые сто, что от него получал.

— Почему вы стали взвешивать золотые изделия, прежде чем передать ему для продажи?

— Почувствовал, что он меня обманывает. Не на много, на пятерку, десятку, но обманывает. А когда стали взвешивать, все пошло нормально.

— Как вы можете охарактеризовать Митина?

— Про Митина могу сказать, что он малоинициативен по характеру. Привык всегда быть вторым. По вместе с тем своего не упустит.

Характеристика на Митина Василия Александровича, 1959 года рождения, беспартийного

Митин В. А. работает в ремонтно-монтажном управлении с августа 1986 года в качестве электромонтажника. За короткий период работы проявил себя с хорошей стороны. На работу не опаздывал. Задания выполнял. В пьянстве замечен не был.

Владимир Алексеевич Филиппов, лейтенант милиции, оперуполномоченный Ленинского РОВД города Саратова

Доложили мы Янкевичу и про золотые зубы Антоновой, и про то, что он и себе такие же коронки хотел поставить. И про то, что утверждают Антоновы, будто не знают ни фамилии зубного врача, ни адреса. Говорят, что бабушка Антонова знает. Она работает кассиром в кафе.

Янкевич с такими делами тянуть не любит.

— Давайте, — говорит, — сюда эту бабушку. А еще лучше, если у нее там все узнать, чтобы не беспокоить старушку. Дел и так невпроворот, но придется и этим заняться.

Машину бы мне, можно моментально обернуться. Так нет же у нашей группы постоянной машины. Когда уж очень надо, дают нам на несколько часов. А так пешочком да на городском транспорте. За день километров намотаешь много, город большой. Но с нас ведь не километры спрашивают, а дело...

Минут через тридцать добрался я до этого кафе. Нашел бабушку. Немолодая уже бабушка, но вполне респектабельная и выглядит вполне современно. Губы накрашены и бусы дорогие, индийские... Я представился и так это осторожно начал выяснять в отношении зубного врача. Бабушка ни в какую. Не знает она никаких зубных врачей, а о золотых коронках и подавно ничего не знает. И внучку давно не видела. Кто вставлял ей золотые коронки? Понятия не имеет. Из ее ответов могло создаться впечатление, что, несмотря на свой современный вид, бабушка вообще не имеет никакого понятия о стоматологии. Еще немножко, и оно бы у меня сложилось. Но интересно было, что скажет по этому поводу Янкевич, и я решил везти бабушку в горуправление.

В горуправлении обстановка уже совсем другая. Здесь нам в какой-то мере стены помогают. Я это совершенно серьезно. Одно дело вести допрос где-то, другое — в помещении милиции. В нашем помещении человек уже по-другому чувствует себя. И разговор здесь идет уже по-другому... И наше предупреждение о даче ложных показаний, об ответственности за них, звучит уже более весомо. Поэтому и люди относятся к ним более ответственно.

Но бабушка была твердокаменной. На нее и атмосфера не подействовала. Янкевич был уважителен, Янкевич был с ней добр, как внук, и суров, как закон. Но бабушка не поддавалась.

Бывают у нас такие случаи, когда люди не раскрывают истину, проявляя этим «порядочность» в отношении нарушителей закона. Не задумываясь, что это очень непорядочно в отношении закона. Не хотела бабушка выдавать врача, и все. Когда такое ложное чувство порядочности встречаешь у молодого человека, еще не познавшего жизнь, это еще можно понять. А вот когда так ведет себя человек пожилой, причем считающий себя наичестнейшим, — это уже непонятно и странно...

Объясняем бабушке, а она даже обижается.

— Я старый человек, как вы можете?! Да разве я могу себе позволить такое?! В моем возрасте уже не врут. Как же вы можете мне не верить?!

И так это у нее искренне получается, что мне кажется, когда она говорит, она сама себе верит. Если бы мы не были уверены, что Антонов и его жена говорят правду, мы бы тут же отпустили бабушку и извинились перед ней. Да и то, по правде, закрадывалась мысль, что Антоновы наговаривают на старушку. Тут один выход — очная ставка.

Устроили ей очную ставку с Антоновым. Но старушка выдержала. Потому что доказательств, между прочим, никаких. Антонову, говорит бабушка, никто золотых коронок не ставил, так что и разговора никакого быть не может. Антонов аж красными пятнами пошел, а бабушка ни в какую. Крепкой оказалась бабушка, ох и крепкой.

Тогда устроили ей встречу с внучкой. Тут уж золотые коронки налицо. Объясняем, чтобы обе еще раз поняли, что положено за дачу ложных показаний. И на это ставку делали: если бабушка докажет, что внучка врет, то внучку надо привлекать к ответственности за дачу ложных показаний.

Такого бабушкино любящее сердце не выдержало. Назвала она фамилию врача. А дальше дело техники. Через адресный стол узнали, где она живет. В связи со сложившимися обстоятельствами получили у прокурора санкцию на обыск.

Поехали проводить обыск к этому зубному врачу, Марии Степановне Егоровой.

Открыла представительная женщина в халате с красными отворотами, как на генеральской шинели. Как потом оказалось — мать. По виду тоже вроде бы медицинский работник. Представились мы. Она, вполне естественно, удивилась. Но держится спокойно и уверенно. Ждет, что мы дальше скажем. Мы ей объяснили, что, по нашим данным, дочь ее незаконно вставляет людям золотые коронки. И есть у нас сведения, что поступает ей золото ворованное.

Дочь в это время отдыхала в другой комнате. Мать пошла туда, разбудила. Вышла она немного заспанная еще, розовая от сна — крепкая, здоровьем пышет. Молодая, лет двадцати пяти. Толстовата, пожалуй, для своего возраста. Хотя это как кому нравится или как у кого получается. Но, чувствуется, поесть любит. Мы во время обыска нашли у нее целую кипу кулинарных рецептов: из газет вырезаны, из журналов, рукописные. Если в день только по одному блюду из этой коллекции готовить, так лет на десять хватит.

Ознакомили мы хозяек с постановлением на проведение обыска. Дочь удивилась:

— Как это так?! Обыск?! Ко мне?! Это уже что-то новенькое. Кто только до такого додумался?

— Все правильно, можете убедиться, — показал я ей предписание.

А она предписание не смотрит, рукой от себя отводит. Документ этот, мол, для нее никакого значения не имеет.

— Мы должны выполнить предписание, — объясняю я ей.

— Это недоразумение, — продолжает она. Причем делает это совершенно спокойно и уверенно. — Честное слово. Вы разберитесь сначала.

— Мы и пытаемся разобраться. Вы, пожалуйста, не беспокойтесь. Именно разобраться мы и хотим. Прошу предъявить все имеющиеся в доме золотые вещи. Все без исключения.

В присутствии понятых Егоровы предъявили несколько колец, три пары сережек. Цепочку... Я составил опись этих вещей и протокол о временном изъятии их для определения. Они стали возмущаться.

— Вы забираете наши вещи! Какое вы имеете право?!

— Не беспокойтесь. Таков порядок, таков закон, —

объяснил я им. — Если эти вещи ваши, мы их вернем. Только проверим.

Потом начали обыск. Искали золотые изделия, золото в любом виде. Обычно золотые изделия кладут на виду, чтобы быстро достать, когда нужно. Это те, у кого их мало. А те, у кого много, очень много, наоборот, делают тайник. Здесь, кроме тех вещей, которые они нам выдали, мы ничего не нашли. И тайника никакого тоже не обнаружили, даже пустого.

В «стенке», в нижнем отделении, нашли много рецептов, очень много самых разнообразных лекарств. Тут же лежал небольшой кожаный чехольчик грушевидной формы, на молнии. Я открыл, а там промедол и таблетками, и в ампулах. Это наркотическое вещество. Выписывают его только самым тяжелым больным.

Показал лекарство понятым:

— Прошу внимательно прочесть, что написано на ампулах и на упаковках таблеток.

Те прочли, подтвердили, что промедол. А наркотики хранить не разрешается. Это статья.

— Что можете сказать по этому поводу? — спрашиваю Егорову.

Та растерялась, молчит. Но тут отец, который до сих пор отмалчивался, вступил в разговор.

— Это, — говорит, — мое лекарство. У меня сердце больное. Я эти таблетки принимаю. А вообще оно у нас лежит уже давно, больше года.

Дочь и мать подтверждают это. Хотя даже я понимаю, что при больном сердце такие лекарства не принимают. Но это уже теперь пойдет на заключение специалистам. Изъяли мы наркотики.

Но самого главного, зачем мы пришли, обыск нам так и не дал. Но с другой стороны, нельзя было не верить и Антоновым с их бабушкой.

Из протокола допроса Карпова О. В.

Степанов давно мне говорил, что у него есть «наколка» на богатую квартиру, в которой живет спекулянт японской музыкальной аппаратурой. Степанов узнал об этой квартире со слов Палагина, которому верил, и предложил провести кражу вдвоем, так как вещей там много, оставлять что-нибудь жалко, а один он все не унесет.

Стали наблюдать за домом с восьми утра. Увидели, что ушел на работу хозяин квартиры, потом ушла его жена. Но дома оставался какой-то мужчина. Было видно, как он подходил к окну. Палагин объяснил, что это старик, отец спекулянта, и с ним справиться нетрудно. Мы посоветовались и решили связать его и забрать все при нем. Степанов сказал, что ударит старика, чтобы тот не кричал, потом мы его свяжем. Правда, у нас не было веревки. Но веревка висела во дворе, и мы срезали ее.

Позвонили. Старик открыл. Мы сказали, что пришли из военкомата, принесли повестку сыну. И сразу прошли в комнату. Он вначале поверил, а потом что-то заподозрил. Степанов должен был его теперь ударить, но он что-то растерялся. Тут я, испугавшись, что старик закричит, ударил его кулаком в область шеи. Он упал. Мы его быстро связали. Потом успокоили: сказали, что не причиним ему вреда. Он понял, что мы пришли воровать, и стал ругать своего сына. Говорил, что сын у него барыга и спекулянт и что надо бить сына, а не его. Мы пригрозили ему, чтобы он молчал.

Взяли видеомагнитофон «Сони», телевизор «Сони», деку «Панасоник» и магнитофон «Шарп» автомобильный. Еще один «Шарп» в упаковке, новенький. Проигрыватель японский, шапку норковую, два золотых кольца, перстень и три цепочки. Восемьсот восемьдесят рублей денег в буфете лежали. Еще взяли порнографический журнал и два календаря с голыми женщинами, дисков модных сорок штук и всякую мелочь.

Вещи отнесли домой к Степанову. Я взял себе видеомагнитофон с телевизором. Степанов три японских магнитофона и все остальное. Палагин взял за «наколку» тридцать дисков. Очень много с нас содрал. Хотя «наколка» была хорошая. Деньги мы со Степановым поделили поровну.

Тамара Николаевна Юмашева, майор милиции, оперуполномоченный Кировского РОВД города Саратова

Только вернулась с обеда, мне Янкевич протокол подает:

— На, читай, за ними еще и грабеж с разбоем.

Прочла. Все верно. А Карпов еще здесь сидит.

— Адрес? — спрашиваю я его.

— Да не помнит он адреса, — отвечает за него Янкевич. — Но самое странное, что и я этого дела вспомнить не могу. В прошлом году дело было, в Ленинском районе. Все дела о кражах я смотрел по городу за это время, а этого вспомнить не могу.

— А они, наверно, не заявляли, — подает голос Карпов, — он барыга, спекулянт. Мы, когда к нему шли, так и думали, что не заявит.

Тут у нас как раз машина была, и Янкевич послал меня с Карповым съездить на место, пусть покажет. Подъехали мы, остановились возле небольшого одноэтажного домика, вышли из машины. А домик пустыми окнами на нас смотрит. И крыша разобрана. Через недельку приехать, так и следа от этого домика не останется. И соседние дома в таком же виде. К сносу подготовлены.

— Ты куда меня привез? — спрашиваю я Карпова. — Это у тебя что, шуточки такие?

А он пожимает плечами:

— Ничего не понимаю. Это самое место, хорошо помню.

Пошла расспрашивать у жителей близлежащих домов. Те толком ничего не знают, но все одно говорят: «Кооператив здесь строить будут. Вот и выселились люди кто куда».

Долго рассказывать как, но нашли мы все-таки этого «музыканта». А тем временем все дела по квартирным кражам в Ленинском районе еще раз внимательно проверили. Ни в одном ничего похожего. Прав оказался Карпов, не заявляли они.

Заявляли не заявляли, признался человек в краже и разбойном нападении — надо ехать разбираться... Поехала. Позвонила. Открыла мне дверь молодая женщина в теплом сереньком халатике. А на ногах — туфли не туфли, тапочки не тапочки, а что-то красное, восточное, с загнутыми носами и бисером вышитое. Одна она была дома.

Представилась я ей. Спрашиваю:

— В прошлом году не случалось ли у вас квартирной кражи?

Смотрю, задумалась, словно пытается вспомнить, была у них кража или не было. Решила ей помочь:

— У вас тогда видеомагнитофон украли и телевизор, шапку норковую...

— Ах да, действительно что-то такое было, — наконец вспомнила она. — Была кража. Да, да, была.

— Вы заявили о ней?

— Знаете, по-моему, нет.

— Но почему же?

— Понимаете, я тогда болела, когда все это произошло. И муж не хотел меня беспокоить. Ведь приехала бы милиция и начали бы всех допрашивать, допрашивать. Зачем это нужно? Вещи ведь все равно не вернуть.

— Почему вы считаете, что не вернуть?

Она пожала плечами и криво улыбнулась, показывая этим, что не хотелось бы ей продолжать разговор на данную тему.

— Но вы тем самым не заявили о преступлении, которое было совершено.

— Знаете, — сказала она как-то лениво, всем своим видом показывая, что ей надоело со мной разговаривать, — мы считаем, что это наше личное дело, заявлять о краже или нет.

Вот так. У людей украли столько вещей, а они даже заявлять не стали. По данным Степанова и Карпова, там украдено вещей более чем на двадцать тысяч рублей... Ну, я ей сказала. В вежливой форме, конечно, но сказала. Сказала, что это равно укрывательству. И они фактически укрыли от разоблачения и наказания шайку воров. И что те, воспользовавшись этим, воровали у честных людей. А на словах «честных людей» я сделала ударение. Черт с ней, пусть поймет, что я их за честных людей не считаю.

А вообще-то здесь все понятно. Скоро с ними разберутся, с этими спекулянтами. Начальству я все доложила, как положено, так что разберутся. А вот когда разберутся, так ей не до красных туфелек будет с загнутыми носами.

Александр Васильевич Дорогов, следователь Ленинского РОВД города Саратова

Вызвали мы врача Егорову в горотдел. Надо было доводить и эту линию до конца. Сидели мы с ней, разговаривали целый день. Янкевич извелся, у меня уже тоже не было сил с ней разговаривать. А она ничего, держится, крепкая женщина: «Никакого золота не бра-

ла. Никаких коронок не знаю. Об Антоновых первый раз слышу от вас».

Пришлось очные ставки проводить. Пригласили вначале Светлану Антонову.

Опять все отрицает: «Она у меня на приеме ни разу не была».

И верно, нигде не зафиксировано, что та принимала Светлану. У Антоновой даже карточки в этой поликлинике нет. Она вообще из другого района. А коронки вставлялись нелегально...

Потом очная ставка с Антоновым. И опять ни в чем не соглашается, ни в чем не признается.

Тогда уже последнее средство — поехали за бабушкой. С ней провели очную ставку. Бабушка одно, Егорова другое. Бабушка свое, Егорова свое. И обе клянутся. Отпустили бабушку.

Янкевич говорит Егоровой:

— Вот вы говорили, что у вас нет неприязненных отношений с Антоновыми. И у них тоже нет. Так на основании чего они дают показания, что отдавали вам золотые изделия? Они же предупреждены об уголовной ответственности за дачу ложных показаний.

— Не знаю.

И молчит. Посоветовал ей кто-то молчать. Мол, будешь молчать, никто ничего не докажет. Вот она и уверена, что если все отрицать, а передача золота проходила без свидетелей, то уйдет от ответственности.

Такая уж у нас работа. Вроде, бывает, все ясно. Но пока не докажешь и не разберешься во всем как следует, работу нельзя считать законченной.

Весь день сидели с Егоровой. Вечером уже, часов десять было, она вдруг говорит, что согласна кое-что рассказать, но только на определенных условиях. Это Янкевичу она так говорит... Другой, быть может, и пообещал бы что-нибудь. А Янкевич — тот нет!

— Никаких условий. Здесь не торгуются. Мы ждем от вас правдивого рассказа.

— Тогда ничего говорить не буду...

Две недели с ней беседовали. Я уж думал, что так и не признается. Но Янкевич все убеждал ее и убеждал. Ждал, что все-таки совесть заговорит у человека. Ведь не пропащая она какая-нибудь. Нормальный человек когда признается, ему самому легче становится...

И призналась все-таки. Все рассказала. Что брала

золото и у жены Антонова, и у самого Антонова. Передавала кольца техникам из той же поликлиники, они плавили и изготавливали коронки. А она их ставила за соответствующее вознаграждение.

Так довели до конца эту линию. А у нас их ведь десятки. Они, когда воровали, золото искали в первую очередь: легко унести и дорого стоит. И продать вроде легко. Но в то же время не так уж просто продать. Что Карпов, что Степанов, что остальные — все они не могли часто ходить в «Кристалл», продавать там золотые изделия. Боялись обратить на себя внимание. Так что искали себе сбытчиков. Такими сбытчиками сразу стали Федорова, Митин, потом брат Митина. Но нужны были еще люди, и преступники усердно их искали. По-всякому действовали. Степанов, например, познакомился с кассиром «Кристалла» Людмилой Елисеевой, сводил ее пару раз в кафе, в кино, потом попросил сдать в магазин — ей это проще сделать — несколько золотых вещичек. Два раза сдавала, всего на восемьсот рублей. Теперь плачет, клянется, что ничего не знала. Может быть, и верно, не знала. Но это ей урок на всю жизнь. Да и не только ей, всем работникам магазина урок хороший. У них там по этому поводу собрание провели, решение приняли...

А нам непременно надо было найти всех, кто сдавал ворованное золото. Если человек таким делом занялся, слух об этом среди преступников быстро разносится. К нему и другие потом могут прийти. Так что надо их разыскать и остановить. Сидели мы однажды вечером, прикидывали неотложные дела на завтра и размышляли о том, как выйти на тех, кто ворованное золото сдает.

— А что, если, — предложил Янкевич, — нам просмотреть квитанции в «Кристалле»?

— Выбрать всех, кто часто сдает золото, и проверить, кто из них связан с нашими голубчиками, — поддержала Юмашева.

Мы хорошо представляли, сколько может собраться квитанций за два с половиной года. Кто-то предложил проверить только за последний год. Но с ним не согласились. Раскопать это дело — так раскопать как следует. Все равно дома почти не бываем.

Сколько мы сидели над квитанциями, об этом даже говорить не хочется. Но когда проверили — семь матерых дельцов определили. А это немало...

Игорь Иванович Янкевич, старший лейтенант милиции, следователь Кировского РОВД города Саратова

Семь месяцев занимались мы этой преступной группой, этими квартирными кражами.

Перед нами стояли две задачи. Первая — расследовать и доказать все совершенные преступной группой кражи. И вторая — добиться максимального возмещения ущерба. А проще говоря, вернуть людям как можно больше из украденных у них вещей.

В основном мы справились с этими задачами. Сумели расследовать и доказать, что группа за время своего существования совершила около восьмидесяти квартирных краж.

Не менее трудно было вернуть владельцам похищенное у них имущество. Конечно, ту часть, которую изъяли у преступников, вернуть было просто. Но ведь большую часть они успели продать. Причем кое-какие вещи, в частности музыкальная аппаратура, за это время по нескольку раз переходили из рук в руки. Но, выявив скупщиков и перекупщиков краденого, мы сумели проследить путь многих вещей и вернуть их владельцам. В отношении остальных, путь которых мы не смогли проследить, подсчитан материальный ущерб, и воры будут его возмещать.

В отношении наказания... Дело передано в суд.

Валерий Кузьмин

ПО СТАРОМУ СЛЕДУ

Для любого работника уголовного розыска нераскрытое преступление — как заноза, постоянно напоминающая о себе. С тех пор, как старшему оперуполномоченному по особо важным делам управления уголовного розыска УВД Саратовского облисполкома майору милиции М. Е. Намесину было передано дело шестилетней давности об убийстве в Вольске гражданки Л., он потерял покой. Мотивы преступления, как говорится, налицо. Достаточно лишь прочитать список похищенного у убитой старушки: семь старинных икон, серебряная лампада, крест. Впрочем, тут прослеживаются два направления — страсть к коллекционированию и нажива. Прокурор Ю. Моисеев да и остальные члены оперативно-следственной группы больше склонялись ко второй версии: настоящий коллекционер никогда не пойдет на убийство.

Сколько раз Михаил Егорович доставал из сейфа эту потрепанную папку, он и сам не помнил. Как магнит тянула она. Все вроде бы в ней есть, но нет главного: кто преступник и где он находится. Дважды возникало в ходе предыдущего расследования предчувствие близкой развязки. Однако оба раза оказывалось, что подозреваемые к этой трагедии не имеют никакого отношения.

Старшего следователя А. Славкина привлекали несколько объяснений, подшитых в деле. Был в них один общий неясный момент, хотя рассчитывать на него через шесть лет — мало надежды, но и сбрасывать со счетов не стоит. Вот, например, что сообщила одна из свидетельниц: «Старушка была одинокая. Знакомых мало. С соседями общалась, но дружбы особой ни с кем не поддерживала. Чужих у нее не видели. За день до убийст-

ва она рассказывала, что приходил к ней парень какой-то высокий, пожарником представился». Похожего парня видели тогда и некоторые соседи. Однако в ходе следствия выяснилось, что местная пожарная инспекция на улице, где проживала убитая женщина, никаких проверок в то время не проводила.

Кто этот парень? В материалах следствия нет никаких сведений. Может быть, и не преступник этот человек. Мало ли кто ходит: и агент госстраха мог зайти, а старушка не расслышала.

Как-то, перелистывая в очередной раз потрепанную папку с материалами, майор М. Е. Намесин невесело пошутил, обращаясь к коллегам: «И кто это придумал небылицу о романтике в нашем деле? Одна канцелярщина! То бумаги пишем, то их читаем, а в перерывах между прочим и преступников приходится задерживать». Что и говорить, было у Намесина в этом деле действительно много бумажной работы.

Однажды делопроизводитель вручила советнику юстиции Ю. П. Моисееву «подарок» — две странички, написанные одним из участковых инспекторов милиции. В рапорте дотошного молодого лейтенанта среди прочего были и такие строки: «В ходе проверки паспортного режима стало известно, что некий Румянцев несколько лет назад увез в Москву для продажи несколько икон. Происхождение икон неизвестно». Моисеев решил проверить, не было ли «точек пересечения» у Румянцева с той глухой улочкой в Вольске, и поручил это Намесину.

Вскоре выяснилось: среди его знакомых есть несколько человек, имеющих родственников в Вольске. Настораживало, что живут они недалеко от дома убитой старушки.

При более пристальном изучении окружения Румянцева оказалось, что с одним из его знакомых, назовем его Куренцов, шесть лет назад беседовал следователь прокуратуры. Теперь А. Славкин, получив такие сведения, решил перечитать протокол допроса этого парня. И новые данные позволили ясно увидеть неискренность в ответах. Во всех фразах была односложность, человек, отвечая, как бы боялся отступить от чего-то заученного.

Сам Румянцев — бывший спортсмен — сменил несколько мест работы и в конце концов стал разъездным

фотографом. И распорядок работы, и заработок, видимо, устраивали его. А может быть, его прельщала бесконтрольность?

Версия опергруппы о возможной причастности Румянцева к убийству усиливалась. Дело осталось за небольшим — показать его фотографию соседям убитой старушки. Но узнают ли они через шесть лет парня, мельком увиденного на улице?

Соседи, в основном пожилые люди, перебирали своими узловатыми руками фотографии нескольких молодых людей, предложенные для опознания. Брали одну, другую, возвращались к уже просмотренным, но в конечном счете их взгляды останавливались на Румянцеве. Не решаясь окончательно поставить на человеке клеймо преступника, несмело выдавливали из себя: «Вот этот, кажется, похож на того парня».

В тот же день Румянцева арестовали. Допрашивать его сразу не стали, а на целый час оставили одного. Славкин по опыту знал, что преступник сейчас начнет лихорадочно искать пути оправдания и запутается.

Но, к его удивлению, Румянцев не стал запираться. Его потрясли предъявленные следователем снимки с места происшествия, запечатлевшие убитую старушку. У арестованного опустились руки.

— Я не хотел ее убивать. Честное слово. Разве я стал бы себе жизнь портить убийством?

С каждым допросом Румянцева и свидетелей восстанавливалась картина трагедии шестилетней давности.

...В дверь постучали. Ефросинья Ивановна открыла ее и увидела высокого молодого мужчину в желтоватом плаще и серой шляпе.

— Извините, пожалуйста, я насчет пожарной безопасности, — несколько застенчиво произнес он.

Хозяйка пригласила его в дом. Войдя, пожарник деловито огляделся и развернул красную папку.

— Что ж, электропроводка у вас в порядке, печь тоже. Так и запишем, не будем время зря убивать, — мужчина что-то пометил в папочке, а затем, повернувшись к старушке, сказал:

— Иконостас у вас знатный. Иконы старые, наверное?

— Многие ими пользовались, давненько писанные.

— Ну что ж, у меня все. До свидания.

Румянцев, а это был он, ушел из дома столь поспеш-

но, потому что боялся запутаться в роли пожарного. Главное он сделал — убедился в ценности икон. А как, интересно, специалисты их оценят?

Об иконах в доме Ефросиньи Ивановны Румянцев узнал от знакомых, проживающих в Вольске. Намерениями обокрасть Л. он поделился со своими приятелями Играевым и Куренцовым и попросил их помочь. Отказа он не услышал, каждый согласился выполнить свою роль. Играев должен был спрятать украденные иконы, а Куренцов — снять квартиру и уничтожить одежду, в которой перед старушкой предстанет мнимый пожарный. Услуги, естественно, оказывались не безвозмездно.

Ранним утром «любитель старины» отправился на промысел. Быстро дошел он до знакомой улицы. Остановившись у ограды, осмотрелся: вокруг — ни души. Бесшумно перемахнув ограду, Александр быстро метнулся к сараю и спрятался за поленницей. Там он решил дождаться, когда старушка уйдет из дома. Приготовившись к долгому ожиданию, он сел на полено и прислонился спиной к холодным дровам. Медленно тянулось время. Наконец в доме что-то стукнуло, затем заскрипела входная дверь. Румянцев осторожно выглянул. Старушка запирала дверь на висячий замок. Вдруг она повернулась и, вместо того чтобы пойти к выходу, направилась к сараю. Румянцева затрясло: сейчас его обнаружат, но, не дойдя до поленницы, хозяйка сунула ключ с привязанной веревочкой в расщелину на стене. Шаркающей походкой она медленно пошла к калитке; ей, богомольной старушке, нужно было успеть в церковь к заутренней молитве. Румянцев облегченно вздохнул: «Не нужно будет дверь выламывать, так спокойно войду». Он натянул на руки припасенные перчатки, быстро достал из расщелины ключ и метнулся к двери. Ключ почему-то долго не попадал в скважину, а потом долго не поворачивался в ней. Наконец дверь открылась. Румянцев вынул ключ и повесил замок на место — со стороны создавалось впечатление, что дверь заперта. После этого он осторожно вошел в дом. Первым делом он бросился к углу, где, тускло мерцая серебряными окладами, висели иконы.

На незваного гостя смотрели скорбно и укоризненно огромные глаза святых. Казалось, сама совесть взирала на вора с потемневших досок. Румянцев одну за другой снял иконы и сложил их в мешок. Туда же от-

правил попавшуюся под руку серебряную лампаду и медный крест — распятие.

«Любитель старины» взялся за ставший тяжелым мешок — пора уходить. Но вдруг он услышал, как за стеной что-то стукнуло. Румянцев, чувствуя, как сильно стучит сердце, спрятался за занавеску, висевшую возле двери. Тяжело ступая, в комнату вошла хозяйка, видимо забывшая что-то дома и поэтому вернувшаяся с полпути.

«Что делать?» — стучало в мозгу у застигнутого врасплох вора.

Хозяйка между тем увидела, что иконостас разграблен.

И тогда Румянцев обхватил сзади восьмидесятилетнюю старушку своей крепкой борцовской рукой, а второй зажал ей рот. Перетащив хозяйку в сарай, он повалил ее на пол и затолкал в рот занавеску, прихваченную в доме. Затем он схватил полено, три раза ударил свою жертву по голове, поднял обмякшее тело и, бросив его в погреб, аккуратно прикрыл крышку. Осмотрев свою одежду, Румянцев вернулся в дом, забрал мешок и вышел на улицу. Кажется, его никто не заметил.

На заранее снятой квартире его ждали Играев и Куренцов.

Все трое долго рассматривали похищенные иконы. Потом, много позже, грабители узнают их названия: «Воскресение и сошествие в ад с праздниками и страстями»; «Иверская богоматерь с младенцем» типа одигирии в серебряном окладе; «Казанская богоматерь» в серебряном окладе; «Казанская богоматерь» в серебряном позолоченном окладе; «Казанская богоматерь» в медном окладе; «Николай угодник» — литография на жести; «Спас поколенный».

— Ну, хватит, насмотрелись, — Румянцев собрал иконы и взглянул на Играева, — давай на несколько часов спрячем их в подвале у твоих родителей. И сегодня же к твоему знакомому в Москве поедем. Он нам поможет «толкнуть» все это.

На следующее утро вся тройка была уже в подмосковном городе Мытищи, где жил знакомый Играева, некий Усатов. Его не интересовало, что иконы краденые, главное, что это выгодный товар. Покупатель посмотрел на предложенное, потрогал оклады пальцами, хмыкнул.

— А доски вроде ничего, подходящие. Сколько просите?

А продавцы и не знали, сколько просить. Усатов сам выбрал четыре иконы в серебряных окладах и серебряную лампаду. За все это он предложил три с половиной тысячи рублей и двое японских часов «Ориент». Это предложение вполне устроило Румянцева.

Через некоторое время он продал еще две иконы незнакомому мужчине, а последнюю широким жестом подарил хозяйке квартиры, где остановились. Это единственная икона, которую удалось отыскать, остальные разошлись по неизвестным людям.

Из полученных четырех тысяч рублей Румянцев две отдал Играеву и Куренцову. Деньги были приняты с благодарностью.

И вот на первом допросе сидит симпатичный парень, и следователь вновь мысленно «примеряет» к нему все совершенное. В сознании это никак не укладывается. Почему он стал вором и убийцей? Ни одна бумажка в уголовном деле не объяснит этого. Румянцев выглядит уверенно, голову держит высоко поднятой. Он давно оправился от шока, вызванного арестом. Нет, он ни в чем не запирался, вел себя так, словно вины особой за собой не чувствовал.

— Еще раз повторяю — я ее не убивал, а лишь хотел изолировать. Не предполагал такого исхода.

Много говорил Румянцев о своей молодости, об отсутствии человека, который помог бы ему выбрать путь в жизни, о безразличии окружающих, о постоянной нехватке денег. Слушал его майор М. Е. Намесин и не понимал.

— Мне тоже денег не хватает, как и многим другим. Но ни я и никто из моих друзей не грабят. Откуда эта вера в свою исключительность и безнаказанность?

...Мы сидим с Намесиным в кабинете, рассматриваем фотографии, на которых запечатлен следственный эксперимент. На одной — Румянцев показывает, как шел к дому, на другой — как перемахнул через забор. А вот на эту нельзя смотреть без внутреннего содрогания: убийца показывает, как он расправился с жертвой. Потрясает лицо преступника — спокойное, а на губах блуждает легкая улыбка. Что это, игра на фотокамеру или бесчувственность?

— Я доволен исходом нашей многодневной работы, —

говорит Михаил Егорович, убирая в сейф фотографии, — пусть с опозданием, но справедливость восторжествовала. Для меня это не громкие слова: безнаказанность развращает не только преступника, но и других. Я считаю, что успешное завершение нашей работы спасло судьбы по крайней мере еще нескольким людям, которые были готовы к нарушению закона. Задержание преступника остановило их.

Трудным было это дело. В течение нескольких лет «отрабатывалось» параллельно сразу несколько версий. Поднимался архив, сотни различных документов. Любая «зацепка» тщательно изучалась. Важно было не отчаяться, не опустить руки. Уже после того, как преступники были задержаны, анализ показал: направление было выбрано правильно и неминуемо привело бы к такому же финалу.

Читатель может упрекнуть меня за отсутствие динамизма в очерке. Где же погони, схватки, выстрелы? Пусть на это ответит М. Е. Намесин.

— На мой взгляд, вся эта детективная шумиха идет от плохой разработки операций по задержанию преступников, от поспешности. Тяп-ляп в нашем деле не годится, потому что за нашей ошибкой порой стоят жизни людей. И еще одно, самое главное условие — быть профессионалом. И тогда будут и интуиция, и вдохновение.

Были в жизни старшего оперуполномоченного уголовного розыска майора милиции М. Е. Намесина и случаи с детективной атрибутикой, но, если честно, он ими не гордится.

...Закончился суд, вынесший суровый и справедливый приговор Румянцеву и его сообщникам.

Неверующий Намесин долго потом смотрел на ту единственную изъятую икону под названием «Воскресение и сошествие в ад с праздниками и страстями». Как верно неизвестный русский мастер изобразил жизнь с ее неизбежным выбором между возвышенным и низменным, с соблазнами и страстями и, главное, с обязательным наказанием за содеянное зло.

Тамара Катилевская

В ГОРОДЕ — ТИХИЙ ВЕЧЕР

Уже больше двадцати лет основное место работы у Анатолия Ефимовича Горбунова — самый центр Саратова. Его просторную главную площадь, прилегающие к ней улицы он обходит и объезжает во время каждого дежурства все эти долгие годы по нескольку раз.

Анатолий Ефимович — милиционер. А точнее, старшина милиции подразделения патрульно-постовой службы УВД Саратовского горисполкома. Его задача, говоря упрощенно, поддерживать порядок на закрепленном за ним участке, на улицах, в подъездах и дворах, в кафе и других общественных местах. Так что по роду службы ему, вообще-то, немало приходится встречаться с не лучшими жителями города и вести беседы трудные, а слова порой выслушивать не самые приветливые. И тем не менее, когда его попросили рассказать о своей работе, первое, что вспомнил, было — как доверили ему на площади Революции пост во время первомайской демонстрации, потом ноябрьской. Теперь уже много в его памяти праздничных картин: ликующие колонны с цветами, транспарантами идут мимо трибун. Сколько приветливых, добрых лиц!

Вот говорят, что некоторые работники милиции, изо дня в день встречаясь с негативным, ожесточаются душой. Правда ли? Горбунов размышляет: к сожалению, к этому легко прийти, поэтому очень важно сохранять чувство справедливости, неукоснительно следовать закону, но помнить: закон карает, а лечит все же доброта, понимание. Конечно, милиционер ведет себя на улице в зависимости от ситуации. Если надо, задержит силовым приемом хулигана. Но основная его работа — профилактика правонарушений! Лучший показатель его работы — отсутствие происшествий на вверенном участ-

ке. Вот и получается, что лучший милиционер — это обязательно психолог, который предотвращает конфликт. Обозленный до этого не поднимется.

Наверное, не случайно Горбунов не смог вспомнить из своей многолетней практики на одном и том же участке большого города ни погонь, ни отчаянных схваток с преступниками. Ничего этого не было. Зато Горбунов знает, в каких подъездах собираются покурить подростки, и их самих многих знает. С их родителями не раз беседовал: почему дети ничем не увлечены? Знает, где и когда появляются подвыпившие, хотя в последнее время их стало гораздо меньше.

Глаз у него наблюдательный. Вот, допустим, идет он в толпе, привычно вглядывается в лица прохожих. Среди них, таких разных — спорящих, задумчивых, влюбленных, усталых, — мгновенно выделяет уже опустившихся на ступеньку, а то и на несколько...

Случалось и так, что милиционер считал себя вправе остановить подозрительного прохожего. Например, однажды на дежурстве Горбунов тронул за плечо своего водителя:

— Останови.

По пустынной вечерней улице шел человек в осеннем пальто, немного сутулясь, за пазухой у него неладно топорщилось. Водитель даже ахнул, когда Анатолий Ефимович в конце концов заставил показать прохожего, что́ он прячет. Оказалось, что это... большой кусок мяса. Но почему человек несет пачкающий продукт столь странным способом? Горбунов понял, что перед ним воришка, которому удалось поживиться. Он оказался мужем работницы столовой индустриально-педагогического техникума. Вдвоем они обкрадывали учащихся и обманывали контролеров. И пресек их деятельность милиционер из патрульно-постовой службы, к ОБХСС никакого отношения не имеющий.

Можно привести и другие случаи, когда Горбунов задерживал подозрительных. Он пресекал их на «мелочах» и останавливал перед новыми правонарушениями, на которые они могли бы пойти, останавливал перед преступлением, трагедией, крахом жизненным.

Можно возразить, дескать, психолог-то он психолог, физиономист. Но ведь, наверное, и он когда-нибудь ошибался. Как в таких случаях вел себя? Не влияло ли это на его авторитет? С готовностью Горбунов взялся рас-

сказывать и такой случай из своей практики. Считает, что милиционер не вправе ошибаться, как и врач. Но уж если все-таки ошибся — надо признать честно, постараться исправить несправедливость.

А дело было так. Объезжал как-то Горбунов посты, видит, что по улице Радищева идет человек, его качает, походка свидетельствует: нетрезв. Горбунов остановил машину, задержал прохожего, тот стал утверждать, что он не пьян. Но в это было трудно поверить. Пришлось доставить его в медвытрезвитель. Там уже медсестра выяснила то, что задержанный постеснялся сказать милиционеру: у него была травма головы, нарушена координация движений. Горбунов искренне извинился, пригласил нового знакомого в машину и отвез туда, куда он попросил. Прощаясь, еще раз извинился.

Наверное, кто-то не поверит и возразит, дескать, вот уж, станет милиционер несколько раз извиняться. Работа, мол, такая, чтобы подозревать. Станет. Такой, как Горбунов, не простит себе перехлеста, а тем более невежливости даже по отношению к нарушителю, а тем более к невиновному.

Горбунов убежден, что суть его патрульно-постовой службы — профилактика, предотвращающая крупные правонарушения. Она совсем не похожа на детектив. Но идеальный результат этой деятельности... отсутствие работы у детективов. Важно вовремя одернуть, предупредить, поговорить по душам с оступившимся человеком. При этом главное — именно вовремя.

Был период в жизни Горбунова, когда он работал помощником дежурного в Волжском РОВД. Довольно долгий период — около восьми лет. В то время он одним из первых узнавал о происшествиях в районе, связанных с нарушением правопорядка. В том числе и о крупных преступлениях, страшных, непоправимых.

...Звонил участковый Марканов (сейчас он работник Кировского РОВД Саратова). Сообщил о тревожном разговоре с жителем своего микрорайона. Тот бахвалился, что убил свою приятельницу и ее нынешнего поклонника, адрес приятельницы известен, она живет в районе магазина «Дачник». Горбунов заехал за участковым, и вот они перед неказистым частным домиком, в котором темно и тихо. Марканов торопливо рассказывает, что всем троим по двадцать пять лет. Тот, что бахвалился, — продавец магазина. У него уже была суди-

мость, «малолеткой» попался на грабеже. Вот уже несколько лет, как он на свободе. Неужели то, что он рассказал, — правда и в этом доме случилась трагедия?

Дом оказался на замке. Два милиционера обошли его вокруг, заглянули в окно. Ничего не видно. Попытались открыть — оно поддалось. Подумали, решились влезть. В комнате полутьма. Что это на полу? Кажется, кровь. А вот и два трупа, прикрытые одеялом. Стояли в оцепенении. Потом, словно проснувшись, заспешили, осознавая, что медлить нельзя, — убийца гуляет в другом доме, пьет и веселится, и еще неизвестно, что нового может натворить.

Через полчаса преступник был арестован. Два работника милиции доставили в отделение всю компанию, в которой был и он. Нашелся и предлог, чтобы его не вспугнуть: Горбунов и Марканов предъявили гулякам жалобу соседей на шум. В тот же день материалы были переданы следствию. Был суд, Горбунов ходил на его заседания.

И потом ему не раз приходилось задумываться над закономерностью: те, кто в молодости попадают за решетку, нередко оказываются за ней и в другой раз. Неужели не учит опыт?

Милиционер может добиться результатов только совместными усилиями с трудовыми коллективами, общественностью. Горбунов это понимает отчетливо. И сам много работает с отрядами дружинников, которые дежурят по вечерам в опорных пунктах вместе с постовыми. Объясняет законы и правила, которыми должно и нужно руководствоваться каждому гражданину в общественном месте, а также конкретно им, помощникам милиции, надевшим красные повязки на рукава.

Дружинники часто задавали ему острые вопросы, касающиеся его работы. Просили рассказать о «страшных» случаях. Он делал это неохотно. Повторяя, что его профилактическая деятельность гораздо важнее и интереснее того, что попадает уже к следователю, а потом и в суд. Это детективы читать увлекательно. А в жизни преступление отвратительно своей грязью, нелогичностью, цинизмом. Часто его и распутывать не надо — оно все здесь, с началом и концом.

Вот он, Горбунов, несет службу на улицах города. И он должен не допускать любых нарушений общественного порядка.

Пусть для кого-то играет музыка на танцплощадке. Он будет стоять на посту. Пусть ничего не происходит и ему нечего будет рассказать о минувшем дежурстве. Он тогда расскажет просто о том, какой хороший был вечер. А какая ясная светила луна! Ведь это действительно получится чудесный рассказ.

И все-таки в очередной раз по просьбе дружинников он припомнил один из своих «страшных» случаев. Дело происходило летом в районе улиц Ленина и Радищева. Двое подвыпивших — как потом выяснилось, они возвращались со свадьбы с Соколовой горы — затеяли драку у «Пельменной». Горбунов по рации вызвал машину медвытрезвителя, а сам потребовал прекратить безобразие. Один из хулиганов побежал, пытался спрятаться в клумбе канн, но был водворен в машину. Второй оказался агрессивным, сопротивлялся милиционеру, ругался, ударил его. Покатилась форменная фуражка. На помощь пришли прохожие: неизвестный солдат, водитель. В общем, отправили-таки буяна в медвытрезвитель. А потом состоялся суд. За оказание сопротивления работнику милиции нарушитель понес наказание — три года лишения свободы. И вот чем этот случай по-настоящему страшен. В конце прошлого года Горбунов задержал на улице областного центра пьяного человека. Они узнали друг друга. Это был старый знакомый. За три года он лучше не стал... Обидно за человека. И множество сомнений: всегда ли благо наказание?

Но ведь не наказывать тоже нельзя, нельзя быть добреньким и способствовать безнаказанности! Вот тогда, в другой раз, разве был не прав? Знакомые ребята с судоремзавода, которых Горбунов знал по общежитию, где обитал в первые годы после службы в армии начинающим милиционером, сообщили: недалеко от кинотеатра «Искра» в подвальном пивбаре двое — с охотничьими ножами. Милиционер поспешил к указанному месту, даже не забежав в пикет милиции: дорога была каждая минута. Обезоружил одного, а позже, уже с общественниками, подобрал второй нож, выброшенный незаметно. В пикете задержанные ругались, и потом, уже в зале суда, один из них замахнулся на судью. И опять милиционер схватил за руку распоясавшегося хулигана. А такого — можно простить? Такой должен понять, почувствовать неотвратимость наказания. Хо-

тя, конечно, жаль, что вырос человек таким, что вышел к людям с ножом в кармане, и люди его в конечном счете отторгли от себя.

Горбунов часто делился своими размышлениями не только с дружинниками, но и с ребятами подразделения, которое возглавляет.

Наверное, не случайно уже несколько лет, с тех пор как создана при горисполкоме патрульно-постовая служба милиции, его избирают в состав совета наставников. Горбунов охотно работал с новичками и раньше. Например, когда еще сам был постовым, а не командиром подразделения, был наставником у Павла Петровича Агапова. До сих пор помнит, как несли службу в парке Победы на Соколовой горе. Вместе радовались, наблюдая, как притихают здесь бойкие подростки, как светлеют лица рядом с Вечным огнем.

А однажды подняли букву, оторванную с дорогой надписи. Нашелся кто-то, посягнувший на память. Может, и они в какой-то степени виноваты в этом. Тем, что не углядели, кто это был. Человек остался безнаказанным. С таким сердцем он еще немало боли причинит окружающим. Агапов тогда возмущался, говорил, что обязательно отыщет хулигана. Но не отыскал. И все же Анатолий Ефимович уже тогда понял, что на службу пришел очень неравнодушный человек, из него обязательно получится хороший милиционер... Прошло несколько лет. Прогнозы оправдались. В конце прошлого года Агапов возглавил подразделение патрульно-постовой службы — такое же, как у Горбунова, заслужил доверие. И в социалистическом соревновании они теперь соперники.

...Постовой милиционер А. К. Ситкалиев и водитель подразделения С. А. Ненилин в шесть утра объезжали на дежурстве свой участок. Обоим по двадцать пять — двадцать шесть лет, молодые ребята, но имеющие хороших учителей, практику. Александр Кузьмич пришел с железной дороги, там работал в милиции. А Сергей Алексеевич после армии поступил в райотдел.

В то утро на улице Радищева, недалеко от магазина, они остановили двух пьяных. Их удивило, что у задержанных с собой несколько бутылок коньяка, за пазухой приемник. Решили выяснить, что за личности. Только усадили в машину, заработала рация. Милиционеры получили сообщение, что в магазине на их уча-

стке сработала сигнализация, в него проник вор, а вернее — воры. Ими, как вскоре выяснилось, оказались задержанные! Преступление было раскрыто по горячим следам в короткое время.

Этот случай подробно обсуждал Горбунов с новичками. Еще раз попросил Ситкалиева и Ненилина рассказать по порядку, час за часом, как шло дежурство. Ведь такие обсуждения — своеобразные уроки не только совсем новеньким, но и постовым со стажем солидным.

Итак, шесть утра. Постовые следуют на машине по улице, в центре Саратова. Рация пока еще молчит. Появляются двое прохожих. Заметно, что они нетрезвы. Ну и что? Может быть, предоставить их самим себе? День только начался, пустынно, дойдут до дому, отоспятся, вряд ли они представляют опасность для общества в данное время и при данных обстоятельствах. Ведь милиционер задерживает не всякого, кто выпил. Почему же именно этих нужно останавливать?.. Стоп. Начинаем размышлять. А лица? Всмотримся внимательнее, попытаемся определить: кто они по профессии, где провели ночь, наконец, способны ли они на преступление? Конечно, трудно все это угадать по одной внешности, манере держаться. Бывают же случаи, когда за ангельской внешностью скрывается авантюрист, подлец, мошенник. Бывают! Но очень редко. Исключительно. Так есть ли в этих лицах нечто, вызывающее беспокойство у постовых? Есть, да вот и страх в глазах мелькнул. И коньяк в карманах и за пазухой. По лицам, одежде никак не скажешь об их склонности к дорогому, изысканному напитку, который знатоки и любители обычно пьют маленькими порциями, и никогда — вот так, бутылками, на улице, вообще без посуды. А то, что они пили не в домашних условиях, ясно по начатой бутылке, плещущей на одежду... Дальше. Приемник за пазухой. Импортный. Здесь тоже что-то не вяжется с общим видом задержанных. Что именно? На фоне общей непрезентабельности дорогой предмет бросается в глаза как инородное тело. Инородное. Вот и найдено слово. Приемник этим двум не принадлежит.

— Прошу в машину, проедем в отделение.

Горбунов задает вопрос сослуживцам: есть ли просчеты в ходе рассуждений постовых? И все вместе приходят к выводу: практически нет.

Это только со стороны кому-то может показаться, что служба милиционера патрульно-постовой службы не требует особых мыслительных способностей. Напротив, здесь нужен тоже своего рода талант.

...Весенний мартовский день. Обычный день дежурства старшины милиции патрульно-постовой службы УВД Саратовского горисполкома А. Е. Горбунова. 16.00 — Анатолий Ефимович начинает проверку несения службы на постах Волжского района. На связь с командиром выходит по рации сержант Рафик Гафуров, после взаимных приветствий сообщает:

— Возле кинотеатра «Маяк» задержаны двое в нетрезвом состоянии.

— Все ясно, сейчас доставим в медвытрезвитель.

Работа началась. А смена сегодня ожидается неспокойной. Горбунов получил информацию: вчера, когда он отдыхал, в 9.37 неизвестные угнали машину «Жигули» от главка мелиорации. По городу уже выставлены дополнительные посты, всем сообщен номер пропавшего автомобиля, составлен план перекрытия улиц. Его подчиненные тоже должны обращать внимание на номера проезжающих машин. Значит, двойная нагрузка. А кроме того, мысль о том, что за рулем автомобиля может оказаться человек, который не справится с управлением, преступник...

У катка «Динамо» сегодня на посту Чуриков и Кураев. Пара интересная, отличные ребята, наставник и подопечный. Чуриков — наставник, сержант милиции, хотя в подразделении с прошлого года, с севера сюда приехал, здесь родина жены. Кураев после армии; брат его, кстати, тоже милиционер. Вообще-то, каток — объект из разряда сложных. Случалось, отсюда поступали жалобы. Как дела обстоят сегодня? Дежурные докладывают с удовлетворением:

— Происшествий нет.

А Горбунова не оставляет мысль об угнанной машине. Память работает на ассоциациях. Около трех лет назад дежурил он как-то в парке Победы, прогуливался по аллеям, вдыхал свежий воздух, оглядывал город с высоты. Потом задумался, углубился по какой-то узенькой тропинке в заросли и вдруг замер. В кустах торчал остов раскуроченной машины. Он немедленно сообщил о находке в отделение милиции, а сам остался дожидаться подмоги. Горько думал, что хозяину своей

машины уже не собрать, а угонщика, спустя столько времени, скорее всего, найти не удастся.

Горбунов сам любит технику, с удовольствием водит машину, хотя своей у него нет — только мотоцикл. Это умение обращаться с автомобилем не раз его выручало на службе. Допустим, задержали они с дежурным водителем пьяного за рулем. «На руках», получается, две машины. Пьяного водворяют в служебную, а вторую ведет Горбунов.

По рации поступает новое сообщение. В доме по улице Малая Горная — происшествие, нужно выехать для обследования места, доложить, в чем дело. Горбунову часто приходится действовать с представителями других подразделений милиции — работниками госавтоинспекции, ОБХСС, а то и уголовного розыска. Задача у всех одна: поддерживать в городе порядок, изолировать тех, кто преступает закон, кто посягает на интересы общества. Так что вперед — на место происшествия.

И снова мысли об угнанной машине. Уже целые сутки она в розыске. Ее ищет весь город, все закоулки осмотрены. Нигде никаких следов. Значит, где-то припрятана. Вариант с нахулиганившими подростками, скорее всего, следует исключить. Чем больше проходит времени, тем меньше уверенности, что она еще в целости и сохранности. У Горбунова есть один специальный пост, а вернее, группа сотрудников из подразделения, которая дежурит у гаражей на Соколовой горе. Вроде бы все предусмотрено работниками милиции для охраны имущества граждан. И что же? Здесь уже зафиксирована кража — разукомплектован «Москвич» прямо в гараже. Виновных пока еще не нашли. Но Горбунов уверен:

— Найдем. Сколько веревочке ни виться... Все вместе обязательно найдем.

Все вместе — это значит, что примут участие работники самых разных подразделений милиции, дружинники, общественники...

Дежурство продолжается. Горбунов приветствует В. А. Киселева и Ю. М. Никитина, которые несут службу сегодня в его смену. Это ветераны подразделения, у них и ветеранские медали есть. Владимир Анатольевич двадцать восемь лет в милиции. У Юрия Матвеевича стаж чуть меньше, в мае будет двадцать три, у

Горбунова — двадцать два. Работать с такими сослуживцами легко, они всегда подстрахуют, поправят, доделают недоделанное, совет дельный дадут. Горбунов прощается с товарищами:

— Счастливо, ребята, удачной службы.

Что и говорить, по-разному приходят в милицию люди. Одни сознательно выбирают профессию, другие по стечению обстоятельств. Бывают случайные. Последние быстро отсеиваются, не задерживаются. Но есть часть среди новичков, которые вроде бы и хотят работать, но не понимают ответственности, допускают ошибки. Вот с ними-то Горбунову и его товарищам повозиться приходится. Конечно, легче избавиться от тех, кто ошибается. Но где взять лучших? Самим надо воспитывать.

Лет шесть назад пришел в милицию П. В. Ерусланов, водитель, молодой парень. И вроде бы службу неплохо начал. Но вот поступила на него жалоба от соседей по дому, где он живет. Оказывается, Ерусланов затеял в квартире шумный праздник с выпивкой. Мало того — перенес его во двор, где жарил шашлыки. Соседи жаловались: дескать, сам милиционер, а что себе позволяет! В коллективе товарищи резко осудили нового сотрудника, невольно бросившего и на них пятно. Его объяснение, что все происходило в свободное от работы время, в расчет не было принято. «Дело» было передано на рассмотрение в товарищеский суд. Ерусланов тогда уплатил штраф. А в конечном счете раз и навсегда понял: работник милиции должен быть примером для окружающих во всех своих делах, невозможно быть милиционером от такого-то часа до такого.

Больше нареканий в его адрес не было...

Утро Горбунов встретил на дежурстве в самом центре города, на площади Революции, у Вечного огня. Солнце вставало из-за высоких зданий города, согревая их своими теплыми лучами, отражаясь в чистых окнах. Пора сдавать смену. Все ли в порядке? Наверное, ответить утвердительно на этот вопрос работник его профессии может редко. Разве только в кино, когда все нарушители пойманы и все преступления раскрыты. Машину «Жигули» сегодня отыскать не удалось. Но будет завтра день и будет завтра служба!

У него нередко спрашивали: как получилось, что выбрал именно эту нелегкую профессию, с чего начиналась его дорога на эти бесконечные дежурства?

Горбунов когда-то был сельским. Родился в Петровском районе, в селе Рубцовка. И уже сам день его рождения будто предрекал — носить Анатолию Ефимовичу погоны, стоять на страже мирной жизни людей: он выпал на 23 февраля, День Советской Армии. Так что каждый год вместе с праздником страны Горбуновы отмечают и свой семейный праздник. Год его рождения — 1943-й. Шла война. Отец, Ефим Тимофеевич, с первых дней Великой Отечественной был призван в армию. На Днепре принял свой первый бой. Первый и последний. В этом бою он был ранен, потерял глаз, его жизнь спасло только то, что пуля была на излете. Позже он с горечью будет говорить детям:

— Я ведь и повоевать не успел, фашиста в лицо так и не увидел. Другие родину защищали, пока я в тылу на госпитальной койке валялся.

Лечился он уже в Саратовской области, в Балашове, где в то время располагался военный госпиталь. А потом был комиссован. Так и вернулся к жене и трем ребятишкам. Без глаза, зато с руками. Возглавил тракторную бригаду в колхозе, с детьми и женщинами выращивал хлеб для фронта. Здесь теперь был его передний край. А потом родились еще двое военных детей, которые тоже стали помощниками, опорой, чуть встав на ноги.

Надорвались от непосильной работы родители, недолго прожили. Сейчас их нет. Как нет больше родного дома в петровском селе. Да и села того уж нет сейчас. Застарела, распалась Рубцовка, вместе с соседними селами — Медведицей, Крыловкой. Разъехался народ кто куда. Анатолий Ефимович в начальных классах обучался уже в Гудошино, где конный завод. Отец в ту пору работал конюхом в колхозе. Табун его был небольшой — лошадей сорок-пятьдесят. Но хлопот доставало: напоить, накормить животных, вычистить, помогали сыновья.

Анатолий Ефимович и теперь признается, что сохранил любовь к лошадям, не забыл, как обращаться с ними. И хоть теперь нет в петровских селах у него близких, вдруг летом да засобирается в далекую поездку на мотоцикле. Повод всегда есть: так получилось, что у жены родственники как раз в том районе. Они сами немало удивлялись, встретившись и поженившись в Саратове, тому факту, что их родители когда-то жили в

соседних селах. Но вот поди ж ты, судьба свела вместе именно здесь! Поездка в родные места всегда приносит всей семье много радости. Горбуновы любят побродить по лесу, посидеть на лужайке, покормить из руки хлебом колхозную лошадь. И, конечно, вспомнить тех, кто дал им жизнь, наказывал смотреть людям в глаза честно и прямо.

У Горбуновых двое ребятишек. Старшая, Иринка, уже совсем большая, в шестом классе. А Дима — третьеклассник. Родители как-то без тревоги воспринимают, что мальчишка подходит к трудному подростковому возрасту. Анатолий Ефимович вспоминает, как его самого родители воспитывали. Специально никто такой целью не задавался — «воспитывать». Родители всегда были в работе, не ловчили, не обманывали. В доме не было ничего лишнего, да и взяться ему было неоткуда. Наверное, не случайно четверо их детей выбрали рабочие профессии: два слесаря, сварщик и контрольный мастер. Вот только пятый стал милиционером, да и то не сразу. До армии он в Петровске поработал токарем два года. А когда вернулся на завод, ему стало чего-то не хватать.

Узнал от знакомых, что можно поступить на учебу первоначальной подготовки милиционеров в Саратове. Собрался быстро, попрощался с родственниками в Петровске и приехал в областной центр. Здесь, пока обучался два месяца, понял окончательно: правильный сделал выбор. А потом началась его служба в Волжском РОВД Саратова. Этот район Горбунову очень понравился. Рядом Волга, здесь чудесный старинный парк «Липки», самая большая площадь в областном центре — площадь Революции. А сколько красивых тенистых двориков, сколько зданий с мемориальными досками! Ходить по таким улицам можно бесконечно.

...Позапрошлым летом Анатолию Ефимовичу вручили большую награду — орден Красной Звезды. За что? За то, что на вверенном ему участке в центре Саратова происшествий почти не бывает.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Азанов. Кража века 3
В. Гольдман. Сейф из Франции и туфли фабрики «Скороход» . . . 16
В. Котин. Участковый 38
О. Александров. Золотой портсигар . 57
Ю. Преображенский. С поличным . . 69
Г. Сухова. Операция «Мираж» . . 80
М. Исхизов. Такая работа . . . 91
В. Кузьмин. По старому следу . . 131
Т. Катилевская. В городе — тихий вечер 138

Массово-политическое издание

ВСЕГДА НАЧЕКУ

Составитель капитан милиции
В. А. Кузьмин

Редактор О. Козин
Художник В. Евграфов
Художественный редактор В. Иванов
Технический редактор Л. Долгова
Корректор Е. Феклистова

ИБ № 1555

Сдано в набор 22.02.89. Подписано в печать 25.05.89. ПГ45283. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 7,98. Усл. кр.-отт. 8,4. Уч.-изд. л. 8,14. Тираж 5000. Цена 55 коп. Заказ 351.

Приволжское книжное издательство. 410071 Саратов, пл. Революции, 15.

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома. 410071 Саратов, пр. Кирова, 27.

55 к

Саратов
Приволжское
книжное издательство
1989

ВСЕГДА НАЧЕКУ